

К 100-летию со дня рождения
профессора, ректора ПетрГУ
Михаила Ильича ШУМИЛОВА

2025
Том 10, № 4

М. И. Шумилов и
строительство новых
корпусов
Петрозаводского
университета

Отголоски Карельской
авантюры 1921–1922 гг.
в южной Карелии

Судьба нотариата в
Олонецкой губернии
в 1917–1918 гг.

Тактика советской и
немецкой разведки в
ходе зимней кампании
1941–1942 гг.

А также:

Цифровой кодекс
Российской Федерации:
правовые вызовы и
перспективы

Принципы и приемы
создания проблемной
ситуации на уроках
русского языка

и другие материалы

StudArctic Forum
Студенческий научный электронный журнал

Издатель

ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»
Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Студенческий научный электронный журнал

StudArctic Forum

2025. Том 10, № 4

Главный редактор

И. В. Савицкий

Заместитель главного редактора

А. А. Малышко

Редакционный совет

С. В. Волкова
М. И. Зайцева
Г. Н. Колесников
В. С. Сюнёв
В. А. Шлямин
И. М. Суворова

Редакционная коллегия

А. Ю. Борисов
П. С. Воронина
Р. В. Воронов
Т. А. Гаврилов
Е. О. Графова
Л. А. Девятникова
М. И. Зайцева
А. А. Ившин
Е. Л. Казакова
А. А. Кузьменков
А. А. Лебедев
Е. Н. Лузгина
Ю. В. Никонова
М. И. Раковская
А. А. Скоропадская
Е. И. Соколова
А. А. Шлямина

Службы поддержки

А. А. Лебедев
А. В. Ананьина
А. А. Малышко
Л. А. Крупина

ISSN 2500-140X

Адрес редакции

185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Ленина, 33.

E-mail: saf@petrsu.ru

<http://saf.petrsu.ru>

Publisher
Petrozavodsk State University
Russian Federation, Petrozavodsk, Lenin av. 33.

Student scientific electronic journal
StudArctic Forum

2025. Vol. 10, № 4

Editor in Chief
Ivan V. Savitsky

Deputy Editor in Chief
Anton A. Malyshko

Editorial staff

Svetlana V. Volkova
Maria I. Zaitseva
Gennady N. Kolesnikov
Vladimir S. Siounev
Valery A. Slyamin
Irina M. Suvorova

EDITORIAL TEAM

Alexey Yu. Borisov
Polina S. Voronina
Roman V. Voronov
Timmo A. Gavrilov
Elena O. Grafova
Lyudmila A. Devyatnikova
Maria I. Zaitseva
Alexander A. Ivshin
Elena L. Kazakova
Alexander A. Kuzmenkov
Alexander A. Lebedev
Elena N. Luzgina
Yulia V. Nikonova
Marina I. Rakovskaya
Anna A. Skoropadskaya
Evgeniya I. Sokolova
Anastasiya A. Slyamina

SUPPORT SERVICES

Alexander A. Lebedev
Anastasia V. Ananyina
Anton A. Malyshko
Lyubov A. Krupina

ISSN 2500-140X
Editorial address
185910, Republic of Karelia, Petrozavodsk, st. Lenina, 33.
E-mail: saf@petrsu.ru
<http://saf.petrsu.ru>

Содержание № 4, Т. 10, 2025

Сафонова А. Ю.	Десятилетие борьбы: ректор М. И. Шумилов и строительство новых корпусов Петрозаводского университета	5 - 11
Голубенцева А. О.	Судьба нотариата в Олонецкой губернии в 1917–1918 годах	12 - 20
Попов Д. А.	Отголоски Карельской авантюры 1921–1922 гг. в южной Карелии	21 - 32
Буровский А. А.	Тактика разведывательно-диверсионных групп Краснознамённого Балтийского флота и Вермахта в ходе зимней кампании 1941–1942 гг.	33 - 41
Власова А. А.	Ошибки в выборе видо-временных форм глагола в письменных студенческих текстах на французском языке (корпусное исследование)	42 - 47
Дементьева Э. В.	Методы формирования математических представлений в детском саду: сравнительный анализ немецкого и российского подходов	48 - 55
Казьмина Е. Д.	Принципы и приемы создания проблемной ситуации на уроках русского языка	56 - 64
Калинина П. Н.	Проблема определения понятия Task-Based Learning (TBL)	65 - 72
Кутепова И. Ю.	Особенности возрастной динамики мотивов учебной деятельности младших школьников с задержкой психического развития	73 - 85
Ефремова Е. А.	Становление административной юстиции в России: этапы и особенности	86 - 94
Закиров В. Д., Кожевников А. К.	Правовое регулирование электронных платежей и их влияние на процессы администрирования НДС в контексте цифровизации экономики	95 - 102
Ильичёв С. А.	Презумпция совместного воспитания в семейном праве: правовая конструкция и механизм реализации	103 - 109
Кожевников А. К.	Цифровой кодекс Российской Федерации: правовые вызовы и перспективы	110 - 122
Нечаев В. С.	Согласие на обработку персональных данных: анализ изменений законодательства	123 - 130
Носкова О. В.	Крепость Пор-Бажын в Тыве как потенциал для развития этнотуристического комплекса	131 - 137
Панкова А. А.	Прометеевские подтексты в лирике В. К. Кюхельбекера	138 - 148

Научная статья
УДК 69(09)

САФОНОВА
Анна Юрьевна

бакалавриат, Петрозаводский государственный
университет (Петрозаводск, Россия),
Safonova2005.06@yandex.ru

ДЕСЯТИЛЕТИЕ БОРЬБЫ: РЕКТОР М. И. ШУМИЛОВ И СТРОИТЕЛЬСТВО НОВЫХ КОРПУСОВ ПЕТРОЗАВОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный руководитель:
Шорохова Ирина Викторовна
Рецензент:
Волохова Валентина
Владимировна
Статья поступила: 24.11.2025;
Принята к публикации: 15.12.2025;
Размещена в сети: 15.12.2025.

Аннотация. В годы ректорства М. И. Шумилова (1973–1991) в Петрозаводском университете остро стояла проблема нехватки учебных корпусов и общежитий. В статье рассматривается процесс проектирования и строительства комплекса зданий университета в районе Древлянки. На основе широкого круга архивных источников и периодической печати исследуются административные и финансовые проблемы, которые привели к тому, что начало строительства затянулось почти на 10 лет и началось только в 1988 году. Во многом трудности были связаны с тем, что финансирование сферы культуры и образования велось по остаточному принципу.

Ключевые слова: Петрозаводский государственный университет, М. И. Шумилов, И. И. Сенькин, А. А. Кочетов, Гипровуз, Древлянка

Для цитирования: Сафонова А. Ю. Десятилетие борьбы: ректор М. И. Шумилов и строительство новых корпусов Петрозаводского университета // StudArctic Forum. 2025. Т. 10, № 4. С. 5–11.

Осенью 2025 года в Петрозаводском государственном университете отмечали два юбилея: 85-летие университета и 100-летие со дня рождения профессора, доктора исторических наук Михаила Ильича Шумилова. Без малого 20 лет (с 1973 по 1991 годы) Михаил Ильич возглавлял Петрозаводский университет. Актуальность темы обусловлена важностью изучения вклада ректора М.И. Шумилова в развитие вуза.

В начале 1970-х годов в СССР были принятые постановления о мерах по дальнейшему совершенствованию высшего образования. Однако они не подкреплялись выделением средств, поэтому материальная база вузов была развита слабо [Шумилов, 2005: 216]. Петрозаводский государственный университет не был исключением. Учебно-материальная база университета значительно отставала от существовавших требований: средний размер полезной учебной площади на одного студента дневного обучения составлял 6,5 кв. м. при норме 10–12 кв. м.¹, занятия проводились в три смены с 8 до 23 часов [Бутвило: 323]. Больше, чем 1 тыс. студентов университета не хватало мест в общежитиях². Руководству вуза предстояло совместно с местными властями решать задачи по развитию университета.

Целью данной статьи является изучение процесса проектирования и строительства новых корпусов Петрозаводского государственного университета в районе Древлянки в годы ректорства М.И. Шумилова. Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

1) рассмотреть планы строительства новых корпусов Петрозаводского государственного университета в 1970–1980-е годы;

2) изучить основные этапы подготовки строительства новых корпусов;

3) проанализировать результаты решения вопроса к концу периода ректорства М.И. Шумилова.

Для написания работы использовались документы Национального архива Республики Карелия из фонда Карельского республиканского комитета Компартии РСФСР. Эти документы позволили выявить основные этапы решения вопроса строительства нового комплекса зданий, увидеть какие проблемы мешали началу строительства и как они преодолевались.

* * * * *

Перед ректором М.И. Шумиловым, назначенным на эту должность в ноябре 1973 года³, стояла важная задача укрепления материальной базы вуза⁴. В плане развития Петрозаводского государственного университета на 1975–1980 гг. Михаил Ильич писал: «чтобы привести учебно-материальную базу университета в соответствии с нынешним контингентом студентов и действующими нормативами, необходима прибавка полезной площади в размере 25–30 тыс. кв. м.»⁵. Для решения этой задачи М.И. Шумилов предлагал предусмотреть в плане десятой пятилетки в Карелии (1976–1980 годы) строительство нового учебного корпуса Петрозаводского университета для инженерных специальностей на 2 тыс. чел. или 25–30 тыс. кв. м. по типовым проектам Гипровуза. Помощь с финансированием предполагалось запросить у Минвуза РСФСР при долевом участии заинтересованных министерств⁶.

В первую очередь нужно было найти подходящую для строительства территорию. Без согласования с государственными общесоюзными ведомствами невозможно было решить ни один вопрос. Гипровуз – государственный институт по проектированию высших учебных заведений, занимавшийся созданием типовых проектов зданий вузов в СССР – рекомендовал выбрать для строительства нового корпуса университета участок по дороге на Лососинное. Однако выделить это место не представлялось возможным – там уже был запроектирован первый жилой микрорайон Древлянка⁷. Ректорат университета обратился в Совет Министров КАССР с ходатайством об отводе земельного участка в черте города, отвечающего современным требованиям развития вуза⁸. На рассмотрение ректора ПГУ М.И. Шумилова, главного архитектора Петрозаводска Э.Ф. Андреева и заведующего отделом науки и учебных заведений обкома КПСС А.П. Германова было вынесено два предложения. Одно из них предусматривало локальное решение поставленной задачи: предлагалось выделить участок, ограниченный улицами Гоголя, Анохина, Красноармейской и набережной р. Лососинки. На этой территории могли быть построены 3–4 новых учебных корпуса со сносом ветхого и аварийного жилищного фонда. Однако в этом случае было бы необходимо строить дома для переселения жителей. Кроме этого в указанном месте не представлялось возможным создание ботанического сада, необходимого университету⁹.

Второй вариант при выборе места строительства нового учебного корпуса представлялся ректору ПГУ более предпочтительным, поэтому М.И. Шумилов сделал выбор в пользу участка в районе Древлянки, к западу от радиозавода, за линией электропередачи¹⁰. Этот вариант учитывал перспективы развития университета, включая создание здесь же, на р. Неглинке, ботанического сада. Вместе с тем, рядом с корпусом была возможность построить общежития для студентов и жилые дома для профессорско-преподавательского состава¹¹. Также М.И. Шумилов с главным архитектором города Э.Ф. Андреевым и представителями Гипровуза осматривал предложенные территории в районе Соломенного,

аэродрома Пески, Каменноборских выработок, но все они по разным причинам уступали земельному участку в районе Древлянки¹². В 1975 году по ходатайству руководства университета исполкомом Петрозаводского городского совета депутатов трудающихся КАССР отдал под застройку площадку в районе Древлянки в размере 100 га земли¹³.

Однако сразу возникли сложности с обеспечением долевого участия министерств СССР. Председатель Совета Министров КАССР А.А. Кочетов и первый секретарь обкома КПСС И.И. Сенькин обращались в министерства с просьбой долевого участия в строительстве, но получали отказы. Государственный комитет лесного хозяйства Совета Министров СССР отказался участвовать в строительстве инженерного корпуса из-за ограниченности средств, но обратился с ходатайством в Госплан СССР о выделении дополнительных средств и, в случае положительного ответа, предполагал выделить на строительство 500 тыс. руб.¹⁴ Министерство химического и нефтяного машиностроения СССР без объяснения причин ответило, что не имеет возможности принять участие в строительстве инженерного корпуса¹⁵. Из Министерства промышленного строительства СССР пришел ответ, в котором говорилось, что капитальные вложения не предусматриваются на строительство вузов, поэтому министерство лишено возможности принять долевое участие¹⁶. Тем не менее, Минвуз РСФСР выделил 25 тыс. руб. на составление плана развития ПГУ и планировал строительство в десятой пятилетке учебного корпуса и общежития¹⁷. В связи с острой необходимостью в студенческих общежитиях в 1976 году университет получил разрешение на проектирование общежития на 1000 мест, которое планировалось построить в районе Древлянки¹⁸.

4 февраля 1977 года было принято постановление Совета Министров РСФСР «О мерах по развитию в 1977–1980 гг. городского хозяйства г. Петрозаводска», которое предполагало обеспечение в 1977 году «разработки технико-экономического обоснования на строительство комплекса зданий Петрозаводского государственного университета, в 1978–1979 годах проектирование указанного комплекса и в 1980 году приступить к строительству объектов первой очереди»¹⁹. Во исполнение этого постановления Минвуз РСФСР и проектный институт Гипровуз обеспечили разработку схемы генерального плана и технико-экономического обоснования на строительство комплекса зданий ПГУ на Древлянке.

Изначально в 1977 году предполагалось включить в состав объектов проектирования первой очереди учебные корпуса физико-математического, лесоинженерного и строительного факультетов, фундаментальную библиотеку, столовую на 530 мест, общежития на 1,5 тыс. мест, а также спортивные сооружения²⁰. Данное решение было направлено Гипровузу с условием выполнения проектирования и строительства объектов поочередно по согласованию с Госпланом СССР и Госпланом РСФСР²¹. Однако после согласования с Минвузом РСФСР объем капиталовложений был уменьшен и в окончательный перечень объектов для первоочередного строительства ПГУ на новом участке были включены только учебно-лабораторный корпус физико-математического факультета площадью 7,95 тыс. кв. м, студенческие общежития на 1000 мест, столовая на 500 мест, спортивный корпус площадью 1,7 тыс. кв. м, а также объекты хозяйственной зоны ориентировочной сметной стоимостью строительства 10–12 млн. руб. Было решено разрабатывать технико-экономическое обоснование на строительство комплекса зданий ПГУ с учетом полного перебазирования университета на новую территорию²².

В ходе затянувшихся согласований на 1979 год было предусмотрено выделение лимитов в объеме 115 тыс. руб. по проектному институту Гипровуз для разработки технического проекта на строительство комплекса первой очереди. По плану к

строительству должны были приступить уже в 1981 году²³. Однако в 1979 году М.И. Шумилов писал в Карельский обком КПСС И.И. Сенькину: «По сведениям Минвуз РСФСР проектирование идет успешно. За 5 месяцев Гипровуз освоил 65 тыс. руб. из 115 тыс., выделенных на проектирование в этом году. Однако в последний момент возникли затруднения с утверждением титульного списка на проектирование в Госплане СССР»²⁴. Начальник отдела проектных работ Госплана отказался подписывать титул, согласованный с отделом культуры и сводным отделом капитальных вложений Госплана, мотивируя это тем, что у Минвуз имеется много незавершенного строительства²⁵. Ректор М.И. Шумилов просил И.И. Сенькина связаться с заместителем председателя Госплана СССР В.Я. Исаевым для положительного решения вопроса о проектировании комплекса ПГУ и включении начала строительства в Госплан следующей пятилетки на основании постановления правительства²⁶.

В марте 1981 года М.И. Шумилов писал: «ПГУ испытывает острый недостаток аудиторий и лабораторий для организации учебного процесса и научно-исследовательской деятельности. За последние годы положение усугубилось в связи с тем, что университет увеличил прием на ряд специальностей, открыл экономический факультет, создал две отраслевые лаборатории ... В то же время университет не получил ни одного квадратного метра дополнительных площадей ... Учебные корпуса, построенные в первые послевоенные годы, нуждаются в срочном капитальном ремонте. Учебные базы университета, размещенные в приспособленных помещениях, пришли в негодность»²⁷. В 1980 году первый секретарь обкома КПСС И.И. Сенькин и председатель Совета Министров КАССР А.А. Кочетов обратились к председателю Совета Министров СССР А.Н. Косыгину с просьбой дать указание Госплану СССР о включении в план 1981 года завершение проектирования первой очереди комплекса объектов ПГУ и выделение капиталовложений для начала строительства в 1983 году²⁸.

31 марта 1983 года Ю.В. Андропов подписал постановление «О мерах по ускорению жилищного, коммунального и культурно-бытового строительства в Карельской АССР в 1984–1990 гг.» [Кораблев: 809]. Постановлением было предусмотрено строительство первой очереди комплекса зданий Петрозаводского государственного университета [Шумилов, 2005: 227]. Стройка была включена в план 1986 года, но возникли проблемы с документацией²⁹, и начало строительных работ вновь затянулось. Только в 1988 году «Петрозаводскстрой» приступил к строительству комплекса университетских зданий на Древлянке [Шумилов, 1990: 119].

* * * * *

В 1970-е годы в Петрозаводском государственном университете остро стояла проблема укрепления материально-технической базы. В 1974 году ректор университета М.И. Шумилов поднял вопрос о необходимости строительства новых учебных корпусов. В 1977 году при составлении технико-экономического обоснования количество планируемых объектов было увеличено: предполагалось, помимо учебных корпусов, строительство фундаментальной библиотеки, столовой и спортивных сооружений. Однако практика финансирования строительства через министерства и ведомства, существовавшая в Советском Союзе, приводила к тому, что средства направлялись прежде всего на производственное и жилищное строительство в ущерб объектам просвещения [Вавулинская: 221]. В результате, несмотря на активную деятельность ректора университета М.И. Шумилова, председателя Совета Министров КАССР А.А. Кочетова и первого секретаря Карельского обкома КПСС И.И. Сенькина вопрос строительства решался медленно. Хотя на местном уровне все договоренности были достигнуты довольно быстро и

университет получил участок для строительства комплекса в новом застраивающемся районе города, сразу же возникли проблемы, связанные с взаимодействиями между органами власти и выделением финансирования на союзном уровне: министерства отказывались от долевого участия в строительстве, появились сложности с утверждением титульного списка на проектирование. В связи с возникшими трудностями изначальный план строительства был сокращен: уменьшили площади столовой и общежития, не вошла в первую очередь строительства библиотека. Дата начала строительства долгое время откладывалась, и строительные работы начались лишь в 1988 году. К концу ректорства М.И. Шумилова проблема нехватки учебных помещений и мест в студенческих общежитиях так и не была решена.

Примечания

¹ НА РК (Национальный архив Республики Карелия). Ф. П-3 (Карельский реском Компартии РСФСР (1921–1991)). Оп. 25. Д. 201. Л. 3.

² НА РК. Ф. П-3. Оп. 25. Д. 201. Л. 3.

³ Приказ министра высшего и среднего специального образования РСФСР от 2 ноября 1973 года // Архив Петрозаводского государственного университета. Ф. 1178. Оп. 4. Д. 54. Л. 81.

⁴ Характеристика ректора Петрозаводского государственного университета им. О. В. Куусинена Шумилова Михаила Ильича 31.05.1974 г. // Архив ПетрГУ. Ф. 1178. Оп. 4. Д. 54. Л. 86.

⁵ НА РК. Ф. П-3. Оп. 25. Д. 201. Л. 3.

⁶ НА РК. Ф. П-3. Оп. 25. Д. 201. Л. 3.

⁷ НА РК. Ф. П-3. Оп. 25. Д. 201. Л. 20.

⁸ НА РК. Ф. П-3. Оп. 25. Д. 201. Л. 23.

⁹ НА РК. Ф. П-3. Оп. 25. Д. 201. Л. 20.

¹⁰ НА РК. Ф. П-3. Оп. 25. Д. 201. Л. 23.

¹¹ НА РК. Ф. П-3. Оп. 25. Д. 201. Л. 20.

¹² НА РК. Ф. П-3. Оп. 25. Д. 201. Л. 23.

¹³ НА РК. Ф. П-3. Оп. 25. Д. 201. Л. 32.

¹⁴ НА РК. Ф. П-3. Оп. 25. Д. 201. Л. 25.

¹⁵ НА РК. Ф. П-3. Оп. 25. Д. 201. Л. 29.

¹⁶ НА РК. Ф. П-3. Оп. 25. Д. 201. Л. 31.

¹⁷ НА РК. Ф. П-3. Оп. 25. Д. 201. Л. 32.

¹⁸ НА РК. Ф. П-3. Оп. 28. Д. 165. Л. 27.

¹⁹ Постановление Совета Министров РСФСР от 4 февраля 1977 года № 84 «О мерах по развитию в 1977–1980 гг. городского хозяйства г. Петрозаводска» // Официальный интернет-портал правовой информации: инф. сайт. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&empire=1&nd=196011828&page=1&rdk=0&link_id=0&ysclid=m7gb03ihmj278913680#I0

(дата обращения: 01.03.2025).

²⁰ НА РК. Ф. П-3. Оп. 28. Д. 165. Л. 22.

²¹ НА РК. Ф. П-3. Оп. 28. Д. 165. Л. 23.

²² НА РК. Ф. П-3. Оп. 28. Д. 165. Л. 29.

²³ НА РК. Ф. П-3. Оп. 32. Д. 141. Л. 81.

²⁴ НА РК. Ф. П-3. Оп. 32. Д. 141. Л. 84.

²⁵ НА РК. Ф. П-3. Оп. 32. Д. 141. Л. 84.

²⁶ НА РК. Ф. П-3. Оп. 32. Д. 141. Л. 84.

²⁷ НА РК. Ф. П-3. Оп. 32. Д. 297. Л. 8.

²⁸ НА РК. Ф. П-3. Оп. 31. Д. 158. Л. 87.

²⁹ Бычкова Н. Стойка... на бумаге: Сказ о том, как затянули начало строительства учебного корпуса ПГУ // Комсомолец. 1986. 1 ноября. С. 3.

Список литературы

История Карелии с древнейших времен до наших дней / Под ред. Н.А. Кораблева, В.Г. Макурова, Ю.А. Савватеева, М.И. Шумилова. Петрозаводск: Периодика, 2001. 943 с.

История Петрозаводска: власть и горожане / Под. ред. А.Ю. Жукова, А.И. Бутвило. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2008. 374 с.

История экономики Карелии: в 3 кн. Кн. 2: Экономика Карелии советского периода (1917–1991 гг.) / Л.И. Вавулинская, С.Г. Веригин, О.П. Илюха, С.Н. Филимончик. Петрозаводск: ПетроПресс, 2005. 245 с.

Петрозаводскому государственному университету – 50 лет: [1940–1950] / Под ред. М.И. Шумилова, И.П. Покровской. Петрозаводск: Карелия, 1990. 302 с.

Профессорский корпус Петрозаводского государственного университета: Краткий справочник / Сост. В.М. Пивоев. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1999. 96 с.

Страницы истории Петрозаводского государственного университета, 1940–2000 / Сост. М.И. Шумилов, И.П. Покровская. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. 540 с.

Anna Y. SAFONOVA

bachelor's degree, Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia),
Safonova2005.06@yandex.ru

A DECADE OF STRUGGLE: RECTOR M. I. SHUMILOV AND CONSTRUCTION OF NEW BUILDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

Scientific adviser:

Irina V. Shorokhova

Reviewer:

Valentina V. Volokhova

Paper submitted on: 11/24/2025;

Accepted on: 12/15/2025;

Published online on: 12/15/2025.

Abstract. During M. I. Shumilov's tenure as rector from 1973 to 1991, Petrozavodsk State University encountered a severe shortage of instructional facilities and student accommodation. This article examines the process of designing and constructing a complex of university buildings in the Drevlyanka district. Based on a wide range of archival sources and periodicals, it explores the administrative and financial problems that led to the construction of new university buildings being delayed for almost a decade, with construction only beginning in 1988. In many ways, the difficulties were rooted in the fact that funding for culture and education was allocated on a residual basis.

Keywords: Petrozavodsk State University, M. I. Shumilov, I. I. Senkin, A. A. Kochetov, Giprovuz, Drevlyanka

For citation: Safonova, A. Y. A decade of Struggle: Rector M. I. Shumilov and Construction of New Buildings of Petrozavodsk State University. StudArctic Forum. 2025, 10 (4): 5–11.

References

- Korablev N.A., Makurov V.G., et al., eds. *History of Karelia from ancient times to the present day*. Petrozavodsk, Periodika, 2001, 943 p. (In Russ.)
- Zhukov A.Yu., Butvilo A.I., eds. *History of Petrozavodsk: the authorities and the residents*. Petrozavodsk, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, 2008, 374 p. (In Russ.)
- Vavulinskaya L.I., Verigin S.G., et al. *History of the economy of Karelia*: in 3 vols. Vol. 2: The Economy of Karelia during the Soviet period (1917–1991). Petrozavodsk, PetroPress, 2005, 245 p. (In Russ.)
- Shumilov M.I., Pokrovskaya I.P., eds. *The 50th anniversary of Petrozavodsk State University*. Petrozavodsk, Karelia, 1990, 302 p. (In Russ.)
- Pivoev V.M. *Professorial staff of Petrozavodsk State University: Reference book*. Petrozavodsk, Petrovodsk State University, 1999, 96 p. (In Russ.)
- Shumilov M.I., Pokrovskaya I.P., eds. *Pages from the history of Petrozavodsk State University, 1940–2000*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University, 2005, 540 p. (In Russ.)

Научная статья

УДК 94(470.22)"19"

ГОЛУБЕНЦЕВА
Анна Олеговна

бакалавриат, Петрозаводский государственный
университет (Петрозаводск, Россия),
annagolubentseva213@gmail.com

СУДЬБА НОТАРИАТА В ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ В 1917–1918 ГОДАХ

Научный руководитель:

Ефимова Виктория
Викторовна

Рецензент:

Шлямина Анастасия
Алексеевна

Статья поступила: 01.10.2025;
Принята к публикации: 15.12.2025;
Размещена в сети: 15.12.2025.

Аннотация. В статье на основе архивных документов впервые изучен процесс ликвидации дореволюционного нотариата и становления советских нотариальных отделов в Олонецкой губернии в 1917–1918 годах. Отставание в процессе упразднения нотариата от центральных губерний было обусловлено более поздним признанием в Олонецкой губернии Советской власти, непоследовательностью центральной власти и действиями Совета комиссаров Союза коммун Северной области. Из-за этого затянулось и становление новых нотариальных отделов, которое было неожиданно прервано распоряжением наркома юстиции РСФСР от 19 декабря 1918 г.

Ключевые слова: нотариальные конторы, нотариальные отделы, Олонецкая губерния в 1917–1918 годах

Для цитирования: Голубенцева А. О. Судьба нотариата в Олонецкой губернии в 1917–1918 годах // StudArctic Forum. 2025. Т. 10, № 4. С. 12–20.

Октябрьская революция 1917 года ознаменовала собой кардинальные изменения в государственном устройстве страны, затронув все сферы общественной жизни, включая судебную систему. Декретом о суде № 1 от 24 ноября 1917 года Совет народных комиссаров РСФСР (далее – СНК РСФСР) упразднил все дореволюционные суды, а также институты при них – судебных следователей, прокурорский надзор, адвокатуру¹. Однако в этом декрете ни слова не было сказано о нотариате. Эта неопределенность породила противоречивость в действиях местных властей, особенно в тех регионах, где новая власть утвердила не сразу. Несмотря на наличие ряда исследований, связанных с изучением истории нотариата в России в данный переходный период как в целом по стране, так и в отдельных регионах [Захаров], [Дружинина], [Долгов], [Мехренцева], [Румянцева], [Федотов], [Черкасова], история нотариата в Олонецкой губернии в первые месяцы существования советской власти еще не стала предметом специального изучения, что делает эту тему актуальной. Поэтому целью данной статьи является изучение судьбы нотариата в Олонецкой губернии в 1917–1918 годах. Для достижения данной цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) проанализировать изменения в законодательстве, касающиеся института нотариата, принятые новой властью в 1917–1918 годах;
- 2) восстановить судьбу нотариата в Олонецкой губернии в первые месяцы советской власти.

Работа написана на документах Национального архива Республики Карелия (далее – НА РК), в первую очередь фонда Р-643 (Отдел юстиции Исполнительного комитета

Олонецкого губернского совета), Р-28 (Исполнительный комитет Олонецкого губернского совета), а также публикаций главного печатного органа советской власти в Олонецкой губернии в 1918 году – «Известий Олонецкого губернского совета» (далее – Известия).

* * * * *

До октября 1917 года нотариальные органы в Олонецкой губернии функционировали на основе «Положения о нотариальной части» 1866 года и подчинялись Петрозаводскому окружному суду (далее – ПОС) [Золотаревская: 399]. Вплоть до конца декабря 1917 года исполняющим должность старшего нотариуса при ПОС числился И.Ф. Рыкачевский². Упразднение дореволюционной судебной системы в Олонецкой губернии началось после 5 января 1918 года, когда Олонецкий губернский совет признал полномочия СНК РСФСР³. На заседании 8 января 1918 года меньшевик-интернационалист Борис Степанович Гаупт был предложен Исполнительным комитетом Совета в качестве губернского комиссара юстиции⁴. 13 января он вступил в должность председателя ПОС, распустив его общее присутствие⁵.

Однако Гаупт не знал, как поступить с некоторыми, не указанными в Декрете о суде № 1 институтами, поэтому 14 января он запросил НКЮ РСФСР – следует ли упразднить должность старшего нотариуса⁶. Дожидаясь ответа, 16 января он утвердил бывшего судебного пристава И.Ф. Кирьякова временно исполнять обязанности старшего нотариуса⁷. 22 января от комиссара юстиции РСФСР был получен ответ, что должность старших нотариусов также упраздняется⁸. В связи с этим своим приказом от 5/18 февраля 1918 года Гаупт освободил Кирьякова от этой должности⁹.

15 февраля 1918 года был принят Декрет о суде № 2, но он был напечатан в губернских «Известиях» лишь 12 и 15 марта¹⁰. Именно в этом декрете впервые упоминалось о нотариате. В ст. 11 указывалось, что надписи о понудительном исполнении по векселям, закладным и нотариальным заемным письмам, на основании правил о понудительном исполнении, делаются нотариусами, а в местностях, где таковых нет, лицами, их заменяющими, причем эти лица, а равно нотариусы, взимают пошлину и прочие сборы в установленном размере¹¹. Это свидетельствовало о том, что советская власть пока не спешила полностью отказываться от дореволюционного нотариата.

По-видимому, узнав из газет, что Совет Народных Комиссаров Москвы и Московской губернии своим постановлением от 23 марта 1918 года отменил «ныне действующее Положение о нотариальной части», в своем обращении к Петроградскому областному комиссариату юстиции от 11 мая 1918 года Гаупт просил уведомить его о мероприятиях «в области нотариальных контор прежнего устройства и принять ли к сведению Декрет Московского областного комиссариата юстиции от 23 марта настоящего года о порядке упразднения прежних контор и учреждения института советского нотариата или прислать свой декрет»¹². 18 мая поступил ответ, в котором говорилось, что «Комиссариат Союза коммун Северной области принимает меры к разработке общего нотариального положения»¹³. Таким образом, однозначного ответа на вопрос о судьбе дореволюционных младших нотариусов Петроград не дал.

Где-то в самом начале мая 1918 года от Комиссариата юстиции Союза коммун Северной области к новому олонецкому губернскому комиссару А.И. Федулову были присланы вопросы, на которые губернским и уездным совдепам предлагалось дать исчерпывающий ответ к съезду комиссаров юстиции Северной области: среди них был п. 24, в котором спрашивалось: имеются ли действующие нотконторы, сколько их, в чьем ведении находятся и несут ли какие-либо новые обязанности¹⁴. Однако ответа в своем отчете на этот вопрос новый комиссар почему-то не дал. В связи с отзывом Федулина в аппарат ЦК РКП(б)

постановлением Исполнительного комитета Олонецкого губернского совета от 7 мая 1918 года комиссаром юстиции был назначен А.Ф. Копнин¹⁵.

Судьба нотариата как института все еще оставалась под вопросом. Исследователи отмечают, что политика советской власти в начальный период ее существования в отношении нотариата была непоследовательной [Захаров: 41]. С одной стороны, советская власть стремилась уничтожить частную собственность, оформление сделок с которой была неотъемлемой частью деятельности дореволюционного нотариата. Это ярко выразилось, например, в декрете ВЦИК «О социализации земли» от 19 февраля 1918 года, которым было отменено право частной собственности на землю¹⁶. В декрете СНК РСФСР «О запрещении сделок с недвижимостью» объявлялось, что с 18 декабря (по ст. стилю) 1917 года «ввиду предстоящего обобществления городской земли» следует приостановить какие бы то ни было сделки по продаже, покупке, залогу и т. д. всех недвижимостей и земель в городах. Советам рабочих и солдатских депутатов и городским самоуправлениям предписывалось установление наблюдения за исполнением нотариусами настоящего постановления. Лица, продолжавшие продажу и покупку недвижимых имуществ и земли и не подчинявшиеся данному постановлению, по решению местных судов подлежали денежным взысканиям вплоть до конфискации имущества¹⁷. С другой стороны, в некоторых нормативно-правовых актах на нотариальные органы прямо возлагались обязанности. Например, декрет от 20 мая 1918 года «О дарениях» предписывал, чтобы дарение и всякое иное безвозмездное предоставление имущества на сумму от 1 тысячи до 10 тысяч руб. должно было облекаться в форму нотариального или судебного акта. При несоблюдении этой формальности сделка признавалась недействительной¹⁸. «Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве», принятый 16 сентября 1918 года, определял, что браки заключаются в местных отделах записей актов гражданского состояния или в замещающих их нотариальных отделах при местных советах депутатов¹⁹.

Некоторые исследователи фиксируют, что после издания Декрета о суде № 1 дореволюционные нотариальные конторы фактически прекратили свою деятельность [Захаров: 41], [Мельников: 212], [Нуриев: 110]. Но так было не везде. Например, в большинстве уездов Ставропольской губернии продолжало действовать прежнее положение о нотариате, так как там с лета 1918 года была установлена военная власть Белой армии [Долгов: 37]. А на Дальнем Востоке нотариат не только не прекратил свою деятельность в 1918–1920 годах, а наоборот активно развивался [Дружиня: 153]. В Самарской губернии нотариусы выразили недовольство своим положением в связи с вступлением в силу Декрета о суде № 1 и 29 января 1918 года объявили о профессиональной забастовке. Самарский губисполком рекомендовал бастующим приступить к работе, иначе те в три дня оставят свою должность [Черкасова: 11].

А как же обстояло дело с институтом младших нотариусов в Олонецкой губернии? Из губернских «Известий» мы узнаем, что в апреле 1918 года комиссар юстиции Федулин отдал приказ об увольнении от должности нотариуса г. Олонца И.С. Морозова по болезни, высказанной в его прошении. Летом этого же года уже комиссар Копнин издал приказ об увольнении от должности каргопольского нотариуса А.А. Троицкого, «согласно прошения по семейным обстоятельствам», и нотариуса г. Лодейное Поле А.А. Утгофа, находящегося в плену, «за упразднением нотариусов, согласно декрету об этом СНК»²⁰.

17 июля 1918 года комиссар юстиции при Каргопольском уездном совете Семенов задал губернскому комиссару юстиции вопрос: «для открытия нотариального дела необходимо разъяснить, при каком комиссариате он должен быть образован и как финансироваться». Копнин на обороте запроса в этот же день дал ответ: все дела от

нотариуса должны быть приняты комиссаром внутренних дел, выбранному на 4-м крестьянском съезде²¹.

5 сентября 1918 года от бывшего нотариуса г. Олонца И.С. Морозова к комиссару Копнину поступило заявление, в котором он просил назначить его на должность народного нотариуса в г. Лодейное Поле. В заявлении он уточнял: «Я происхожу из рабочей среды, поддерживаю советскую власть и пользуюсь правом избирать и быть избранным в Совет»²².

Обратим внимание, что в день принятия КЗАГСа 16 сентября 1918 года Совет Комиссаров Союза Коммун Северной области принял постановление о прекращении действия «Положения о нотариальной части» и утверждении «Временного положения о нотариальной части». Его действие распространялось на территории Петроградской, Псковской, Новгородской, Олонецкой, Вологодской и Архангельской губерний [Румянцева: 53]. 20 сентября этот же Совет постановил закрыть все нотариальные конторы, как противоречащие народным интересам²³.

4 октября 1918 года Олонецкий губернский революционный исполнительный комитет рассмотрел представление заведующего отделом юстиции Копнина о применении «Временного положения о нотариальных отделах» и об освобождении от занимаемых должностей нотариусов городов Петрозаводска (А.П. Грессеров), Вытегры (М.Я. Ковалев), Пудожа (И.Т. Пискунов) и Повенца (И.Ф. Богданов). В результате было постановлено освободить, а также изъять в архив ПОС все книги, дела и реестры, принадлежавшие этим нотариусам, а имущество их контор конфисковать в пользу советской власти²⁴.

7 октября 1918 года Копнину поступило прошение от вдовы бывшего олонецкого нотариуса Александры Николаевны Морозовой. В нем она пишет: «оставшись после смерти мужа совершенно без средств к существованию с малолетними детьми, прошу назначить меня народным нотариусом в г. Лодейное Поле или в Петрозаводске ради воспитания детей. Я была помощницей моего мужа, а когда он был призван на военную службу, то за него одна исправляла его дело в г. Олонце»²⁵. Но ее прошение не было удовлетворено.

11 октября 1918 года Комиссариат охраны г. Петрозаводска донес Копнину, что вследствие его отношения от 10 октября он произвел опись имущества бывшего петрозаводского нотариуса А.П. Грессерова. Сама опись удивляет своей скучностью: «1. Письменный стол – 1; 2. Венские стулья – 2; 3. Диван дер. – 1; 4. Шкаф для дел – 1; 5. Штемпелей – 4; 5. Подушка для краски – 1; 7. Подушка для штемпелей – 1; 8. Печать – 1 сургучная и 1 мастичная; 9. Чернильница стекл. – 2; 10. Линейка – 1; 11. Ручки – 2. Прим.: пишущая машинка реквизирована ЧСК в июле. Означенные в описи вещи приняты на хранении Грессеровым»²⁶.

11 октября 1918 года в «Известиях» появилась приуроченная к годовщине Октябрьской революции статья Копнина, в которой он писал, что устройство местных судов надо ускорить, «т. к. за этим следует другая работа – организация нотариальных отделов при советах, образование которых вызывается жизненной необходимостью, т. к. в связи с отделением церкви от государства все работы по регистрации браков, рождений, смерти переходит в эти отделы, а кроме этого, эти же отделы будут составлять и другие акты гражданского состояния, чего требует сама жизнь. О народном нотариате я сообщу в следующий раз и коснусь здесь главным образом того только, что уже давно существует на территории Советской России, а мы совершенно отстали»²⁷.

В этот же день в Олонецкий Губернский Революционный Исполнительный Комитет пришла телеграмма от комиссара юстиции Северной области: «прошу принять экстренные меры к организации нотариальных отделов в уездах». На его заседании 18 октября 1918 года Копнин выступил с аналогичным заявлением, в результате чего было постановлено:

«Поручить Заведующему Губернским отделом юстиции товарищу Копнину провести в губернии в жизнь «Временное положение о нотариальных отделах»²⁸. Таким образом, для Северной Области, куда входила в 1917–1918 годах и Олонецкая губерния, в качестве руководства для деятельности народных нотариусов стало «Временное нотариальное положение», к которому прилагалась особая инструкция о его применении. Оба акта были напечатаны в № 111 «Северной Коммуны»²⁹.

На основании ст. 3 этого положения «Исполнительные Комитеты Совдепов должны представить на утверждение в Комиссариат Юстиции имена кандидатов в народные нотариусы и служащих отделов с указанием образовательного ценза и степени подготовленности их к занятию ответственных должностей, в случае отсутствии собственных кандидатов исполкомы обязаны обращаться с требованием о присылке таковых из центра»³⁰. В качестве руководящего принципа, положенного в основу деятельности этих нотариальных отделов, стало соображение, что с уничтожением частной собственности на недвижимость и связанных с нею договоров, а также в виду отделения церкви от государства, нотариусы обязаны обратить главное свое внимание на ведение актов гражданского состояния, а именно регистрацию браков, рождений, смертей, разводов и т. п., но и продолжать совершать акты, упомянутые в ст. 16 «Временного положения», а именно: 1) совершение всякого рода актов (договоров, доверенностей, мировых сделок, протестов); 2) выдача выписей из актовых книг и копий актов; 3) засвидетельствование явки актов и разного рода протестов; 4) учинение надписей о понудительном исполнении по протестованным векселям и другим документам, в отношении которых это допустимо по действующему праву, как на нечто временное³¹.

Надзор за правильным соблюдением норм этого положения и разрешения всех спорных случаев или возникающих юридических вопросов в связи с правотворчеством жизни возлагался на Охранительный отдел Комиссариата юстиции Северной области. Этот отдел становился посредствующей инстанцией между нотариальными отделами Коммуны Северной области и Народным Комиссариатом Юстиции и должен был оказывать содействие Центральному отделу записей Комиссариата внутренних дел по соглашению и ведению общего реестра лиц, зарегистрированных в пределах Северной области³².

Пока нами найдены такие сведения об организации советских нотариальных отделов. С 14 ноября 1918 года начал функционировать нототдел при Пудожском исполкоме³³. Поначалу он состоял из одного заведующего этого отдела – народного нотариуса Алексея Алексеевича Троицкого³⁴. Напомним, до революции он был младшим нотариусом в Каргополе. Из выписки из протокола Олонецкого губернского революционного исполнительного комитета от 22 ноября видно, что в Вытегре также был организован нотариальный отдел, которого еще не было в Петрозаводске³⁵. Возможно этот факт объясняется тем, что Копнин лишь в конце ноября 1918 года отправил Исполнительному комитету Петрозаводского городского совдепа для сведения и исполнения «Временное положение о нотариальных отделах»³⁶.

Но всего лишь спустя месяц, постановлением НКЮ РСФСР от 19 декабря 1918 года нотариальные отделы как самостоятельные учреждения были признаны ненужными. Исполняемые ими функции предписывалось выполнять учреждениям, на которые они возложены декретами. Поэтому дела наследственные и связанные с ними были возложены на Отделы специального обеспечения; дела о распределении денег, удостоверения всяких актов: личности и подписи – на местных судей; регистрация актов гражданского состояния – на Отделы записей актов гражданского состояния; дела, не укладывающиеся в рамки других отделов (засвидетельствование договоров и копии, протесты и т. п.) – на Юридические

отделы. Правда, при этом в постановлении оговаривалось, что лица со специальными знаниями, каковыми являются народные нотариусы, могут быть приглашены в Юридические Отделы на службу; «допустимо также там, где в этом встречается надобность, образование в Юридических отделах Нотариальных Подотделов»³⁷.

Выписка из протокола заседания Олонецкого губернского революционного исполнительного комитета, которое состоялось 3 января 1919 года, свидетельствует о том, что на этом заседании было постановлено ликвидировать нотариальные отделы и поручить организовать Окружный Отдел записей актов гражданского состояния совместно с заведующим Отделом Юстиции³⁸. Но несмотря на это решение, нототдел при Пудожском совете существовал еще в январе – марте 1919 года и в этом отделе у Троицкого даже появились 2 помощника, переписчика и рассыльный³⁹. Такой штат, кстати, допускался ст. 3–5 «Временного положения». Но позже выплаты жалованья по документам этому отделу уже не просматриваются, отчего можно заключить, что он был упразднен.

* * * * *

Существовавший до октября 1917 года в Олонецкой губернии нотариат не был упразднен весной 1918 года, как это случилось, например, в Москве и Московской губернии. Одной из причин этого была задержка с установлением советской власти, которая в Олонецкой губернии была признана только в начале января 1918 года. С другой стороны, в декрете о суде № 1 среди упраздняемых судебных институтов нотариат прямо не упоминался. Лишь после разъяснения декрета должность старшего нотариуса при Петрозаводском окружном суде была упразднена в середине февраля 1918 года, т. е. через 25 дней после ликвидации общего присутствия самого суда. Однако нотариальные конторы в уездах губернии и в самом Петрозаводске продолжили функционировать. Отчасти это было обусловлено непоследовательностью правовой политики центральной власти, оставлявшей в законодательстве некоторые «лазейки» для существования нотариата; отчасти тем, что Комиссариат юстиции Союза коммун Северной области своим постановлением от 18 мая 1918 года не разрешил применить на своей территории Постановление Московского совета от 23 марта 1917 года об упразднении дореволюционных нотконтор. Только на основании решения Совета Комиссаров Союза Коммун Северной области (куда входила и Олонецкая губерния) от 20 сентября 1918 года, вместо дореволюционных нотариальных контор, согласно «Временному положению о нотариате», стали организовываться нотариальные отделы при местных советах. Один из таких отделов в Пудожском уезде возглавил Троицкий, бывший до революции нотариусом в Каргополе. В декабре 1918 года НКЮ РСФСР предписал все нототделы на территории республики как ненужные ликвидировать, а их функции, уже урезанные «Временным положением», были переданы другим государственным учреждениям. Однако в Пудожском уезде нототдел еще работал в январе – феврале 1919 года.

Примечания

¹ Декрет о суде // Декреты Советской власти: В 2 т. Т. I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. Москва: Политиздат, 1957. С. 124-126.

² НА РК. Ф. Р-643. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 23-23 об.

³ Борьба за установление и упрочение советской власти в Карелии: Сб. док. и мат-лов. Петрозаводск: Гос. изд-во Карел. АССР, 1957. С. 131-132.

⁴ НА РК. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 5/21. Л. 3; Известия. 1918. № 4(63). 11 января; № 5(64). 13 января.

⁵ НА РК. Ф. Р-643. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 19.

⁶ НА РК. Ф. Р-643. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 8.

⁷ Известия. 1918. № 9(68). 21 января.

⁸ НА РК. Ф. Р-643. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 4.

⁹ Известия. 1918. № 20(79). 21 февраля (8 февраля по ст. стилю). С 1 февраля 1918 года был совершен переход с юлианского на григорианский календарь, поэтому далее все даты будут даваться по новому стилю.

¹⁰ Известия. 1918. № 32 и 33.

¹¹ Декрет о суде. С. 466-474.

¹² НА РК. Ф. Р-643. Оп. 1. Д. 1/9. Л. 1.

¹³ Там же. Л. 2.

¹⁴ НА РК. Ф. Р-643. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 428.

¹⁵ НА РК. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 4/19. Л. 253; Известия. 1918. № 80(139). 14 мая.

¹⁶ Там же. № 25. Ст. 352.

¹⁷ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–1918 гг. Москва: Б. и., 1942. № 10. Ст. 152.

¹⁸ Там же. № 43. Ст. 584.

¹⁹ Там же. № 76-77. Ст. 1050.

²⁰ Известия. 1918. № 60(119). 16 апреля; № 115(174). 27 июня; № 134. 20 июля.

²¹ НА РК. Ф. Р-643. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 394-395.

²² Там же. Л. 469.

²³ НА РК. Ф. Р-643. Оп. 1. Д. 1/9. Л. 18.

²⁴ НА РК. Ф. Р-643. Оп. 1. Д. 1/4. Л. 14.

²⁵ НА РК. Ф. Р-643. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 494.

²⁶ НА РК. Ф. Р-643. Оп. 1. Д. 1/9. Л. 4-5.

²⁷ Известия. 1918. № 200. 11 октября.

²⁸ НА РК. Ф. Р-643. Оп. 1. Д. 1/9. Л. 8-9.

²⁹ Данный номер газеты был вложен в архивное дело и именно по нему мы можем судить о том, как должны были быть организованы новые советские нотариальные органы в Северной области.

³⁰ НА РК. Ф. Р-643. Оп. 1. Д. 1/9. Л. 18.

³¹ Там же. Л. 18.

³² Там же. Л. 14.

³³ Там же. Л. 16.

³⁴ Известия. 1918. № 80(139). 14 мая.

³⁵ НА РК. Ф. Р-643. Оп. 1. Д. 1/4. Л. 40.

³⁶ Там же. Л. 13.

³⁷ НА РК. Ф. Р-643. Оп. 1. Д. 1/9. Л. 43.

³⁸ Там же. Л. 44.

³⁹ НА РК. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 8/38 (дело не пронумеровано).

Список литературы

Долгов А.В. Разрушение структуры российского нотариата и особенности восстановления нотариальной службы на Ставрополье в 1920-е годы // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. № 3. С. 33-43.

Друзяка А.В. «Пасынки Фемиды» или последний оплот законности? Нотариат на Дальнем Востоке России и в Маньчжурии (1897–1930-е гг.) // Россия и АТР. 2015. № 4. С. 145-154.

Захаров В.В. Создание «народного» нотариата в Советской России (1917–1921 гг.) // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2015. № 11. С. 40-51.

Золотаревская А.С. Институт уездных нотариусов в Олонецкой губернии (конец XIX – начало XX веков) // Материалы 76-й Всероссийской (с международным участием) научной конференции обучающихся и молодых учёных (Петрозаводск, 1–21 апреля 2024 г.). Петрозаводск: ПетрГУ, 2024. С. 398-400.

Мельников И.Н. История становления нотариата на Костромской земле / И.Н. Мельников,

О.А. Смирнова // Вестник Костромского государственного университета. 2019. Т. 25, № 2. С. 210-213. DOI: 10.34216/1998-0817-2019-25-2-210-213

Мехренцева Н.А. Судебная система России: от революции до революции // Личность, право, государство. 2017. № 4. С. 96-110.

Нуриев А.Г. Влияние событий октября 1917 года на развитие российского нотариата и его современный правозащитный потенциал // Lex Russica. 2018. № 5(138). С. 109-116. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.138.5.109-116

Румянцева Е.Н. История Томского нотариата в первое десятилетие советской власти (1917–1927) // Вестник Томского государственного ун-та. История. 2022. № 78. С. 51-61. DOI: 10.17223/19988613/78/8

Федотов Е. Этапы развития нотариата в России // Экономика и социум. 2017. № 2. С. 1038-1042.

Черкасова М.В. Российский нотариат в 1917–1918 гг. (по материалам Самарской губернии) // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2018. № 2. С. 9-12.

Anna O. GOLUBENTSEVA

bachelor's degree, Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia),
annagolubentseva213@gmail.com

THE FATE OF THE NOTARIAL PROFESSION IN THE OLONETS PROVINCE, 1917–1918

Scientific adviser:

Victoria V. Efimova

Reviewer:

Anastasia A. Shljamina

Paper submitted on: 10/01/2025;

Accepted on: 12/15/2025;

Published online on: 12/15/2025.

Abstract. Based on archival documents, this article examines for the first time the process of eliminating the pre-revolutionary notarial system and establishing Soviet notarial departments in the Olonets Province in 1917 and 1918. It has been established that the delay in the process of abolishing the notarial system compared to the central provinces was due to the later recognition of Soviet power in the Olonets Province, the inconsistency of the central authorities, and the actions of the Council of Commissars of the Union of Communes of the Northern Region. This delayed the establishment of new notarial departments, which was unexpectedly interrupted by a decree of the People's Commissar of Justice of the RSFSR of December 19, 1918.

Keywords: notarial offices, notarial departments, Olonets Province in 1917–1918

For citation: Golubentseva, A. O. The Fate of the Notarial Profession in the Olonets Province, 1917–1918. *StudArctic Forum*. 2025, 10 (4): 12–20.

References

Dolgov A.V. The destruction of Russian notarial structure and specific features of reconstruction of notarial services in Stavropol province in the 1920-s. *Humanities and Law Research*, 2014, No. 3, pp. 33-43. (In Russ.)

Druzyaka A.V. "Themis' stepchildren" or the last outpost of the law? Notaries in the Russian Far East and in Manchuria (1897–1930). *Russia and the Pacific*, 2015, No. 4, pp. 145-154. (In Russ.)

Zakharov V.V. Formation of the "national" notaries in Soviet Russia (1917–1921). *Historical-Legal Problems: The New Viewpoint*, 2015, No. 11, pp. 40-51. (In Russ.)

Zolotarevskaya A.S. The institution of district notaries in the Olonets Province (late 19th – early 20th centuries). *Proceedings of the 76th All-Russian Scientific Conference of Students and Young Scientists (with international participation) (April 1–21, 2024)*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University, 2024, pp. 398-400. (In Russ.)

Melnikov I.N., Smirnova O.A. The history of the formation of notariat in Kostroma land. *Vestnik of Kostroma State University*, 2019, Vol. 25, No. 2, pp. 210-213. DOI: 10.34216/1998-0817-2019-25-2-210-213 (In Russ.)

Mekhrentseva N.A. Justice system of Russia: From revolution to revolution. *Lichnost, pravo, gosudarstvo* 2017, No. 4, pp. 96-110. (In Russ.)

Nuriev A.G. Impact of the October 1917 events on the Russian notary system and its modern human rights capacity. *Lex Russica*, 2018, No. 5(138), pp. 109-116. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.138.5.109-116 (In Russ.)

Rumyantseva E.N. The history of the Tomsk notary in the first decade of Soviet power (1917–1927). *Tomsk State University Journal of History*, 2022, No. 78, pp. 51-61. DOI: 10.17223/19988613/78/8 (In Russ.)

Fedotov E. Stages of development of the notarial profession in Russia. *Economics and Society*, 2017, No. 2, pp. 1038-1042. (In Russ.)

Cherkasova M.V. Russian notary in 1917–1918 (on the materials of Samara Province). *Vestnik of Samara Academy of Humanities. Series: Law*, 2018, No. 2, pp. 9-12. (In Russ.)

Научная статья

УДК 94(470.22)"1921/1922"

ПОПОВ
Денис Александрович

магистратура, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия),
dps1939@mail.ru

ОТГОЛОСКИ КАРЕЛЬСКОЙ АВАНТЮРЫ 1921–1922 ГГ. В ЮЖНОЙ КАРЕЛИИ

Научный руководитель:

Савицкий Иван
Владимирович

Рецензент:

Ратьковский Илья Сергеевич
Статья поступила: 03.11.2025;
Принята к публикации: 15.12.2025;
Размещена в сети: 15.12.2025.

Аннотация. В статье рассматриваются попытки финских диверсантов и разведчиков организовать восстание карельских крестьян и широкомасштабные боевые действия в южной Карелии в период так называемой «Карельской авантюры» 1921–1922 гг., когда в северокарельских волостях шли бои между интервентами и частями Красной Армии. Актуализируется вопрос исключительно продовольственного характера поддержки интервентов и сепаратистов со стороны северокарельских крестьян, что рассматривается в связи с отсутствием восстания в южной Карелии, где продовольственная ситуация была приемлемой.

Ключевые слова: Карельская авантюра, финская интервенция, южная Карелия, северокарельские волости, продовольственная ситуация, И. А. Никитин

Для цитирования: Попов Д. А. Отолоски Карельской авантюры 1921–1922 гг. в южной Карелии // StudArctic Forum. 2025. Т. 10, № 4. С. 21–32.

В ноябре 1921 – феврале 1922 года в северной Карелии шли боевые действия между отрядами финских добровольцев, карельских сепаратистов и поддержавших их местных крестьян, и частями РККА. Эти события в советской историографии именовались «Карельской авантюрией», сейчас их чаще именуют «Карельским восстанием». Цель данной статьи – рассмотреть попытки финских интервентов и карельских сепаратистов поднять восстание, провести диверсии и разведходки на территории южной Карелии, для доказательства тезиса об отсутствии поддержки противника в этом регионе в связи с приемлемой продовольственной ситуацией. Для решения поставленной цели был проведен анализ и систематизация обширного архивного материала из фондов РГВА и НА РК. Подробно использованные архивные фонды и документы мы опишем ниже. Подтверждение этого тезиса вносит свою лепту в историографические споры о характере «Карельской авантюры» 1921–1922 годов.

Дискуссии касательно характера этих событий идут до сих пор. В обширной советской историографии, которая уделяла внимание преимущественно военным действиям, они однозначно считались частью финской интервенции, заранее подготовленной в Финляндии [Соколов-Страхов], [Хесин], [Гардин]. В современной историографии выдвигается категоричная позиция о превалировании фактора восстания карельского крестьянства [Витухновская-Кауппала]. Петрозаводский историк, доктор исторических наук, профессор Ю.М. Килин придерживается довольно радикальной позиции. Ссылаясь на

данные карельского ГПУ, он приходит к выводу, что «финские офицеры» не играли большой роли в руководстве отрядов, а «самыми видными руководителями бандитизма» были карелы. Далее Ю.М. Килин приводит позицию Карельского ГПУ, что причины восстания «были местного происхождения и отнюдь не вызывались влиянием Финляндии». Мы полностью согласны с позицией Ю.М. Килина, что власти КТК, «поставив население на грань голодной смерти», вынудили карелов взяться за оружие [Килин: 55-58]. Однако в современной отечественной историографии присутствует и более взвешенная позиция, что события в Карелии в 1921–1922 годов «вобрали в себя самые разные составляющие». Одна из них – «массовое крестьянское выступление»; кроме того, был значимым «национальный компонент», а также «внешний, интервенционистский фактор – действия со стороны Финляндии – идеологические, политические, организационные, кадровые, стремление взять реванш за неудачи в борьбе предшествующих лет» [Голдин: 236-237]. Некоторые авторы даже сравнивают «Карельскую авантюру» с аналогичными выступлениями крестьян, в частности, с Тамбовским восстанием¹, хотя историк Д.П. Иванов из Тамбовского государственного университета в своей статье отмечал, что «боевые действия происходили на территории, подконтрольной Советской власти, а в конфликте не были замешаны иностранные вооруженные силы» [Иванов: 36-40]. Этого не наблюдалось в 1921–1922 годах в Карелии, где действовали отряды, сформированные в Финляндии, получавшие снабжение из Финляндии, а «на первоначальном этапе восстания действия развивались параллельно: хаотичные выступления крестьян сопровождались попытками финских офицеров организовать единый фронт. Но уже вскоре все руководство перешло к финнам» [Осипов: 46]. По нашему мнению, данные события являются вторым этапом финской интервенции в Советской Карелии (первый этап шел в 1918–1920 годах, начавшись с вторжений финских интервентов в северную Карелию весной 1918, а завершившихся в октябре 1920 года подписанием Тартуского мирного договора), а поддержка интервентов и сепаратистов со стороны местного карельского населения была обусловлена лишь тотальным голодом, начавшимся в северокарельских волостях в 1921 году. Об этом косвенно говорит тот факт, что в южной Карелии, где продовольственная ситуация была приемлемой, восстания крестьян не произошло, а не единичные интервенционистские попытки финнов и сепаратистов не получили поддержки.

* * * * *

Приведем лишь несколько примеров продовольственного положения в южной Карелии. В условиях голода и массового антисоветского брожения в пограничных волостях Кемского уезда, волостное собрание в Ругозере в марте 1921 года приняло резолюцию о полной поддержке советской власти в условиях начала Кронштадтского мятежа². К 1 декабря 1921 года в Пудожском уезде завершался сбор продналога. Продналог по хлебу³ в уезде был выполнен на 80 %, мясной налог был собран также на 80 %, шерстяной – на 30 %, масляный – на 26 %, на яйца – на 80 %⁴. В Кондопожской волости ситуация была стабильнее, чем в Кемском уезде. Почти во всех деревнях от уплаты налога не отказывались, но просили некоторые налоги отменить или снизить. Так, в Нигострове просили отменить хлебный налог, в Тавойгоре просили снизить масляный налог, в деревне Мянсельга «продналог признают правильным, на что дали согласие и подпись <...> и уже хлебный налог в скором времени будет выплачен, масляный налог полностью выплатить не ручаются в виду маломолочного скота и плохого корма», та же ситуация была в Ватнаволоке, в Лукинострове просили заменить налог на яйца картошкой, также была проблема с масляным налогом, в Лижме все граждане согласились платить налог, но опасались того, что выполнить полностью налог на хлеб и масло не получится, в Комострове налог должен был

быть выплачен полностью за исключением масляного и яичного⁵. В Отчете Олонецкого уездного продовольственного комитета за июль – сентябрь 1921 г. отмечалось, что «в прежние годы разверстка для крестьян являлась обременительной, декрет же о продналоге был встречен с большим энтузиазмом». По вопросу добровольной сдачи продналога ситуация была стабильной – крестьяне сдавали его добровольно, за исключением одного общества, «увиляющего под разными предлогами, в силу чего был введен отряд вооруженный, и под таким нажимом налог был выполнен без репрессивных мер». Затруднений при уплате продналога крестьяне не встречали⁶.

В северной Карелии ситуация была совершенно иной. Так, в Тивдийской волости от уплаты продналога отказалось 390 человек, в Святозерской – 238, а в Спасопреображенской от уплаты отказалось 10 деревень. Уже 28 июля 1921 года граждане Тивдийской волости сообщали, что они «питались единовременно соломой и молоком», в волости также было много коров, которые не давали молока, а быков у крестьян почти не было. В связи с этим граждане доводили до сведения, что выполнить налог на масло не могут⁷. Уже в мае 1921 года Кемский уездисполком в своей телеграмме Э. Гюллингу, который руководил гражданской властью в КТК, а в 1922 г. стал председателем Карело-Мурманского Военно-революционного комитета (ВРК), сообщал, что «продовольственное положение Кем[ского]уезда катастрофическое». Семена, которые были поставлены в уезд, крестьянами пограничных районов были употреблены в пищу, а «противодействовать этому нет возможности». Далее писалось о том, что южные районы КТК более-менее хорошо снабжены продовольствием, когда в Кемском уезде люди массово употребляют в пищу сосновую кору и солому. В других документах Кемского уездисполкома отмечалось, что уход населения в Финляндию и отказ от выполнения работ в приграничных волостях (в первую очередь, Тунгудской, Олангской и Керетской) был связан и с продовольственным положением, и с влиянием «агентов белой Финляндии», которые, само собой, «давили» на продовольственный вопрос⁸. Это мнение было высказано и в телеграмме Олангского волисполкома от 12 марта 1921 года, где отмечалось, что «большая часть мужского пола ушла в Финляндию и уходит постоянно все больше и больше, потому что здесь ходят провокаторы со стороны белых и подбивают население к побегу заграницу»⁹. Такое же мнение высказывалось в одной из телеграмм из Кемского исполкома, отправленных в Кароблисполком. Автор телеграммы, имя которого, к сожалению, в телеграмме не приведено, указывал, что ни в одной из приграничных волостей «прочной советской власти до сих пор не установлено». «На почве голода среди населения указанных волостей создалось антисоветское настроение: происходят собрания с участием белофинских агентов, мужское население Олангской волости вместе с волисполкомом ушло в Финляндию, к убийству члена Тихтозерского Ревкома Питканена прибавилось убийство нескольких милиционеров в Ухтинской волости и есть сведения о каком-то вооруженном сбое около Ухты человек в 100». Автор телеграммы также считал, что в район надо отправить 1000–2000 солдат для прочного удержания границы¹⁰. В телеграмме Кемского уездного исполкома от 29 марта 1921 года отмечалось, что «волости грозит смертельный голод», норму давать не из чего, а 26 марта норму разделили по 6 фунтов продовольствия на человека, после чего из продуктов остались только семена. Отмечалось, что «народ в голоде начинает сомневаться и склоняться на финскую сторону, и я не могу сделать ничего, потому что у меня нет ничего, чем бы я мог усмирить». Автор телеграммы справедливо указывал на то, что волости грозит голодная смерть, и честно говорил, что положение может спасти только поставки продовольствия¹¹. Несмотря на проблемы с выделением семян, советские власти все равно выделили КТК семенную ссуду, и 70 тыс. пудов семян прибыли в Карелию

уже в апреле 1921 года. Однако Кемский уезд вновь оказался в тяжелом положении – в пограничные волости эти семена не были доставлены из-за распутицы. Опасность ее наступления отмечали на съездах волостей Кемского уезда еще в конце марта 1921 года. Так, на съезде депутатов Юшкозерской волости 29 марта 1921 года было высказано следующее: «не удовлетворение продовольствием на распутицу вне всякого сомнения повлечет голодную смерть». Однако постановление об удовлетворении волостей продовольствием на три месяца (на время распутицы) так и не было исполнено¹².

Отметим, что заигрывание с местным населением путем поставок продовольствия характеризовало действия Финляндии и в 1919 году во время Олонецкого похода. Это можно условно назвать «логикой желудка», суть которой заключалась в том, что именно постоянное снабжение продовольствием может перевести симпатии населения на финскую сторону. Об этом совершенно верно писал В.М. Холодковский: «Временные симпатии голодного карельского крестьянства поворачивались в ту сторону, откуда могло прийти быстрое спасение от голода. Подобное положение и использовали сторонники создания Великой Финляндии. "Известия" писали, что в полосе, прилежащей к Финляндии и населенной, в основном, карелами и финнами, "ненависть к прежней России, которая их угнетала, прекрасно используется против нас" врагами Советской России. "Враждебное отношение местного населения, – продолжала газета, – ... объясняется еще тем, что до сих пор этого края не коснулась созидательная рука Советской власти"»...» [Холодковский: 65]. Применительно к событиям 1919 года Э. Рахья – финский коммунист, бежавший в Советскую Россию и являвшийся комиссаром одной из частей РККА в Карелии, вспоминал: «Белофинны привезли с собой белой муки. Они делали из нее подболотку для лошадей. Они этим самым хотели показать страдавшим от голода карелам, как у них в Финляндии хорошо живется, если они белой мукой кормят лошадей. Они говорили: "Вот вы здесь в Карелии подыхаете с голоду. Переходите на нашу сторону, и мы вас спасем от большевистского ига"»¹³. «Логика желудка» наблюдалась также и в 1918 году в Ребольской и Поросозерской волостях – Ребольская волость, которая снабжалась продовольствием из Финляндии, поддержала вхождение в состав Финляндии, а Поросозерская волость, получавшая продовольствие из Повенца, – нет, и была захвачена вооруженными отрядами финнов летом 1919 года [Попов: 33-38].

Исходя из всего вышеизложенного мы приходим к выводу, что политического или национального фактора в определенной поддержке интервентов со стороны северокарельских крестьян не было, поддержка была связана лишь с тотальным голодом, прекратить который обещали и пытались прибывшие из Финляндии добровольцы и сепаратисты. Факт отсутствия восстаний в южной Карелии, где была сносная продовольственная ситуация, лишь подтверждает этот тезис. Однако встает логичный вопрос – а были ли вообще со стороны интервентов попытки поднять восстание в южной Карелии? Именно его рассмотрению и посвящена эта статья. На основе обширного архивного материала из фондов Российского государственного военного архива и Национального архива Республики Карелия мы рассмотрим деятельность диверсантов и разведчиков противника в южных карельских волостях с целью подтверждения тезиса о исключительно продовольственном характере восстания северокарельских крестьян в 1921–1922 годах. В рамках работы были использованы документы преимущественно из фондов РГВА № 1911 и 740. Первый фонд – это фонд Управления 127-й стрелковой бригады, которая сражалась в Карелии в ноябре – декабре 1921 года практически в одиночку. В данной работе был проведен анализ Журнала боевых действий бригады, где события расписаны по дням. Само собой, основной массив информации там посвящен боям в северной Карелии, но события на юге региона также были описаны. В фонде 740 содержатся

документы Управления войсками Карельского района, где большинство документов также описывает боевые действия в северокарельских волостях в январе – феврале 1922 года. Примечательно дело № 432 – Журнал боевых действий завесы, находящейся в южных волостях Карелии. Там по дням расписаны события, что позволяет реконструировать нападения противника в период первых двух месяцев 1922 года. Документы Национального архива Республики Карелия (далее – НА РК) представляют из себя различные отчеты, телеграммы и прошения, которые отложились в фонде Карельского областного комитета (фонд Р-549). Они раскрывают продовольственную ситуацию на севере Карелии, и являются яркой иллюстрацией склонения карельского крестьянства на финскую сторону в связи с тотальным голодом. Также были использованы документы из фонда П-14, в котором отложились материалы Карельской историко-партийной комиссии, подготовленные в 1930-е годы. События в южной Карелии были отражены в подготовленном сотрудниками Комиссии конспекте, посвященном Карельской авантюре 1921–1922 годов. Опубликованные документы представлены мемуарами члена Карельского ревкома и исполнкома КТК В.М. Куджиева и опубликованной в сборнике документов 1944 года оперативной документацией РККА. Материалы русской эмиграции касательно описываемых событий практически отсутствуют в связи с тем, что отряды противника были представлены финскими добровольцами и условно «финнизированными» карельскими сепаратистами.

В июле 1921 года в Олонецком уезде «вернувшиеся из Финляндии карельские беженцы-кулаки пытаются пролезть в советы, настраивают крестьян против советов. На днях в Олонце пойман шпион Антонов с фотоснимками города и сведениями военного характера. Вместе с ним задержаны еще два белофинских шпиона. В Туломозерской волости были случаи вооруженного нападения и увода белофинскими бандитами лошадей в Финляндию»¹⁴. Уже в самый разгар боевых действий Карельской авантюры, 15 декабря 1921 года, «финские банды появились в Олонецком уезде, для ликвидации банд высланы отряды. Некоторые из банд рассеяны и отошли к границе»¹⁵.

В своих воспоминаниях В.М. Куджиев вспоминал об И.А. Никитине, который в 1919 году воевал в составе «Олонецкого коммунистического отряда» Ф.И. Егорова, первым встретившего удар противника по южным районам Карелии в 1919 году. Затем Никитин «организовывал ревкомы в волостях Олонецкого уезда, руководил их работой». Далее Куджиев писал: «В 1921 году, во время налетов белофиннов, они вновь попытались инспирировать восстание в Олонце. Пришедший в город кулацкий отряд внезапно захватил здание уездисполкома, арестовал ряд советских работников. Никитин был в это время дома. Какая-то девушка прибежала и рассказала ему о случившемся. Он бросился на телеграф, который еще не был занят, дал телеграмму в Петрозаводск. Руководители мятежников, узнав о данной телеграмме, пришли к Никитину и стали требовать, чтобы он сообщил в Петрозаводск, что восстания нет и воинские части не нужны. Никитин на просьбы и угрозы ответил категорическим отказом. Его обезоружили и оставили дома. Перспектива прибытия воинской части обескуражила кулаков. Не получив на тот момент помощи из Финляндии, на которую они рассчитывали, к моменту прибытия воинской части мятежники уже рассеялись и сопротивления не оказали»¹⁶. Однако данный случай не прослеживается по документам, что ставит под некоторое сомнение данные, приводимые В.М. Куджиевым.

6 ноября 1921 года отряды противника вторглись в районе Ругозера. Уже 12 ноября на участке 1-й стрелковой роты (далее – ср) 175-го батальона в лесу у деревни Чепилла по направлению к Финляндии «пробирается какой то человек», на него выслали дозор в 2 человека, он стал отстреливаться из нагана, ранил одного красноармейца и скрылся, используя темноту. То есть практически сразу отряды противника стали проникать и в

южную Карелию¹⁷.

В телеграмме Карисполкома в НКИД уже от 4 декабря 1921 года отмечалось, что «поступили сведения о вербовке банд и агитации за наступление через границу из волости Финляндии напротив Олонецкого уезда. В Сальминском погосте 25 ноября был созван съезд, где приняли резолюцию о помощи бандам и о наступлении в Южную Карелию. Ввиду всего этого можно ожидать наступления еще новых банд через границу и против Олонецкого уезда...»¹⁸. Советское руководство действительно беспокоилось о возможности вторжения противника и в южные волости Коммуны. 21 ноября начальнику южного боевого участка Девитту было приказано «всеми имеющимися средствами парализовать всякие попытки со стороны банд просочиться с севера в пределы боеучастка. Обеспечить охрану фин[ской] границы. Всеми мерами подавлять все попытки восстания. Организовать разведку как войсковую, так и агентурную в пределах своего участка»¹⁹.

В дальнейшем ситуация лишь накалялась. Так, В ночь с 24 на 25 ноября на мосту через реку Сясь был обстрелян часовой, «кто и сколько человек обстреляли часового не выяснено»²⁰. 27 ноября комполка-380 приказано выделить для охраны границы 4 роты, занять 1-м стрелковым батальоном участок границы от Надлахты до Погранкондущ (штаб был в Пряже), 1-й стрелковой ротой участок Погранкондущи – устье реки Свирь и Паша (штаб в Котчале), одну роту выделить для несения гарнизонной службы в Олонецкой и Череповецкой губерниях²¹. 29 ноября, по сведениям агентурной разведки, среди части населения Кяпясельгской, Великогубской и Тихвинской волости настроение к советской власти было враждебным. Далее уточнялось, что отношение враждебное в селах Викшезеро, Кокорино, Шайдема Кяпясельгской волости²².

29 ноября поступили сведения Особо уполномоченного Особого Отдела ПВО, что из деревни Сальми (в Финляндии) было выслано пять человек для взрыва железнодорожного моста на реке Свирь. Указанные люди были высланы 25 ноября²³. В ответ на усиление охраны железнодорожного моста через Свирь 29 ноября в 18 часов отправилось 15 человек коммунаров под командой Дранькова²⁴.

По сведениям Особого отдела, уже 2 декабря в районе деревни Шайдома в пяти верстах северо-западнее Кяпясельги происходила скопка боевых патронов к оружию, вероятно с целью «укомплектования бандитов». Виновные в покупке и продаже были арестованы, «отобрано 660 патронов, две винтовки, 4 дробовых ружей, одна пулеметная лента без патронов и одна верста кабеля. На участке введено осадное положение»²⁵.

В оперсводке за 4 декабря сообщалось, что по сведениям начальника особ пункта-16 (полученным от заграничного осведомителя), на состоявшемся в местечке Мальэ съезде карел было вынесено постановление о поддержке восставших в Кемском уезде, а также решено вести наступление на Олонец и Свирь с целью перехвата железнодорожного моста и воспрепятствованию переброски подкреплений к Мурману. Была послана «финскому правительству просьба о поддержке воинским снаряжением. Вновь назначенный начальником Суалас-Кунда²⁶ Маннергейм на параде в Сердоболе в своей речи выразился: "Олонец будет наш"»²⁷. Однако по финской литературе данный съезд и данные заявления не прослеживаются.

Продолжалось наблюдение за ситуацией с оружием. За сутки 5 декабря от жителей в пределах южного участка было отобрано 25 русских винтовок, 2000 патронов, 27 берданок, два револьвера и другие вещи²⁸.

11 декабря в районе Видлицкой волости обнаружена банда около 20 человек, в районе Пиросозера (25 верст севернее Олонца) – банда в 30 человек, имеющая «якобы намерение

взорвать мост через Свири и напасть на Олонец». 11 декабря из Олонца в этих направлениях были выдвинуты две разведпартии, каждая в 20 человек²⁹.

На следующий день, 12 декабря, в районе д. Голлымба «банда была рассеяна нашим отрядом. Бандиты разбежались по лесу, вероятно в направлении к границе, меры к задержанию приняты». В ходе столкновения были взяты трофеи: 14 пар финских лыж, три карабина, патроны, рукавицы, шапки, сапоги. В Поросозере, в 25 верстах к северу от Олонца, появилась банда в 100 человек с обозом лыж и другого имущества, против них было выслано 81 человек при одном пулемете³⁰.

13 декабря банда, рассеянная у Поросозера, в числе 12 человек с ранеными была обнаружена в лесу между Видлицей и Сорболовой «на отдыхе в сарае», в 16 часов 13 декабря из Видлицы туда были высланы два отряда по 10 человек каждый для задержания. В итоге банда, рассеянная у Голлымба, бежала в двух направлениях: один отряд ушел в направлении Поросозера – Сармяки – Гушкала – Коншегоры и скрылся за границу, другой ушел через Кишкозеро, «разведка идет за ним по следам». 17 декабря появились сведения, что в районе Ведлозерской волости появилось подкрепление рассеянным ранее отрядам, была выслана разведка. В деревне Пашаево прибыла группа бандитов в 15 человек, в Тгемоваары в 47 верстах восточнее Видлицы также «находится большая партия бандитов», туда двинули отряды из Олонца. На участке 1-й роты 175-го батальона 16 декабря был задержан разведчик, вооруженный Маузером, взрывчатым веществом, с картой и компасом³¹.

Чуть позже в деревне Барлов-Лес, в 45 верстах севернее Олонца, появилось около 40–45 человек бандитов, против них были высланы два отряда (1-я рота 175-го батальона из Чеппила и части ЧОН из Олонца). Однако отряд разведку противника не обнаружил³².

24 декабря у Сянчозера, в месте впадения в него реки Кулок, бандитами был захвачен комвзвод Якурнов и с ним два красноармейца, бандитов преследовали 25 человек из 3-й роты 175-го батальона ВЧК, но их преследование «успехом не увенчалось». Бандиты с захваченными бойцами отошли в Мерендукусу, где захватили наблюдательный пост из двух красноармейцев и скрылись по направлению к границе³³. Затем выяснилось, что в Мерендуксе они еще захватили местного учителя, идеального коммуниста Кирьянова. Всего были захвачены: один врио комвзвода, три красноармейца 3-й роты, один неизвестный красноармеец (видимо из 166-го батальона) и учитель. «Бандиты говорили красноармейцам: "Не бойтесь, мы вас убивать не будем"»³⁴. На поиски бандитов было отправлено 25 бойцов под командованием комроты из 175-го батальона ВЧК³⁵.

27 декабря на участке 2-й роты 175-го батальона в районе д. Мандроги было обнаружено 7 человек разведчиков противника, против них была выслана разведка из состава 175-го батальона. По сведениям сельсовета Вахтозера, в ночь с 25 на 26 декабря через деревню прошел отряд бандитов в 25 человек, который захватил там трех красноармейцев. Против них была выслана разведка от учкадрового полка 11-й стрелковой дивизии³⁶.

На 1 января 1922 года в состав южной боевой завесы входили: 175-й отдельный батальон войск ВЧК (на участке от озера Куурна-лахти до Погранкондущ), 3-й стрелковый батальон 380-го стрелкового полка (от Колатсельги до устья Свири), 3-я рота 174-го отдельного батальона войск ВЧК (от Погранкондущ до устья Свири), учебная школа 380-го стрелкового полка в Олонце, пулеметный взвод 381-го стрелкового полка в Лодейном Поле, авиаотделение 50-го авиаотряда в деревне Речка³⁷.

4 января южному участку было приказано (приказ по войскам ПВО) произвести маневр в районе Олонец – Видлица и лыжный пробег по маршруту Видлица – Финская

граница – Петрозаводск в составе сводного батальона двухротного состава курсантов-финнов интернациональных военных курсов в составе не менее 200 чел. с пулеметной командой при шести пулеметах на лыжных установках и артиллерией³⁸. В дальнейшем маневры производились постоянно. О ходе исполнения одного из этих маневров артиллерийскими частями сообщал начальник гарнизона Лодейного Поля: «Батареи застряли в дер Каноме и реке Свири, причиной был глубокий снег и неудобные по дороге дровни на которых были орудия, мною лично было отдано приказание заменить дровни нашими более удобными, благодаря этой замене легкая батарея была продвинута и сейчас находится на пути к Олонцу, гаубичную батарею, застрявшую на реке Свири, можно было продвинуть таким же образом, разобрать и вывезти на наших дровнях». Начальник гарнизона отдал приказание дать 12 дровень, однако командир батареи получил приказание от начальника артиллерии ехать обратно, и батарею отправили по железной дороге³⁹.

7 января в районе д. Колатсельга было убито два сотрудника особого отдела, которых выслали в разведку⁴⁰.

16 января «в виду ненадежной существовавшей до сего времени охраны границы – издан приказ по участку Южавесы № 05, согласно которого участок завесы разбивается на три сектора и в связи с этим должна быть произведена частичная перегруппировка частей, охраняющих границу; разбивка участка на секторы произведена применительно к ротным участкам 175-го батальона войск ВЧК»⁴¹. 15 января был назначен новый заведующий агентурной разведкой южавесы – сотрудник Разведуправления «тov. Эд. Парвиайнен»⁴².

19 января восемь финских разведчиков подошли к хутору Вагоярви (в трех верстах западнее Колатсельги), затем они ушли за границу, отряд красных разведчиков их задержать не смог⁴³.

В условиях боевых действий на севере, как мы уже отмечали, наблюдался тотальный недостаток подвод. Поэтому бойцы более спокойных участков отправлялись на мобилизацию подвод. 20 января части роты 16-го учкадрового полка были направлены на мобилизацию подвод: 90 – в Вытегорский уезд, 50 – в Пудожский, 40 – в Лодейнопольский⁴⁴.

Были попытки отправить бойцов относительно спокойного участка на выполнение сугубо бытовых работ. Так, 1 февраля солдаты гарнизона Лодейного Поля получили приказ помочь местным жителям в распиловке дров. Однако «начгарнизона Лодполя донес, что в его распоряжении сильный недостаток людей, вследствие чего – оказать содействие в распиловке дров не может»⁴⁵.

31 января в 15 часов с финляндской территории через Колатсельгу пролетели два аэроплана, один из них, «описав круг», улетел обратно за границу через деревню Сони, другой спустился на озеро Туломозеро, однако задержать самолеты не удалось⁴⁶.

В ночь на 6 февраля финская разведка перешла границу в 3 верстах севернее Кавгозера в числе шести человек, в пяти верстах юго-восточнее этой деревни разведка разделилась на две партии: одна прошла в пяти верстах южнее Видлицы, другая в 16 часов 6 февраля прошла мимо деревни Сербола по направлению к Кумгоре. 8 февраля финская разведка в составе двух человек проходила по границе у деревни Посад, «вызывала наших кр-цев, при подходе взводного командира – разведка отошла обратно в дер Хюрсуля»⁴⁷.

14 февраля «по служебным делам» из Мерендуkses в Вохтозеро ехали комвзвода и красноармеец 380-го стрелкового полка, которые пропали без вести. На их поиски было выслано две партии разведчиков. Еще в 12 часов 13 февраля севернее Вохтозера был слышен ружейный выстрел, на него вышли разведчики РККА и обнаружили лыжные следы. В районе

впадения реки Кулок в озеро Ельмозеро была найдена лошадь с упряжкой, людей около нее не было, в санях был обнаружен мешок из-под муки, он принадлежал заведующему продовольствием учшколы 380-го стрелкового полка, который был выдан им красноармейцу 1-го взвода учшколы 380-го стрелкового полка.

14 февраля в 5 часов на берегу реки Кулок были найдены трупы комвзвода и красноармейца учшколы 380-го сп, «зверски изуродованные». Трупы были доставлены в Вохтозеро⁴⁸.

17 февраля южный боеучасток получил приказание: «В местах, где появляются шайки и разведчики бандитов, не посыпать по каким-бы-то-ни-было надобностям одиночных людей, а чтобы следовали вооруженные партии не менее 10 человек, так как в последнее время имели место случаи нападения бандитов на одиноко следующих наших людей». Однако начштабвойск Каррайона получил ответ, что «выполнение этого приказания потребует непосильного для южной завесы расхода людей», ведь для усиления некоторых постов, одиночных контрольных телефонных станций, по мнению южной завесы, ей должны были выделить приблизительно 430 штыков, «просьба их скорее выслать». Однако в ответ на это, 18 февраля комполка 16-го учкадрового полка было приказано выделить 20 штыков в распоряжение начальника 5-го участка охраны Мурманской железной дороги⁴⁹.

20 февраля тремя неизвестными финнами в полуверсте от Погранкондущ были остановлены проезжавшие граждане этой деревни и «после опроса «”какой деревни... куда едут”» они были отпущены, финны при этом скрылись за границу. В 20:30 того же дня в двух верстах западнее Погранкондущ на территории Финляндии разорвалась бомба⁵⁰.

Согласно приказанию Командующего войсками Карельского района А.И. Седякина, который был назначен на эту должность в начале боевых действий, прибыв из Петрограда, от 24 февраля 1922 года за № 0738 участок Южной завесы в 23 часа был сдан комбригу-29⁵¹.

* * * * *

Таким образом, мы приходим к выводу, что попытки финских интервентов поднять восстание в южной Карелии, провести там диверсии и агитацию местного населения в период 1921–1922 годов были массовыми. Однако восстания и массовой поддержки интервентов в этой части региона не наблюдалось благодаря оперативным действиям частей РККА и ВЧК, а также приемлемому продовольственному положению в южной части Карелии. Это обусловило отсутствие базы для восстания и массового недовольства местного крестьянства советской властью. Совершенно обратная ситуация была в северокарельских волостях, где голод был тотальным, а недовольство на этой почве массовым. Именно поэтому финские интервенты и карельские сепаратисты нашли там поддержку среди крестьян, которые по большей части затем ушли в Финляндию. Это показывает, что в событиях «Карельской авантюры» был элемент и крестьянского восстания. Отсутствие поддержки интервентов в южной Карелии лишний раз подтверждает исключительно продовольственный характер причин восстания в северной Карелии. Это был очередной пример «логики желудка», который наблюдался также и в 1918, и в 1919 годах на первом этапе финской интервенции в Советской Карелии.

Примечания

¹ IZÄNDÄ. Карельское восстание 1921–1922 годов // Национальный музей Республики Карелия: офиц. сайт. URL: <https://kareliamuseum.ru/vystavki/95> (дата обращения: 19.10.2025).

² Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф. Р-549. Оп. 1. Д. 5/53. Л. 2.

³ Под понятием «хлеб» в данном случае имеется в виду зерно (реже мука) следующих культур: рожь, ячмень, овес (см.: НА РК. Ф. Р-549. Оп. 1. Д. 5/50. Л. 9–9 об). Хлебный налог обычно сдавался зерном (гораздо реже – мукой).

- ⁴ НА РК. Ф. Р-641. Оп 1. Д. 37. Л. 15.
- ⁵ НА РК. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 102. Л. 29.
- ⁶ НА РК. Ф. Р-171. Оп. 1. Д. 9/159. Л. 1-4.
- ⁷ НА РК. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 119. Л. 21.
- ⁸ НА РК. Ф. Р-549. Оп. 1. Д. 2/25. Л. 51.
- ⁹ НА РК. Ф. Р-549. Оп. 1. Д. 3/31. Л. 73.
- ¹⁰ НА РК. Ф. Р-549. Оп. 1. Д. 3/31. Л. 97.
- ¹¹ НА РК. Ф. Р-549. Оп. 1. Д. 3/31. Л. 83 об.
- ¹² НА РК. Ф. Р-549. Оп 1. Д. 2/25. Л. 41.
- ¹³ Рахья Э.А. Бои за Видлицу // Гражданская война в Олонецкой Карелии (1918–1920): сб. мат-лов научн.-практ. конф. / Под ред. С.Г. Веригина, А.М. Пашкова. Петрозаводск: ПетрГУ, 2020. С. 151.
- ¹⁴ НА РК. Ф. П-14. Оп. 1. Д. 2/44. Л. 1.
- ¹⁵ НА РК. Ф. П-14. Оп. 1. Д. 2/44. Л. 2.
- ¹⁶ Куджисев В.М. Карельская трудовая коммуна. Воспоминания члена ревкома. Петрозаводск: Карелия, 1970. С. 25-26.
- ¹⁷ Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 1911. Оп. 1. Д. 5. Л. 47.
- ¹⁸ Разгром белофинских интервентов в Карелии в 1918–1922 гг.: Сб. документов / Под ред. П.Г. Софинова. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1944. С. 124.
- ¹⁹ РГВА. Ф. 1911. Оп. 1. Д. 5. Л. 49, 49 об.
- ²⁰ РГВА. Ф. 1911. Оп. 1. Д. 5. Л. 56.
- ²¹ РГВА. Ф. 1911. Оп. 1. Д. 5. Л. 56 об., 57.
- ²² РГВА. Ф. 1911. Оп. 1. Д. 5. Л. 57, 60.
- ²³ РГВА. Ф. 1911. Оп. 1. Д. 5. Л. 57 об.
- ²⁴ РГВА. Ф. 1911. Оп. 1. Д. 5. Л. 58.
- ²⁵ РГВА. Ф. 1911. Оп. 1. Д. 5. Л. 64 об., 65.
- ²⁶ Имеется в виду Suojeluskunta – финское название военизированной организации Шюцкор.
- ²⁷ РГВА. Ф. 1911. Оп. 1. Д. 5. Л. 67 об., 68.
- ²⁸ РГВА. Ф. 1911. Оп. 1. Д. 5. Л. 70 об.
- ²⁹ РГВА. Ф. 1911. Оп. 1. Д. 5. Л. 77 об.
- ³⁰ РГВА. Ф. 1911. Оп. 1. Д. 5. Л. 78.
- ³¹ РГВА. Ф. 1911. Оп. 1. Д. 5. Л. 78–81.
- ³² РГВА. Ф. 1911. Оп. 1. Д. 5. Л. 83 об., 85.
- ³³ РГВА. Ф. 1213. Оп. 1. Д. 361. Л. 10–11.
- ³⁴ РГВА. Ф. 1213 ОП 1 Д. 361. Л. 12–12 об.
- ³⁵ РГВА. Ф. 1213 Оп. 1. Д. 361. Л. 36 об., 37.
- ³⁶ РГВА. Ф. 1911. Оп. 1. Д. 5. Л. 91.
- ³⁷ РГВА. Ф. 740. Оп. 1. Д. 432. Л. 1.
- ³⁸ РГВА. Ф. 740. Оп. 1. Д. 432. Л. 1 об.
- ³⁹ РГВА. Ф. 1213. Оп. 1. Д. 375. Л. 33.
- ⁴⁰ РГВА. Ф. 740. Оп. 1. Д. 432. Л. 2.
- ⁴¹ РГВА. Ф. 740. Оп. 1. Д. 432. Л. 3 об.
- ⁴² РГВА. Ф. 1213. ОП. 1. Д. 375. Л. 88.
- ⁴³ РГВА. Ф. 740. Оп. 1. Д. 432. Л. 4.
- ⁴⁴ РГВА. Ф. 740. Оп. 1. Д. 432. Л. 4.
- ⁴⁵ РГВА. Ф. 740. Оп. 1. Д. 432. Л. 5 об.
- ⁴⁶ РГВА. Ф. 740. Оп. 1. Д. 432. Л. 5 об.
- ⁴⁷ РГВА. Ф. 740. Оп. 1. Д. 432. Л. 7 об.
- ⁴⁸ РГВА. Ф. 740. Оп. 1. Д. 432. Л. 8.

⁴⁹ РГВА. Ф. 740. Оп. 1. Д. 432. Л. 8 об., 9.

⁵⁰ РГВА. Ф. 740. Оп. 1. Д. 432. Л. 11.

⁵¹ РГВА. Ф. 740. Оп. 1. Д. 432. Л. 11 об.

Список литературы

Витухновская-Кауппала М.А. В пучине Гражданской войны: Карелы в поисках стратегий выживания. 1917–1922 / М. Витухновская-Кауппала, А.Ю. Осипов. Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2020. 348 с.

Гардин Е.С. Разгром белофинской авантюры (1921–1922). Петрозаводск: Гос. изд-во КФССР, 1947. 44 с.

Голдин В.И. Гражданская война в России. Осмысление сквозь столетия. Москва: Кучково поле, 2025. Т. 2. 624 с.

Иванов Д.П. Тамбовское восстание 1920–1921 гг. с точки зрения терминологии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 6-2(80). С. 36-40.

Килин Ю.М. Карелия в политике советского государства, 1920–1941 гг. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 1999. 275 с.

Осипов А.Ю. Карельская Освободительная Армия: между Финляндией и советской Россией // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования. Вып. 1. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2008. С. 45-53.

Попов Д.А. Нападение финских интервентов на Поросозеро в январе 1919 г.: новые документы и данные из ведомственных архивов // Исторические чтения на Лубянке: мат-лы XXVII междунар. научной конф. (Москва, 7–8 декабря 2023 г.). Москва: Фронткнига, 2023. С. 33-38.

Соколов-Страхов К.И. Зимняя кампания в Карелии в 1921/22 г. Борьба за обладание Мурманским незамерзающим портом и железнодорожным путем к нему. Москва; Ленинград: Военная типография управления делами Наркомвоенмор и РВС СССР, 1927. 162 с.

Хесин С.С. Разгром белофинской авантюры в Карелии в 1921–1922 гг. Москва: Воениздат МВС СССР, 1949. 151 с.

Холодковский В.М. Финляндия и Советская Россия. 1918–1920. Москва: Наука, 1975. 265 с.

Denis A. POPOV

master's degree, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Moscow, Russia),
dps1939@mail.ru

ECHOES OF THE 1921–1922 KARELIAN ADVENTURE IN SOUTHERN KARELIA

Scientific adviser:

Ivan V. Savitsky

Reviewer:

Ilya S. Ratkovsky

Paper submitted on: 11/03/2025;

Accepted on: 12/15/2025;

Published online on: 12/15/2025.

Abstract. This article explores the efforts of Finnish saboteurs and intelligence agents to orchestrate a Karelian peasant uprising and coordinate large-scale military operations in southern Karelia during the so-called "Karelian Adventure" of 1921–1922. During this period, hostilities between invading forces and Red Army units intensified in the northern Karelian volosts. The study emphasizes the role of food-based support provided by northern Karelian peasants to the invaders and separatists, analyzing this phenomenon in conjunction with the absence of an uprising in southern Karelia, where the food supply was relatively stable.

Keywords: Karelian Adventure, Finnish intervention, South Karelia, northern Karelian volosts, food situation, I. A. Nikitin

For citation: Popov, D. A. Echoes of the 1921–1922 Karelian Adventure in Southern Karelia. StudArctic Forum. 2025, 10 (4): 21–32.

References

- Vitukhnovskaya-Kauppala M.A., Osipov A.Yu. *In the abyss of the Civil War: The Karelians in search of survival strategies. 1917–1922.* Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2020, 348 p. (In Russ.)
- Gardin E.S. *The defeat of the White Finnish Adventure (1921–1922)*. Petrozavodsk, State Publishing House of the KFSSR, 1947, 44 p. (In Russ.)
- Goldin V.I. *The Civil War in Russia. Understanding it through the centuries*. Moscow, Kuchkovo pole, 2025, Vol. 2, 624 p. (In Russ.)
- Ivanov D.P. Tambov rebellion of 1920–1921 from the viewpoint of terminology. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Theory & Practice*, 2017, No. 6-2(80), pp. 36-40. (In Russ.)
- Kilin Yu.M. *Karelia in the politics of the Soviet state, 1920–1941*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University, 1999. 275 p. (In Russ.)
- Osipov A.Yu. The Karelian Liberation Army: Between Finland and Soviet Russia. *Borders and contact zones in the history and culture of Karelia and adjacent regions. Humanitarian studies*. Issue 1. Petrozavodsk, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, 2008, pp. 45-53. (In Russ.)
- Popov D.A. The attack of Finnish interventionists on Porosozero in January 1919: New documents and data from departmental archives. *Lubyanka Historical Readings: Proceedings of the XXVII international research conference (Moscow, December 7–8, 2023)*. Moscow, Frontkniga, 2023, pp. 33-38. (In Russ.)
- Sokolov-Strakhov K.I. *The 1921–22 Winter Campaign in Karelia. The battle for the control over the Murmansk ice-free port and the railroad leading to it*. Moscow, Leningrad, Military Printing House of the Administration of the People's Commissariat of Military and Naval Affairs and the Revolutionary Military Council of the USSR, 1927, 162 p. (In Russ.)
- Khesin S.S. *The defeat of the White Finnish Adventure in Karelia in 1921–1922*. Moscow, Voenizdat, 1949, 151 p. (In Russ.)
- Kholodkovsky V.M. *Finland and Soviet Russia. 1918–1920*. Moscow, Nauka, 1975, 265 p. (In Russ.)

Научная статья

УДК 355.4

БУРОВСКИЙ
Артем Алексеевич

магистратура, Санкт-Петербургский государственный
университет (г. Санкт-Петербург, Россия),
burovsky.artiom@yandex.ru

ТАКТИКА РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-ДИВЕРСИОННЫХ ГРУПП КРАСНОЗНАМЁННОГО БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА И ВЕРМАХТА В ХОДЕ ЗИМНЕЙ КАМПАНИИ 1941–1942 ГГ.

Научный руководитель:

Назаренко Кирилл Борисович

Рецензент:

Веригин Сергей Геннадьевич

Статья поступила: 11.10.2025;

Принята к публикации: 15.12.2025;

Размещена в сети: 15.12.2025.

Аннотация. В статье рассматривается тактика разведгрупп Балтийского флота и Вермахта в ходе битвы за Ленинград. На примере ряда столкновений разведгрупп Вермахта и советских постов описываются характер боевых действий зимой 1941–1942 гг. Активные действия противника заставили советское командование усилить береговые дозоры разведчиками и направлять группы охотников для борьбы с наблюдательными постами немцев.

Ключевые слова: Вторая мировая война, войсковая разведка, Красная армия, Вермахт, оборона Ленинграда

Для цитирования: Буровский А. А. Тактика разведывательно-диверсионных групп Краснознамённого Балтийского флота и Вермахта в ходе зимней кампании 1941–1942 гг. // StudArctic Forum. 2025. Т. 10, № 4. С. 33–41.

Целью работы является рассмотрение тактики немецких разведывательно-диверсионных групп в зимних боях под Ленинградом и рассмотрение ответных мер разведки Краснознамённого Балтийского флота. Для раскрытия цели были выдвинуты задачи анализа тактики сторон и сравнения факторов, влиявших на успех в ряде операций. В работе использованы сравнительный и историко-динамический методы, что позволяет проанализировать действия разведчиков на Петергофском направлении.

История разведки в Красной армии – тема, представляющая большой интерес не только для научного сообщества, но и для широкого круга читателей. Большое число исследователей продолжительное время специализируется на локальных сюжетах и различных видах разведки. Это помогает полноценно изучить историю разведки, позволяет более объективно и всесторонне раскрыть подробности работы советской разведки и её многочисленных оппонентов. Например, С.В. Федулов с соавторами проанализировал работу советских агентов технической разведки в Италии в предвоенный период [Федулов]. С.Г. Веригин описал работу советской агентурной разведки в Карелии в период финской оккупации и уделил внимание биографии конкретного разведчика [Веригин]. А.Н. Романенко рассмотрел многочисленные задачи советской разведки на Дальнем Востоке: заброску агентов в тыл противника, поддержку партизан и захват японского военно-политического руководства [Романенко]. Значительная работа была проведена В.А. Нагирняком, опубликовавшим ряд статей, объединённых в сборник «Войсковая разведка Красной армии и Вермахта» [Нагирняк]. Это первая работа, в которой подробно описаны довоенные рекомендации по войсковой разведке и пособия, появившиеся в ходе

войны, приказы командования и боевые операции обеих противоборствующих сторон. Тема войсковой разведки на соединениях Красного флота в монографии оказалась незатронутой – автор не выдигал перед собой такой задачи.

* * * *

Сложные погодные условия осенью 1941 года заметно осложнили действия противников. Ленинград был блокирован, однако первые попытки штурма города провалились. Наступившая зима изменила расстановку сил: корабли Балтийского флота, ранее представлявшие серьёзную угрозу для немецких войск, уходили из Кронштадта в Ленинград. Кроме того, фельдмаршал фон Лееб должен был передать имеющиеся резервы в группу армий «Центр» для наступления на Москву [Дробязко: 222]. В сложившейся ситуации стороны стали активно применять разведывательно-диверсионные группы, целью которых было уничтожение небольших дозоров и постоянное психологическое воздействие на противника.

Немецкая тактика войсковой разведки обязана опыту Первой Мировой войны, который корректировался реалиями новой войны: «...каждая дивизия, которая участвовала в наступлении, получала приказ сформировать специальные штурмовые батальоны лёгкой пехоты. Вооружённые гранатами и карабинами, они должны были пробивать узкие проходы в обороне врага. Разрезая её на изолированные участки...» [Киган: 581-582].

После окончания Первой мировой войны и сокращения численности немецкой армии Германия обобщила полученный опыт. Об этом писал Э. Миддельдорф: «В двадцатых годах в Германии имелись, конечно, прогрессивные пехотные офицеры, которые не забыли уроки Первой мировой войны и стремились сделать из них правильные выводы» [Миддельдорф: 13]. В ходе Второй мировой войны немецкие офицеры продолжали совершенствовать тактику действий разведгрупп. Описываемые тактические приёмы, вероятно, были доработаны офицерами 212-й пехотной дивизии Вермахта, которая располагалась под Петергофом¹.

В сложившейся ситуации, когда фронт стабилизировался, противники тщательно готовились к активизации боевых действий. Одним из аспектов подготовки было изучение противника и его позиций неожиданными ударами. Такие тактические приёмы можно назвать наступлением с ходу, как их определял Миддельдорф; наступление с ходу стоит проводить, «когда противник уступает в боевой готовности, по численности или в моральном отношении...» или «противник может быть застигнут врасплох...» [Миддельдорф: 192]. Работа Миддельдорфа является обобщающим анализом сражений минувшей войны и содержит рекомендации по ведению боевых действий, труд даёт общие представления о тактике различных подразделений Вермахта.

Зимой 1941–1942 годов немецкие разведчики совершили ряд нападений на советские наблюдательные посты (парные лыжные дозоры). Проведение нескольких таких операций позволяет считать, что это была продуманная тактика действий разведывательно-диверсионных групп Вермахта. Командиры советской войсковой разведки подготовили несколько подробных отчетов о произошедшем, чтобы принять ответные меры и избежать повторных нападений.

Первое нападение состоялось 5 января 1942 года в 17 часов. Время для проведения операции было выбрано удачно – в это время видимость существенно падает:

«...группа противника в количестве 20 человек, из направления Н. Петергоф подошла к фарватеру Морского канала в районе 4 участка /средняя часть зоны охраняемой ОВР"ом ЛВМБ/. Не доходя 1 км до фарватера противник разделился на две группы и продолжал движение в указанном направлении.

К моменту подхода к фарватеру в дозоре стоял один глав. старшина СУББОТИН /его

напарник из-за болезни был вынужден уйти на БК-3/. При приближении противник открыл по т. СУББОТИНУ пулеметный и автоматный огонь, последний принял бой и вел по противнику ответный огонь, израсходовав две гранаты и весь винтовочный боезапас. В результате перестрелки глав. старшина СУББОТИН был убит пулей в лоб, кроме этого на теле обнаружены штыковая и ножевые раны и выколот один глаз. Противник снял с убитого верхнее обмундирование, забрал винтовку и телефон, порвал телефонный провод и отошел в направлении Н. Петергоф до подхода группы поддержки. При подходе к южному берегу в районе Н. Петергоф противник выпустил две красные ракеты /предположительно опознавательные/. На месте боевого столкновения найден манильский трос, длиной 3 м. Принятые меры к обследованию фарватера, с целью обнаружения и уничтожения, предполагаемых на фарватере мин или фугасов, поставленных противником...»².

Из донесения следует, что немецкая разведгруппа окружила одинокого дозорного, и, вероятно, моряк попал в плен и был подвергнут пыткам. Наличие манильского троса можно объяснить целью немецких разведчиков – при помощи троса связывали пленных. Как указывается в советском пособии о немецкой войсковой разведке, трос мог пригодиться для минирования: на деревьях (на уровне груди человека) немецкие военнослужащие подвешивали мины, а также минировали трупы, оружие, снаряжение [Сурин: 67]. Электронные базы данных содержат карточки учёта потерь, где могут быть указаны обстоятельства смерти военнослужащего. В карточке потерь приведена более поздняя дата нападения³ — 8 января 1942 года, а также большее число нападавших — до 50 разведчиков. Указывается, что Субботин обстрелял немецкую разведгруппу, группа понесла потери — немцам нужно было забрать раненых и убитых товарищей. Разведчики убили советского моряка, чтобы не осложнить отход.

Следующая операция проводилась 23 января 1942 года, на посту находились двое военнослужащих, один из которых предположительно попал в плен, а второй был ранен и сумел отойти к своим, где доложил о случившемся. В донесении бой описан следующим образом:

«19.40 23.01.42 группа пр-ка, численностью 50–60 человек подошла к фарватеру Морского канала в р-не 3,5 км от оконечности дамбы. В результате боевого столкновения с дозором 9 ОСБ с нашей стороны ранен один человек и один пропал без вести, предположительно захвачен противником и уведен с собой. Противником разбит телефонный аппарат и порван телефонный провод. Потери пр-ка не установлены. По следам установлено, что часть группы пр-ка была на лыжах, а часть без лыж, кроме того установлено наличие следов от саней, предположительно установленный на сани пулемет»⁴.

Таким образом, первые удачи придали немецкому руководству уверенности, а сведения о слабости советской обороны укрепили эту веру. Поэтому в следующей операции было задействовано больше немецких разведчиков, что, возможно, и позволило вывести пленного дозорного.

Успех немецкой разведки объясняется и рядом обстоятельств:

1) Нехватка личного состава для проведения ответных операций. В переписке Начальника Штаба КБФ вице-адмирала Ралля и Начальника Штаба ЛВМБ капитана 1-го ранга Пилиповского, последний отмечает, что выполнение поставленной задачи по уничтожению объектов в тылу противника диверсионными группами невозможно, так как база не располагает подготовленными диверсионными группами и не имеет в составе штаба людей для специальной подготовки, а также не имеет резерва личного состава, так как весь свободный личный состав передан 9 ОСБ для зимней обороны⁵.

2) Сложности управления дозорными постами и нехватка личного состава береговой обороны. В отчёте о работе войсковой разведки начальника разведотделения штаба ЛВМБ сообщается:

«Большим тормозом в работе ВР подразделений и руководстве ею было то обстоятельство, что большинство подразделений в оперативном отношении были подчинены 9 ОСБ Внутр. Войск НКВД.

С 15 января несение дозорной службы на подходах к Ленинграду с залива, а также охрана фарватера Морского канала были полностью поручены 9 ОСБ. Части ОВР»а с указанных участков были отведены и в настоящее время заняты ремонтом кораблей и подготовкой к компании 1942 г. Одна рота ОВР»а, охраняющая фарватер Морканала, во всех отношениях подчинена 9 ОСБ. Разведгруппа, вместе с другими подразделениями была отведена и расформирована по своим кораблям. В настоящее время никакой активной работы по добыванию сведений о противнике на этом участке частями ЛВМБ не ведется»⁶.

Отвод множества подразделений охраны водного района, в частности разведгруппы, серьёзно ослабил береговую оборону, что дало преимущество немецким разведчикам при нападении на советские посты. Кроме того, советскую оборону ослабляли сложности управления.

Главный способ противодействия нападениям немецких разведгрупп – это направление советским командованием в поиск своих разведчиков. Одна из разведгрупп составила описание тактики немецких разведчиков:

«Основная диверсионная группа... состоит из 15–18 человек, имеющих один станковый пулемет, 9–10 автоматов и винтовки. Иногда численность группы бывает 33–35 чел. По гололедице, крепкому скользкому насту группа противника ходит, имея на ногах кошки с шипами за финскими санками. По среднему насту 12–13 человек этой группы обуты в валенки, 5–6 в сапоги. Все одеты или в очень короткие шинели или в зимние куртки. В холодные дни противник не залегает на снегу, группа его переползает с места на место при встрече с нашими группами или быстро убегает»⁷.

Построение разведгруппы выглядело следующим образом:

«... Впереди на 170–200 метров от основной группы идут два человека. Справа и слева, несколько впереди, идут по два-три человека в расстоянии 110–120 м от основной группы. Отставая от основной группы, метрах в 250–300 от нее 3–4 человека. Основная группа — пять-семь человек идет со станковым пулеметом. При встречах с маленькими группами нашего дозора, — два-четыре человека, — автоматически заходят, отрываясь еще дальше от пулемета на санках, во фланги, стреляют фланговым огнем, идут на сближение...»⁸.

Немецкое построение являлось гибким и подвижным (рис. 1), при обнаружении советского дозора передовое и фланговые охранения становились группой манёвра, чья задача окружить и не дать уйти противнику (рис. 2); основная группа исполняла функции прикрытия — пулемёт, перевозимый на санях, открывал огонь. После выполнения поставленной задачи разведгруппа отходила (рис. 3); использование лыж также повышало мобильность немецких разведчиков.

Немецкая разведгруппа выполняла только свои прямые функции – уничтожение советских дозорных постов и захват пленных. Это производило серьёзный психологический эффект. Военный корреспондент Пётр Капица отмечал 27 ноября 1941 года: «Почти все корабли уйдут зимовать в Ленинград. Когда замёрзнет залив, к Кронштадту можно будет подобраться по льду. Поэтому усиливается круговая оборона. Уже были две ночные тревоги: учимся отражать нападение лыжников. Неужели нам предстоит воевать на льду?»⁹. В начале февраля 1942 года военный корреспондент, описывая приготовления ко сну, записал в дневнике: «Пистолет держишь под подушкой. Ночью бывают тревоги: гитлеровцы то и дело появляются на льду. Не раз были перестрелки»¹⁰.

Рис. 1. Построение немецкой разведгруппы во время движения. Рисунок автора

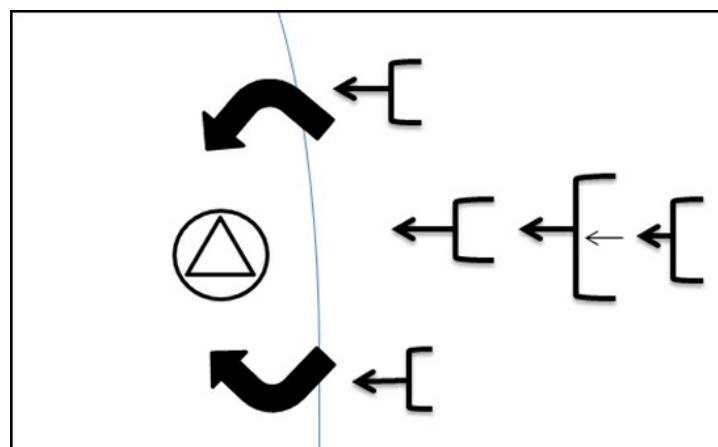

Рис. 2. Перестроение немецкой разведгруппы во время манёвра с целью окружения противника

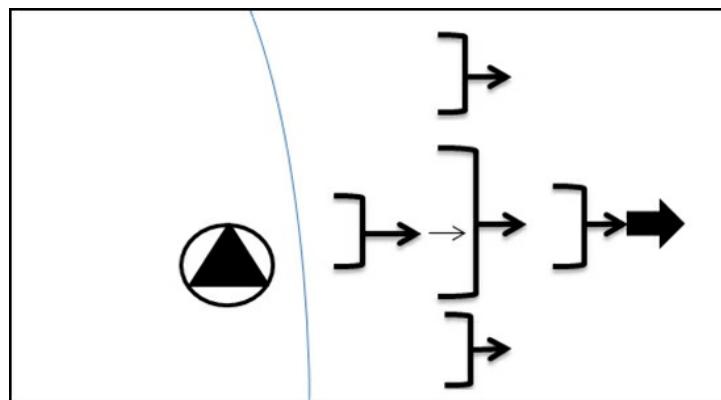

Рис. 3. Перестроение и отход немецкой разведгруппы после выполнения задачи

Немецкая тактика на всём протяжении войны оставалась эффективной. В пособии полковника С.И. Сурина «Войсковая разведка в немецкой армии» описывается более сложный порядок построения разведгруппы немцев [Сурин: 27-31]. На многочисленных примерах показаны различные варианты построений, используемых на разных участках советско-германского фронта. Столкновение с «новыми формами боя» заставило немецкое командование «изыскивать новые методы войсковой разведки» [Сурин: 6] – немецкие командиры начали активно издавать инструкции и корректировать тактику. Таким образом, при правильном подборе личного состава, вооружения и снаряжения достигался успех в проведении поиска.

С целью укрепления обороны и нанесения ответных ударов по немецкой

разведывательно-диверсионной группе стала использоваться разведгруппа охраны водного района ЛВМБ. С конца декабря 1941 до середины января 1942 года

«Развед. группа использовалась как группа поддержки дозора с южной стороны. Группа поддержки дозора имела боевые соприкосновения с противником, короткие перестрелки, шла каждый раз на сближение с ним, но противник уходил в южном, юго-восточном, юго-западном направлениях, избегая близкой встречи»¹¹.

Помимо усиления береговой обороны советская сторона также отправляла в поиски разведывательные партии, именуемые «группами охотников-истребителей»¹². В нескольких отчётах описываются действия двух групп разведчиков, сформированных при Штабе городского оборонительного участка Кронштадта. Первая группа отправилась в поиск 21 января 1942 года под командой старшего сержанта Албет и выбыла в район Аудия–Коровино с задачей уничтожить живую силу и средства передвижения по шоссейной дороге, идущей от Гостилиц к Петергофу, а также разведать район расположения тяжелых и миномётных батарей, пулемётных точек и блиндажей. Через некоторое время после выхода с позиций 527 полка 48 дивизии группа была обстреляна пулемётным и миномётным огнём и отошла к югу¹³. В ходе трёхдневного поиска в ходе нескольких столкновений группа сумела нарушить сообщение по дороге Петергоф – Гостилицы: были уничтожены две повозки с группой сопровождения, миномётная батарея (два миномёта 107 мм и два немца /часовые/¹⁴) и три пулемётные точки¹⁵. Разведчики установили позиции тяжёлой артиллерии и расположение аэродрома. В качестве трофеев были взяты три винтовки (сданы под расписку в 527 полку)¹⁶. В группе охотников-истребителей был один раненый и все получили лёгкие обморожения.

Вторая группа охотников-истребителей направилась в поиск в ночь с 26 на 27 января 1942 года под командой младшего сержанта Саприкина. На группу возлагалась задача захвата пленного, однако группа задание не выполнила: «При наблюдении оказалось, что вслед за двумя немцами, которые были без халатов, следует /в направлении востока/ одиннадцать человек в мас. халатах. Группа оказалась дозором, дойдя до места, где находился младший сержант Саприкин, остановилась и о чём-то совещалась. Младший сержант Саприкин решил эту группу уничтожить и бросил одну гранату, при разрыве гранаты четыре немца были убиты, а остальные отбежали вглубь леса и залегли, причем легли очень кучно. Из этой группы была выброшена осветительная ракета и при ее освещении мл. сержант Саприкин в группу немцев бросил еще две гранаты, а пулеметчик Зайцев и краснофлотцы Максимов и Бранников открыли огонь по хорошо видимой цели – группе немцев»¹⁷. После чего с немецких позиций был открыт миномётный и автоматный огонь, группа была вынуждена отойти. Командование положительно оценило действия младшего сержанта Саприкина, хотя захватить пленного группе охотников не удалось.

* * * * *

Таким образом, на основе документов филиала Центрального архива Министерства обороны удалось сравнить действия войсковых разведок по ряду показателей:

1) Численный состав. Немецкая разведка обладала численным превосходством и более совершенной организацией, что позволяло добиться успеха в поисках. Советская сторона испытывала нехватку личного состава, в том числе кадровых разведчиков. Разведгруппа ОВР”а использовалась в качестве резерва береговой обороны в случае нападения немцев. При этом разведгруппа из состава Ленинградской военно-морской базы активно проводила поиски на соседних участках фронта. Полученные советской разведкой сведения обычно рассыпались в форме разведывательных сводок, поэтому соединение, которое не вело активной войсковой разведки, также могло получать нужные сведения, проверяя и уточняя их другими средствами. Это позволяло компенсировать нехватку

сведений о противнике в ОВР”е, а освободившуюся разведгруппу использовать в качестве подвижного резерва.

2) Продуманность тактики. Войсковая разведка Вермахта строилась на тщательно отработанных тактических приёмах, которые при необходимости совершенствовались. Это позволяло добиться успеха. Зачастую советские разведывательные группы состояли из военнослужащих, не имевших полноценного опыта ведения разведки. Для проведения поиска и захвата пленного была необходима специальная подготовка, поэтому результат поисков не всегда был удовлетворительным.

3) Влияние береговой обороны. Немецкая сторона обладала большими ресурсами, в частности, оборона была построена при использовании значительного числа пулемётов и миномётов, что затрудняло предполагаемый прорыв советских разведывательных групп. В случае же успешного прорыва и последовавшего за этим столкновения, немецкие военнослужащие могли рассчитывать на серьёзную огневую поддержку. Советская береговая оборона не имела значительной огневой поддержки, что облегчало поиски противника.

Таким образом, на основе изложенного материала можно сделать вывод, что тактика разведчиков Вермахта и советского Балтийского флота имела разительные отличия. Несмотря на сокращение численности немецкойвойской группировки, численный перевес сохранялся за немецкой стороной. Проведение поисков производилось в точном соответствии с хорошо знакомыми приёмами. Это обеспечивало успех в потенциальных столкновениях. Советская сторона испытывала острую нехватку личного состава и средств поддержки. Кроме того, можно предположить, что советские военнослужащие испытывали чувство голода, что могло снизить физические возможности в ходе проведения поиска. Моряки, оказавшиеся на суше, не всегда обладали необходимой выучкой и боевым опытом. Чтобы избежать повторения захвата пленных, советское военное руководство стремилось изменить ситуацию в свою пользу.

Список сокращений

ЦАМО РФ – Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации;

ЛВМБ – Ленинградская военно-морская база. На базу возлагалась ответственность за дислокацию кораблей, а также задачи по обороне города с моря;

НКО – Народный комиссариат обороны;

ОВР ЛВМБ – охрана водного района Ленинградской военно-морской базы. В задачи ОВРа входили несение дозорной службы, обеспечение выхода в море и возвращения в базы кораблей, поддержание безопасности фарватеров и осуществление всех видов обороны;

ОСБ внутренних войск НКВД – отдельный стрелковый батальон внутренних войск НКВД.

Примечания

¹ Грабова Л.В. Петергоф в оккупации (23 сентября 1941 г. – 19 января 1944 г.) // Архивы Санкт-Петербурга: сайт. URL: <https://spbarchives.ru/-/petergof-v-okkupacii-23-sentabra-1941-g-19-anvara-1944-g-?ysclid=lskttf89wj346612636> (дата обращения 12.10.2025).

² ЦАМО РФ (филиал в г. Гатчина). Ф. 161. Оп. 34. Ед. хр. 22. Л. 11-12.

³ Субботин Георгий Георгиевич // Память народа: инф. сайт. URL: <https://m.pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero102392553> (дата обращения: 12.10.2025).

⁴ ЦАМО РФ (филиал в г. Гатчина). Ф. 161. Оп. 34. Ед. хр. 23. Л. 31.

⁵ ЦАМО РФ (филиал в г. Гатчина). Ф. 161. Оп. 34. Ед. хр. 23. Л. 43.

⁶ ЦАМО РФ (филиал в г. Гатчина). Ф. 161. Оп. 34. Ед. хр. 23. Л. 49-51.

⁷ ЦАМО РФ (филиал в г. Гатчина). Ф. 161. Оп. 34. Ед. хр. 22. Л. 29-30.

⁸ ЦАМО РФ (филиал в г. Гатчина). Ф. 161. Оп. 34. Ед. хр. 22. Л. 29-30.

⁹ ЦАМО РФ (филиал в г. Гатчина). Ф. 161. Оп. 34. Ед. хр. 22. Л. 28-29.

¹⁰ Капица П.И. В море погасли огни. Ленинград: Советский писатель, 1979. С. 196.

- ¹¹ Капица П.И. Указ. соч. С. 300.
- ¹² ЦАМО РФ (филиал в г. Гатчина). Ф.161. Оп. 34. Ед. хр. 22. Л. 53-54.
- ¹³ ЦАМО РФ (филиал в г. Гатчина). Ф.161. Оп. 34. Ед. хр. 22. Л. 54.
- ¹⁴ ЦАМО РФ (филиал в г. Гатчина). Ф.161. Оп. 34. Ед. хр. 22. Л. 54.
- ¹⁵ Наградной лист ст. сержанта Г.Г. Албета // Память народа: инф. сайт. URL: <https://clck.ru/3PR39E> (дата обращения: 26.09.2025).
- ¹⁶ ЦАМО РФ (филиал в г. Гатчина). Ф. 161. Оп. 34. Ед. хр. 22. Л. 55.
- ¹⁷ ЦАМО РФ (филиал в г. Гатчина). Ф. 161. Оп. 34. Ед. хр. 22. Л. 53.

Список литературы

- Веригин С.Г.* Василий Кириллов – зафронтовой разведчик Карельского фронта // Исторические чтения на ул. Андропова, 5. История органов госбезопасности. Мат-лы VIII конференции (Петрозаводск, 15–17 сентября 2023 г.). Петрозаводск: ПИН, 2023. С. 66-77.
- Дробязко С.И.* Вторая Мировая война 1939–1945. Москва: Эксмо, 2006. 384 с.
- Киган Дж.* Великая война 1914–1918. Москва: Колибри, Азбука-Аттикус, 2019. 672 с.
- Миддельдорф Э.* Русская военная кампания. Опыт Второй Мировой войны. 1941–1945. Москва: ЗАО Центрполиграф, 2018. 415 с.
- Нагирняк В.А.* Войсковая разведка Красной армии и Вермахта. Москва: Язуа-пресс, 2022. 448 с.
- Романенко А.Н.* Контрразведывательная деятельность органов военной разведки СССР в Манчжурии: от партизанского движения до захвата японских офицеров // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2025. Т. 51. С. 97-104. DOI: 10.26516/2222-9124.2025.51.97
- Сурин С.И.* Войсковая разведка в немецкой армии. Москва: Воениздат НКО СССР. 1944. 71 с.
- Федулов С.В.* Получение и изучение новинок итальянской техники и вооружения в СССР (1930-е гг.) / С.В. Федулов, Н.В. Димитренко, Д.Н. Соловьев // КЛИО. 2025. № 2(218). С. 201-206.

Artem A. BUROVSKY

master's degree, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia),
burovsky.artiom@yandex.ru

MILITARY INTELLIGENCE TACTICS OF THE RED ARMY AND THE WEHRMACHT DURING THE SIEGE OF LENINGRAD, WINTER 1941–1942

Scientific adviser:

Kirill B. Nazarenko

Reviewer:

Sergej G. Verigin

Paper submitted on: 10/11/2025;

Accepted on: 12/15/2025;

Published online on: 12/15/2025.

Abstract. This article examines the tactics employed by the reconnaissance units of the Baltic Fleet and the Wehrmacht during the Siege of Leningrad. Through a detailed examination of a series of clashes between German reconnaissance teams and Soviet defensive positions, it highlights the nature of combat during the winter of 1941–1942. The active advances by the enemy compelled Soviet military command to bolster coastal patrols with additional scouts and to deploy specialized units of hunters to counteract German observation posts.

Keywords: Second World War, military intelligence, Red Army, Wehrmacht, defense of Leningrad

For citation: Burovsky, A. A. Military Intelligence Tactics of the Red Army and the Wehrmacht during the Siege of Leningrad, Winter 1941–1942. StudArctic Forum. 2025, 10 (4): 33–41.

References

- Verigin S.G. Vasily Kirillov, a frontline scout of the Karelian Front. *Historical Readings at 5 Andropova Street. The history of state security agencies: Proceedings of the VIII conference (Petrozavodsk, September 15–17, 2023)*. Petrozavodsk, PIN, 2023, pp. 66–77. (In Russ.)
- Drobyazko S.I. *The Second World War, 1939–1945*. Moscow, Eksmo, 2006, 384 p. (In Russ.)
- Keegan J. *The Great War of 1914–1918*. Moscow, CoLibri, Azbuka-Attikus, 2019, 672 p. (In Russ.)
- Middeldorf E. *Tactics in the Russian campaign: Experiences and conclusions*. Moscow, Tsentrpoligraf, 2018, 415 p. (In Russ.)
- Nagirnyak V.A. *Military intelligence of the Red Army and the Wehrmacht*. Moscow, Yauza-press, 2022, 448 p. (In Russ.)
- Romanenko A.N. Counterintelligence activities of the USSR military intelligence organs in Manchuria: From the partisan movement to the capture of Japanese officers. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series: History*, 2025, Vol. 51, pp. 97–104. DOI: 10.26516/2222-9124.2025.51.97 (In Russ.)
- Surin S.I. *Military intelligence of the German army*. Moscow, Voenizdat, 1944, 71 p. (In Russ.)
- Fedulov S.V., Dimitrenko N.V., et al. Obtaining and studying Italian new equipment and weapons in the USSR (1930s). *KLIO*, 2025, No. 2(218), pp. 201–206. (In Russ.)

ВЛАСОВА
Алиса Алексеевна

бакалавриат, Петрозаводский государственный
университет (Петрозаводск, Россия),
vlanya505@mail.ru

ОШИБКИ В ВЫБОРЕ ВИДО-ВРЕМЕННЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА В ПИСЬМЕННЫХ СТУДЕНЧЕСКИХ ТЕКСТАХ НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ (КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

Научный руководитель:

Барыкова Надежда Сергеевна

Рецензент:

Котюрова Ирина Аврамовна

Статья поступила: 28.10.2025;

Принята к публикации: 15.12.2025;

Размещена в сети: 15.12.2025.

Аннотация. Зарубежные и российские исследования по изучению французского языка как иностранного показывают устойчивые трудности в выборе видо-временных форм глагола. Качественный и количественный анализ 2772 нарушений из корпуса ПАКТ выявил, что 84,3% случаев составляют ошибки согласования времен. Основная проблема заключается в отсутствии целостного понимания видо-временной системы, что требует комплексного формирования грамматического навыка.

Ключевые слова: ученический корпус, корпус студенческих текстов, ПАКТ, образовательная аналитика, грамматические ошибки

Для цитирования: Власова А. А. Ошибки в выборе видо-временных форм глагола в письменных студенческих текстах на французском языке (корпусное исследование) // StudArctic Forum. 2025. Т. 10, № 4. С. 42–47.

В настоящее время общепризнанным фактом является то, что письмо — это одно из ключевых умений при изучении иностранного языка, которое считается систематизированной передачей ментальных образов и переживаний посредством графических знаков для последующего прочтения, что подчеркивает коммуникативную направленность письменной речи [Adebayo: 208]. Процесс обучения иностранному языку предполагает выполнение студентами различных письменных работ, таких как эссе, сочинений, статей и прочих заданий, посредством которых развивается навык формулирования мыслей на изучаемом языке. Для русскоязычных студентов написание подобных письменных работ на французском языке сопровождается трудностями, которые неизбежно приводят к ошибкам, в особенности к грамматическим. Данный вид ошибок совершается как студентами младших курсов, так и теми, кто изучает язык в течение продолжительного времени. Детальный анализ природы подобных погрешностей становится актуальным в контексте разработки современных педагогических стратегий, направленных на формирование и развитие грамматического навыка.

Лингвисты выделяют несколько типов ошибок, которые являются наиболее повторяющимися в письменных работах на французском языке, включая неверное согласование родов, спряжение глаголов, использование артиклей, предлогов и нарушения в структуре предложений. Систематический характер совершения подобных погрешностей зависит как от лингвистических, так и от экстраконспектических факторов. Согласование рода и числа вызывает затруднения, в первую очередь, из-за морфологического состава

французского языка, требующего воспринимать категорию рода как неотъемлемый грамматический признак, который заложен в состав устойчивых выражений и синтаксических конструкций, что может противоречить языковой интуиции не носителя [Wolf: 480]. Исследования, сравнивающие носителей французского языка и иностранных студентов, показывают, что студенты принимают решения в данном вопросе на основе внешних морфологических признаков, таких как, например, окончания существительных, не имея при этом более глубинных лексических ассоциаций. Так, ни один из иностранных студентов, участвовавших в подобном эксперименте, не достиг точности, сравнимой с выбором рода носителями языка [Holmes: 499]. Кроме того, различия между системой рода русского и французского языков неизбежно приводят к интерференции и создает путаницу, так как очень часто род французских существительных не соответствует их русским эквивалентам. Межъязыковая интерференция усугубляет и ошибки, связанные с выбором артиклей и предлогов при письме на французском языке, поскольку студенты склонны либо вообще их опускать, либо использовать неправильно [Manyasa: 174]. Причина этому заключается в том, что русский язык не имеет артиклей в целом, а система предлогов разительно отличается от французской. Более того, логика употребления артиклей и предлогов во французском языке не всегда ясна, что требует запоминания устойчивых словосочетаний. Ошибки в синтаксисе, а конкретно неправильный порядок слов и построение придаточных предложений, тоже могут быть вызваны интерференцией, поскольку изучающие французский язык переносят синтаксические образцы с родного языка на иностранный, что нарушает логику построения предложений и их структуру.

Что касается ошибок в выборе видо-временных форм глагола, то одно из исследований, проведенных на примере работ индонезийских студентов, изучающих французский язык, показало, что самый частый тип грамматической погрешности — это аспект времени, который встречается 64 раза из 313 найденных ошибок. По словам авторов, они были вызваны склонностью студентов к неправильному формообразованию, поскольку обучающиеся не могли выбрать время, соответствующее контексту предложения [Pramesti: 65]. Это неудивительно, так как овладение видо-временной системой является одной из наиболее сложных задач для изучающих французский язык. Особенности данной глагольной системы, такие как разнообразие временных форм и строгие правила их употребления, создают препятствия для успешного формирования языковой компетенции. Славянские языки, включая русский, имеют сложную систему вида, что оказывает непосредственное влияние на то, как студенты передают временные значения в романских языках. Кроме того, русскоязычные учащиеся могут недостаточно различать значения и употребление французских времен, что приводит к замене одних форм другими и погрешностями в передаче временных отношений. При этом выбор видо-временных форм у студентов часто оказывается контекстуально зависимым и варьируется в зависимости от типа текста, будь то личный или безличный нарратив, а также от письменной или устной формы коммуникации, что напрямую влияет на частоту и характер ошибок [Toth: 2257]. Наибольшая повторяемость погрешностей в выборе видо-временных форм среди других неточностей в письменном дискурсе у изучающих французский язык как иностранный предопределяет необходимость применения многоуровневого аналитического подхода, что и определило тему нашего исследования.

Важно отметить, что перечислить общие причины и закономерности недостаточно для того, чтобы минимизировать риск совершения подобных ошибок. Помимо этого, первостепенной задачей является определение педагогических стратегий, которые смогут повысить качество работ, выполняемых студентами на французском языке. Для этого используется более точечный, корпусный анализ, который позволяет фокусироваться на

конкретных проблемах, а не на общие формулировки. Основой проведенного нами исследования стали материалы Петрозаводского аннотированного корпуса текстов (ПАКТ) — специализированной базы данных, созданной в Петрозаводском государственном университете для хранения и анализа письменных работ студентов. Данный корпус предполагает проверку различных типов заданий: пересказы, эссе, рецензии и другие [Барымова: 161]. Его инструментарий особенно полезен для определения как индивидуальных траекторий каждого учащегося, так и для оценки успеваемости целых учебных групп, что создает базу для своевременной адаптации методик преподавания. Лингвистический массив разделен на два основных компонента: тексты на немецком и французском языках.

Целью нашего корпусного исследования является систематизация выявленных неточностей в выборе видо-временных форм глагола во французском языке. В первую очередь, для достижения поставленной цели необходимо провести количественный анализ и статистическую обработку ошибок, извлеченных из корпуса текстов, а затем выполнить их качественную интерпретацию. Таким образом, непосредственным предметом исследования выступают ошибки в выборе видо-временных форм глагола в письменном дискурсе обучающихся на французском языке.

* * * * *

Нами было проанализировано 2772 ошибки, совершенных при выборе видо-временных формах глагола. Критериями для их систематизации стали: ошибки в согласовании времен, ошибки в употреблении времен, другие ошибки. Эти категории позволили выявить основные закономерности в характере грамматических ошибок, что дает возможность провести диагностику системных проблем в усвоении видо-временной системы (таблица 1).

Таблица 1
Статистика ошибок в выборе видо-временных форм глагола (на основе данных ПАКТ)

Категория ошибок	Конкретный тип ошибки	Количество	Доля в процентах
Нарушение согласования времен (84,3 %)	passé simple → passé composé	832	30,1
	présent → imparfait	793	28,7
	présent → passé composé	621	22,5
Путаница в употреблении времен (11,3 %)	passé composé → imparfait	166	6,0
	imparfait → passé composé	77	2,8
	passé composé → plus-que-parfait	61	2,2
Прочие ошибки (4,4 %)	présent → passé simple	33	1,2
	Другие типы ошибок	88	3,2

В таблице отражено процентное соотношение грамматических ошибок студентов в выборе видо-временных форм, выявленных в корпусе текстов.

Произведенный количественный анализ с последующей статистической обработкой и

качественной интерпретацией помогли выявить, что самыми многочисленными типами ошибок, составляющими 84,3 % (2332 случая), являются ошибки в согласовании времен. Данный факт свидетельствует о том, что неспособность студентов поставить глагол в нужную форму не является ключевым затруднением, поскольку проблема кроется в отсутствии понимания связей между временами в сложных предложениях. В рамках этой категории наиболее статистически значимыми оказались три варианта ошибок: самой частой стала замена Passé Simple на Passé Composé (832 случая, 30,1 %). Этот результат может быть интерпретирован как недостаточное усвоение студентами разницы между этими двумя временами. Passé Composé в подобных случаях подменило собой литературное Passé Simple, используемое преимущественно в повествовательных текстах.

Следующими по распространенности оказались случаи ошибочного использования Présent в контекстах, требующих прошедшего времени, — с заменой на Imparfait (793 случая, 28,7 %) и на Passé Composé (621 случай, 22,5 %), что прямо указывает на неумение применять правила согласования времен в сложных предложениях.

Второй по частоте категорией ошибок (11,3 %) стала путаница между основными прошедшими временами. Студенты заменяли Passé Composé на Imparfait (6 % всех ошибок), что может быть объяснено влиянием русского языка, где нет аналогичного разделения на завершенные и незавершенные действия. Кроме того, обучающиеся часто стремятся «подстраховаться» и применить форму Imparfait в тех случаях, когда в этом нет необходимости. Гораздо реже встречается обратная замена - когда вместо Imparfait использовали Passé Composé (2,8 %), что показывает относительную фрагментарность знаний и недостаточное понимание логико-временных отношений в предложениях.

Категория «прочие ошибки» (4,4 %) включает следующие типы: использование Présent вместо Passé Simple, смешение будущего времени и условного наклонения, а также повторение Passé Composé в тексте. Все это указывает на то, что у студентов во многих случаях отсутствует целостное понимание системы французских времен и логических связей между ними в тексте. Общий количественный анализ ошибок по неправильно используемому времени подтверждает тенденцию к упрощению высказываний, так как многие студенты неоправданно использовали Présent в своих письменных работах (1472 ошибки, 53,1 %). Помимо этого, погрешности в использовании Passé Simple (915 случаев, 33,0 %) доказывают его неустойчивое положение в рамках грамматического навыка. При этом распределение по времени, которое должно было быть использовано, демонстрирует, что в 55,9 % случаев (1551 случай) контекст требовал употребления Passé Composé, а в 37,2 % (1031 случай) — Imparfait, что поднимает проблему корректного выбора между этими двумя временами в повествовании.

* * * * *

Таким образом, проведенное корпусное исследование, направленное на систематизацию ошибок в выборе видо-временных форм глагола в письменной речи студентов во французском языке, позволило достичь поставленной цели и решить ключевые задачи работы. Количественный анализ 2772 ошибок выявил четкую иерархию грамматических неточностей и затруднений. Было установлено, что главная проблема заключается в нарушении правил согласования времен (84,3 % случаев), что позволяет убедиться в систематическом характере подобных ошибок. В рамках этой категории наиболее частыми оказались: замена Passé Simple на Passé Composé (30,1 %), а также ошибочное использование Présent вместо Imparfait (28,7 %) и Passé Composé (22,5 %). Качественная интерпретация данных выявила глубинные причины совершаемых студентами ошибок, одной из которых является несформированность целостного понимания видо-временной системы французского языка студентами.

Результаты исследования подталкивают к выводу о том, что методическая задача заключается в переходе от изолированного изучения временных форм к формированию системного представления о французской видо-временной системе. Это требует разработки педагогических подходов, направленных на развитие грамматического навыка в контексте использования времен в письменной речи с учетом их аспектуальных различий и стилистических особенностей.

Список литературы

Барымова Н.С. Использование корпуса студенческих текстов ПАКТ в образовательной деятельности вуза (из опыта ПетрГУ) // Развитие Севера и Арктики: потенциал наставничества и инновации в социально-гуманитарной сфере: мат-лы XI Всеросс. научно-практ. конф. с междунар. участием (Архангельск, 27–29 апреля 2023 г.). Архангельск: САФУ им. М.В. Ломоносова, 2023. С. 160-164.

Adebayo L.A. A longitudinal study of learners' writing errors in French // UJAHR Unizik Journal of Arts and Humanities. 2022. Vol. 23, № 1. P. 207-239.

Grammatical Errors in French translation: Case of Indonesian students / R. Pramesti, Y. Mutiarsih, D. Darmawangsa // Francisola: Revue indonésienne de la langue et la littérature française. 2019. Vol. 4, № 1. P. 55-66.

Holmes J. Assignment of grammatical gender by native speakers and foreign learners of French / J. Holmes, R. Segui // Applied Psycholinguistics. 1999. Vol. 20, № 4. P. 479-506.

Toth Z. Tense and aspect in the interlanguage of Slavic speakers learning Romance languages / Z. Toth, T. Hlava, B. Gómez-Pablos // International Journal of Multilingualism. 2024. Vol. 21, № 4. P. 2239-2267.

Wolf J. In chunks we trust . . . the problem of gender assignment in foreign language learning of French // International Journal of Bilingualism. 2025. Vol. 29, Issue 2. P. 474-490.

Manyasa J. When language transfer is negative: analysis of morpho-syntactic interference errors by learners of French in Tanzanian higher learning institutions // Vestnik za tuje jezike = Journal for Foreign Languages. 2021. Vol. 13, No. 1. P. 165-190.

VERB TENSE CHOICE ERRORS IN FRENCH-LANGUAGE STUDENT WRITING: A CORPUS STUDY

Scientific adviser:

Nadezhda S. Barymova

Reviewer:

Irina Kotiurova

Paper submitted on: 10/28/2025;

Accepted on: 12/15/2025;

Published online on: 12/15/2025.

Abstract. Studies of learning French as a foreign language, both in foreign and Russian contexts, consistently demonstrate difficulties in selecting appropriate verb tense forms. A combined qualitative and quantitative analysis of 2,772 errors from the PACT corpus identified that 84.3% of these mistakes involved incorrect tense agreement. The main problem appears to stem from an incomplete understanding of the tense-aspect system, which requires the acquisition of complex grammatical skills.

Keywords: student corpus, student text corpus, PACT, educational analytics, grammatical errors

For citation: Vlasova, A. A. Verb Tense Choice Errors in French-Language Student Writing: A Corpus Study. *StudArctic Forum*. 2025, 10 (4): 42–47.

References

- Barymova N.S. The use of the PACT corpus of student texts in the educational activities of the university (a case of Petrozavodsk State University). *Development of the North and the Arctic: The potential of mentoring and innovation in the social and humanitarian sphere: Proceedings of the XI all-Russian scientific and practical conference with international participation (Arkhangelsk, 27–29 April, 2023)*. Arkhangelsk, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, 2023, pp. 160-164. (In Russ.)
- Adebayo L.A. A longitudinal study of learners' writing errors in French. *UJAH Unizik Journal of Arts and Humanities*, 2022, Vol. 23, No. 1, pp. 207-239.
- Pramesti R., Mutiarsih Y., et al. Grammatical errors in French translation: Case of Indonesian students. *Francisola: Revue indonésienne de la langue et la littérature française*, 2019, Vol. 4, No. 1, pp. 55-66.
- Holmes J., Segui R. Assignment of grammatical gender by native speakers and foreign learners of French. *Applied Psycholinguistics*, 1999, Vol. 20, No. 4, pp. 479-506.
- Toth Z., Hlava T., et al. Tense and aspect in the interlanguage of Slavic speakers learning Romance languages. *International Journal of Multilingualism*, 2024, Vol. 21, No. 4, pp. 2239-2267.
- Wolf J. In chunks we trust . . . the problem of gender assignment in foreign language learning of French. *International Journal of Bilingualism*, 2025, Vol. 29, Issue 2, pp. 474-490.
- Manyasa J. When language transfer is negative: analysis of morpho-syntactic interference errors by learners of French in Tanzanian higher learning institutions. *Journal for Foreign Languages*, 2021, Vol. 13, No. 1, pp. 165-190.

ДЕМЕНТЬЕВА
Эмма Викторовна

бакалавриат, Елецкий государственный университет
им. И. А. Бунина (Елец, Россия),
vergissmeinnicht@mail.ru

МЕТОДЫ ФОРМИРОВАНИЯ МАТЕМАТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В ДЕТСКОМ САДУ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НЕМЕЦКОГО И РОССИЙСКОГО ПОДХОДОВ

Научный руководитель:

Бакурова Елена Николаевна

Рецензент:

Смирнова Светлана
Иосифовна

Статья поступила: 24.10.2025;

Принята к публикации: 15.12.2025;

Размещена в сети: 15.12.2025.

Аннотация. В статье рассматривается комплексный сравнительный анализ методов формирования элементарных математических представлений у детей дошкольного возраста в Германии и России. Особое внимание уделяется методологическим основам, роли педагога, организационным формам работы и практической реализации подходов. Выявлены как общие тенденции, обусловленные современными представлениями о развитии ребенка, так и существенные различия, отражающие культурно-исторические и образовательные традиции двух стран. Предложены практические рекомендации по интеграции сильных сторон обоих подходов.

Ключевые слова: дошкольное математическое образование, сравнительная педагогика, Германия, Россия, исследовательская деятельность, игровые технологии, формирование элементарных математических представлений, роль педагога

Для цитирования: Дементьева Э. В. Методы формирования математических представлений в детском саду: сравнительный анализ немецкого и российского подходов // StudArctic Forum. 2025. Т. 10, № 4. С. 48–55.

Актуальность сравнительного исследования методов обучения математике в дошкольных учреждениях Германии и России обусловлена необходимостью поиска эффективных образовательных стратегий, отвечающих вызовам современности. В условиях реализации Федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования (ФГОС ДО) [1], который подчеркивает важность развития познавательных интересов и инициативы ребенка, российская педагогическая наука проявляет значительный интерес к анализу международного опыта.

Немецкая система дошкольного образования признана одной из наиболее эффективных в мире благодаря своей ориентированности на поддержку естественной исследовательской активности ребенка, что представляет огромный практический интерес для поиска путей обновления отечественных методик. С другой стороны, российская система дошкольного математического образования обладает глубокими традициями и методической базой, доказавшей свою эффективность.

Теоретической основой исследования послужили работы выдающихся отечественных и зарубежных ученых. Основы классической системы формирования элементарных

математических представлений (ФЭМП) у детей были заложены в трудах Л.С. Выготского и П.Я. Гальперина. Анализ современных российских практик проведен на основе ФГОС ДО, примерной основной образовательной программы «От рождения до школы» [Веракса] и современных учебно-методических комплексов [Сидоренко].

В немецкой традиции теоретической основой выступает теория конструктивизма Жана Пиаже, который рассматривал ребенка как активного строителя собственных знаний. Идеи косвенного руководства и обогащения развивающей среды также восходят к педагогике Марии Монтессори и Селина Френе. Практическая реализация теорий отражена в программе «Дом маленьких исследователей» [Kettner-Bieraу], в которой ставится акцент на самостоятельном открытии детьми математических закономерностей в окружающем пространстве и формах («Mathematik in Raum und Form entdecken»). Работа Р. Баро, Х.Г. Хунгербюлера и Г. Манц [Barro] освещает конкретные методы и техники преподавания математики, применяемые в немецкой практике, что позволяет провести непосредственное сравнение с российскими методическими приемами. Исследование Ф. Липовски «Урок» [Lipowsky], включенное в академическое издание по педагогической психологии, предоставляет научный взгляд на эффективность различных подходов к организации учебного процесса в немецкой школе, принципы которых часто экстраполируются и на дошкольную ступень.

Целью данного исследования является выявление и анализ доминирующих методов обучения математике в детских садах Германии и России, определяемых глубинными культурно-педагогическими парадигмами, а также разработка рекомендаций по их продуктивному использованию.

Методологической основой исследования выступили принципы сравнительной педагогики, позволяющие выявлять как универсальные закономерности образовательного процесса, так и национально-специфические особенности его организации. Исследование опиралось на системный подход, обеспечивающий комплексный анализ всех компонентов образовательного процесса: целевого, содержательного, организационного и оценочного. Для сбора и анализа информации использовались методы теоретического исследования: изучение и анализ педагогической литературы, нормативных документов, сравнительно-сопоставительный анализ образовательных программ и методических материалов.

* * * * *

Немецкая система дошкольного математического образования, наиболее системно представленная программой фонда «Haus der kleinen Forscher» [Kettner-Bieraу], строится на принципах косвенного инструктажа, исследовательского подхода и сильной опоры на теорию конструктивизма. В центре немецкого подхода находится ребенок как активный, любознательный и компетентный конструктор собственных знаний. Процесс обучения понимается не как трансляция информации, а как «активный и конструктивный процесс открытия» [Baro: 3], что напрямую восходит к идеям Жана Пиаже. Эта философия четко сформулирована в дидактических материалах фонда: «Девочки и мальчики должны иметь возможность с радостью самостоятельно открывать для себя эту увлекательную область — математику» [Kettner-Bieraу: 3].

Задача системы — не обучить конкретным операциям, а сформировать «математическую картину мира» и математическую грамотность. Основное внимание уделяется развитию математического мышления, способности видеть математические закономерности в окружающем мире и решать практические проблемы с использованием математических представлений. Педагог обучен «заострять математический взгляд» [Kettner-Bieraу: 7], чтобы обнаруживать и использовать повседневные ситуации: узоры на одежде и

плитке, формы фруктов при нарезке, пропорции при смешивании красок, геометрию в песочнице (постройка замков с учетом симметрии и устойчивости), распределение порций за столом. При этом математика не выделяется в отдельный урок, а является интегрированной частью жизнедеятельности группы. Например, во время прогулки дети могут считать ступеньки, сравнивать высоту деревьев, находить симметричные объекты в природе. При подготовке к завтраку — делить порции на равные части, сервировать стол с учетом количества детей.

Игровая деятельность рассматривается как основной контекст обучения. Свободная и направляемая игра выступает главным двигателем развития. Строительство из кубиков (конструкторы, блоки Дьенеша) анализируется с точки зрения устойчивости, симметрии, пропорций. Сортировка пуговиц, ракушек или камешков по различным признакам (цвет, размер, форма, толщина) происходит в контексте сюжетно-ролевой игры («Магазин», «Клад»). Особое внимание уделяется играм на развитие пространственного мышления: ориентация в пространстве («холодно-горячо», «лабиринты»), составление карт-схем группы или участка, игры с зеркалами для понимания симметрии. Создание симметричных фигур (вырезание снежинок, рисование клякс, складывание салфеток) подается не как упражнение, а как естественная, содержательная и увлекательная деятельность ребенка [Kettner-Bierau: 26-49].

Целенаправленная поддержка визуального и пространственного восприятия занимает важное место в немецкой программе. Детально описывается развитие базовых сенсорных компетенций, напрямую влияющих на математические способности: зрительно-моторная координация, константность восприятия (понимание, что форма предмета не меняется при изменении его положения), фигура-фоновое различие, визуальное сложение и структурирование пространства. Для этого предлагаются конкретные игры и материалы: различные варианты игры «Мемори» (не только с картинками, но и с тактильными элементами), сортировка сложных объектов, паззлы, рамки-вкладыши, работа с лупами и проекциями [Kettner-Bierau: 18-19]. Особое внимание уделяется развитию тактильного восприятия с помощью работы с различными материалами и поверхностями.

Развитие метакогнитивных и речевых навыков является неотъемлемой частью математического образования. Детей постоянно побуждают описать свои действия, наблюдения, закономерности и гипотезы. Воспитатель задает открытые вопросы: «Что ты заметил?», «Почему эта башня упала, а эта стоит?», «Как ты это понял?», «Что будет, если мы поставим этот кубик сюда?» [Kettner-Bierau: 41-42]. Это развивает не только математическое, но и критическое мышление, умение аргументировать свою позицию и видеть причинно-следственные связи — прототип метакогнитивных умений. Дети учатся не только решать задачи, но и понимать, как они их решают, какие стратегии используют. Педагог выступает в роли сопровождающего обучения и ассистента. Его главные задачи — подготовить обогащенную среду, задать наводящий вопрос, предоставить нужный материал в нужный момент, наблюдать и документировать прогресс ребенка. Он избегает прямых инструкций и готовых ответов, провоцируя ребенка на самостоятельное поисковое поведение.

Российская методика формирования элементарных математических представлений имеет глубокие традиции, основанные на трудах классиков отечественной педагогики, и традиционно более ориентирована на систематизацию знаний и элементов прямой инструкции в рамках подготовки к школе. Теоретической основой российского подхода выступает культурно-историческая теория Л.С. Выготского, рассматривающая роль взрослого как носителя культуры и организатора обучения, которое ведет за собой развитие. Акцент делается на поэтапном, планомерном и последовательном формировании

математических представлений и умений по четко структурированной программе.

Российская методика формирования элементарных математических представлений имеет глубокие традиции, основанные на трудах классиков отечественной педагогики, и традиционно более ориентирована на систематизацию знаний и элементов прямой инструкции в рамках подготовки к школе. Современная российская практика формирования математических представлений развивается в Федеральном государственном образовательном стандарте дошкольного образования. и реализуется через такие программы, как «От рождения до школы». Ключевыми особенностями современного российского подхода являются:

- сочетание структурированных занятий с проектной и исследовательской деятельностью;
- создание развивающей предметно-пространственной среды, стимулирующей познавательную активность;
- интеграция математического содержания в различные виды детской деятельности;
- использование современных УМК («Играпочка», «Мате: плюс») [Петерсон].

Обучение направлено на достижение конкретных образовательных результатов, зафиксированных в Федеральном государственном образовательном стандарте дошкольного образования. В отличие от немецкого подхода, где акцент делается на процессе познания, в российской системе определены целевые ориентиры на этапе завершения дошкольного образования. Занятия по ФЭМП являются основной организационной формой в российском подходе. Это специально организованная, регламентированная по времени совместная деятельность педагога с группой детей по заранее намеченному конспекту, имеющему четкую структуру: организационный момент, мотивация, основная часть, физкультминутка, закрепление, рефлексия. Последовательность занятий выстроена по принципу от простого к сложному с обязательным повторением и закреплением пройденного материала [Щербакова: 34-67].

Дидактические игры и упражнения с четкими правилами широко применяются в российской практике, но часто они носят более целенаправленный и управляемый взрослым характер, чем спонтанная игра в немецкой модели. Это игры типа «Чудесный мешочек» (на узнавание фигур на ощупь), «Найди пару», «Что изменилось?», «Найди отличия», «Продолжи последовательность». Эти игры являются эффективным инструментом для отработки и закрепления конкретных умений. Они обычно проводятся как часть занятия и имеют четкие правила и ожидаемый результат. Воспитатель активно направляет игру, следит за соблюдением правил, корректирует действия детей [Михайлова: 78-95].

Активное использование знаково-символических средств является особенностью российского подхода. Для развития логического мышления и подготовки к абстракции применяются наглядные модели, схемы, алгоритмы, таблицы (например, при решении простых логических задач, классификации объектов или знакомстве с составом числа). Это наследие теории поэтапного формирования умственных действий П.Я. Гальперина. Дети учатся работать с математическими символами, схемами, моделями, что готовит их к усвоению более сложных математических понятий в школе.

Интеграция с другими видами деятельности часто происходит через художественную литературу. Стихи, сказки, рассказы с математическим содержанием (С. Маршак, К. Чуковский, С. Михалков), а также специальные «математические» сказки используются для создания мотивации, введения и обыгрывания понятий («Три медведя» — величина, «Двенадцать месяцев» — время, «Колобок» — счет и последовательность). Также математическое содержание интегрируется в изобразительную деятельность (рисование орнаментов, лепка геометрических тел), конструирование, физическое воспитание

(ориентировка в пространстве, счет при выполнении упражнений).

Педагог выступает в традиционной роли организатора, руководителя и источника знаний. Он ставит задачи, объясняет правила игры, демонстрирует образцы действий, контролирует правильность выполнения и оценивает результат. Его активность и руководящая роль значительно выше, чем у немецкого коллеги. Критерием эффективности работы педагога является достижение детьми планируемых образовательных результатов: усвоение определенных понятий, овладение конкретными умениями и навыками. Диагностика результатов обычно проводится с помощью специальных заданий и тестов.

Проведенный анализ подходов к ФЭМП в Германии и России позволяет выявить как точки соприкосновения между ними, обусловленные общими закономерностями детского развития, так и существенные различия, проистекающие из культурно-педагогических парадигм:

- Признание абсолютной важности игровой деятельности: и в Германии, и в России игра является ведущим методом обучения дошкольников. Оба подхода признают игру основной формой познания мира ребенком.

- Опора на наглядность и практический опыт: оба подхода учитывают важность манипулирования предметами, сенсорного опыта и работы с дидактическими материалами. Абстракция строится на основе конкретных действий.

- Внимание к развитию пространственного мышления: ориентация в пространстве (на себе, от себя, на плоскости), опознание и анализ геометрических форм являются ключевыми, обязательными разделами программ в обеих странах [Kettner-Bierau]; [2].

- Ориентация на поддержку индивидуального развития ребенка: несмотря на разницу в методах, современные практики в обеих странах декларируют необходимость учета индивидуального темпа и особенностей развития ребенка.

- Роль взрослого как ключевое различие. В немецкой модели педагог — сопровождающий, создатель среды и провокатор вопросов. В российской модели педагог — организатор, руководитель и непосредственный источник знаний, «ведущий» за собой детей.

Ниже представлена сводная таблица немецкого и российского подходов к ФЭМП в их сравнении.

Таблица 1

Сравнительная характеристика подходов к ФЭМП в Германии и России (составлено автором)

Критерий сравнения	Немецкий подход	Российский подход
Теоретическая основа	Конструктивизм (Пиаже)	Культурно-историческая теория (Выготский)
Цель обучения	Формирование математической картины мира	Достижение целевых ориентиров ФГОС ДО
Роль педагога	Создатель среды, фасилитатор	Организатор, руководитель обучения
Основные формы	Интегрированная деятельность, свободная игра	Занятия, дидактические игры, проектная деятельность
Систематизация	Гибкая, зависит от интересов ребенка	Последовательная, от простого к сложному

Кроме того, в немецком и российском подходах проявляются различия в следующих аспектах.

1. Структурированность и системность: российский подход высокосистематизирован и последователен в подаче материала (от простого к сложному, по тематическим блокам). Немецкий подход гораздо более гибок, интегрирован и отталкивается от спонтанных интересов детей и ситуаций, возникающих в группе. Математика «вплетена» в другие виды деятельности.

2. Соотношение процесса и результата: в Германии основной акцент делается на качестве процесса познания, поддержке исследовательской инициативы и развитии (любознательность, умение задавать вопросы). В России, в силу сильной ориентации на преемственность со школой, более выражено ожидание конкретного результата (ребенок должен знать цифры, счет до 10 и т.д.) к определенному возрасту, что зафиксировано в ФГОС ДО в виде целевых ориентиров.

3. Оценка и диагностика: в немецкой практике диагностика часто представляет собой наблюдение и портфолио достижений ребенка в ходе естественной деятельности. В российской практике чаще используются специальные диагностические задания и пробы для выявления уровня усвоения программы.

Проведённый анализ подходов позволяет предложить возможную модель будущего, которая могла бы сочетать следующие аспекты:

- системность и четкое понимание ориентиров развития (российская традиция);
- гибкость, ориентацию на интерес ребенка и интеграцию математики в повседневность (немецкая традиция);
- культуру задавания открытых вопросов и поддержку исследовательской инициативы (немецкий подход) в рамках структурированной среды и четкого планирования (российский подход);
- использование дидактических игр для отработки навыков (российский подход) и акцент на свободной игре как основном контексте для открытых (немецкий подход).

Такой интегративный подход позволит сделать процесс математического развития дошкольников более естественным, радостным, личностно-значимым и, как следствие, максимально эффективным для формирования не только конкретных умений, но и подлинной математической грамотности и любви к познанию.

* * * * *

Проведенный сравнительный анализ наглядно демонстрирует, что как немецкий, так и российский подходы к обучению математике в детском саду обладают своими уникальными преимуществами, отражающими глубинные культурные и философские установки. Немецкий опыт с его акцентом на самостоятельное исследование, интеграцию математики в повседневную жизнь, развитие метакогнитивных и социально-личностных навыков (критическое мышление, инициативность, работа в группе) представляет огромный практический интерес для современной российской системы образования, стремящейся соответствовать вызовам времени. Российская система, в свою очередь, предлагает хорошо структурированную, методологически выверенную и эффективную методику, обеспечивающую надежную фундаментальную подготовку к системному школьному обучению. Глубокие научные традиции и отработанные методики являются стороной российского подхода.

Примечания

¹ Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования: утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 17 октября 2013 г. № 1155.

² Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования. Пункт 2.6.

Список литературы

Михайлова З.А. Математика от трех до семи: Учебно-методическое пособие для воспитателей детских садов / З.А. Михайлова, Э.Н. Иоффе. Санкт-Петербург: Детство-Пресс, 2009. 176 с.

От рождения до школы. Примерная основная образовательная программа дошкольного образования / под ред. Н.Е. Вераксы, Т.С. Комаровой, М.А. Васильевой. Москва: Мозаика-Синтез, 2022. 672 с.

Петерсон Л.Г. Играюшка. Практический курс математики для дошкольников / Л.Г. Петерсон, Е.Е. Кочемасова. Москва: Ювента, 2021. 128 с.

Сидоренко В.В. Развитие математических представлений у дошкольников в контексте STEAM-подхода // Дошкольное воспитание. 2021. № 5. С. 12-19.

Щербакова Е.И. Методика обучения математике в детском саду: Учеб. пособие. Москва: Академия, 1998. 272 с.

Barro K. Mathematikunterricht: Unterrichtstechniken und -methoden / K. Barro, N. Hungerbühler, U. Manz. Zürich: ETH, 2016. 16 s.

Lipowsky F. Unterricht // Pädagogische Psychologie. Luxemburg: Springer, 2009. S. 73-102.

Mathematik in Raum und Form entdecken / A. Kettner-Bierau, A.-L. Geyssel, S. Kademann, K. Weber. Berlin: Haus der kleinen Forscher, 2014. 63 s.

Emma V. DEMENTYEVA

bachelor's degree, Yelets State Ivan Bunin University
(Yelets, Russia),
vergissmeinnicht@mail.ru

CULTIVATING MATHEMATICAL THINKING IN KINDERGARTEN: A COMPARATIVE ANALYSIS OF GERMAN AND RUSSIAN APPROACHES

Scientific adviser:

Elena N. Bakurova

Reviewer:

Svetlana I. Smirnova

Paper submitted on: 10/24/2025;

Accepted on: 12/15/2025;

Published online on: 12/15/2025.

Abstract. This article offers a comprehensive comparative analysis of methods for developing fundamental mathematical concepts in preschool children in Germany and Russia. It emphasizes methodological foundations, the teacher's role, organizational formats of instruction, and the practical application of various approaches. The study highlights both common trends influenced by contemporary theories of child development and key differences rooted in the cultural, historical, and educational traditions of the two countries. Additionally, practical recommendations are provided for integrating the most effective elements of both approaches.

Keywords: preschool math education, comparative pedagogy, Germany, Russia, research activities, game technologies, fundamental mathematical concepts formation, teacher's role

For citation: Dementyeva, E. V. Cultivating Mathematical Thinking in Kindergarten: A Comparative Analysis of German and Russian Approaches. StudArctic Forum. 2025, 10 (4): 48–55.

References

- Mikhailova Z.A., Ioffe E.N. *Mathematics for children from three to seven: Teaching and learning guide for nursery school teachers*. St. Petersburg, Detstvo-Press, 2009, 176 p. (In Russ.)
- Veraksa N.E, Komarova T.S., et al., eds. *From birth to school. Sample basic educational program for preschool education*. Moscow, Mozaika-Sintez, 2022, 672 p. (In Russ.)
- Peterson L.G., Kochemasova E.E. *Igralochka. A practical course in mathematics for preschoolers*. Moscow, Uventa, 2021, 128 p. (In Russ.)
- Sidorenko V.V. Development of mathematical thinking in preschoolers within the context of the STEAM approach. *Preschool Education*, 2021, No. 5, pp. 12-19. (In Russ.)
- Shcherbakova E.I. *Methods of teaching mathematics in kindergarten: Textbook*. Moscow, Academia, 1998, 272 p. (In Russ.)
- Barro K., Hungerbühler N., et al. *Mathematikunterricht: Unterrichtstechniken und -methoden*. Zürich, ETH, 2016, 16 p.
- Lipowsky F. Unterricht. *Pädagogische Psychologie*. Luxemburg, Springer, 2009, pp. 73-102.
- Kettner-Bierau A., Geyssel A.-L., et al. *Mathematik in Raum und Form entdecken*. Berlin, Haus der kleinen Forscher, 2014, 63 p.

КАЗЬМИНА
Екатерина Денисовна

бакалавриат, Петрозаводский государственный
университет (Петрозаводск, Россия),
ekamina33@mail.ru

ПРИНЦИПЫ И ПРИЕМЫ СОЗДАНИЯ ПРОБЛЕМНОЙ СИТУАЦИИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Научный руководитель:

Шубина Наталья Сергеевна

Рецензент:

Дьячкова Ирина Николаевна

Статья поступила: 08.10.2025;

Принята к публикации: 15.12.2025;

Размещена в сети: 15.12.2025.

Аннотация. Статья посвящена принципам и приемам создания проблемной ситуации на уроках русского языка. Предлагается классификация проблемных ситуаций, выявленных в современных учебниках. Сделан вывод о наиболее эффективных типах проблемных ситуаций на основе анализа их особенностей. Представлены примеры в виде рисунков, схем, опорных конспектов и наводящих вопросов.

Ключевые слова: русский язык, методика преподавания, проблемное обучение, проблемная ситуация, приемы, принципы, классификация

Для цитирования: Казьмина Е. Д. Принципы и приемы создания проблемной ситуации на уроках русского языка // StudArctic Forum. 2025. Т. 10, № 4. С. 56–64.

Методологической основой ФГОС третьего поколения являются личностно-ориентированный и практико-ориентированный подходы. Это ведет к увеличению использования в обучении приемов и методов, направленных на формирование умений самостоятельно собирать информацию, выдвигать предположения, делать выводы и подводить итоги¹, многие педагогические технологии способствуют развитию ранее перечисленных навыков.

Вышеупомянутые подходы можно реализовать через проблемное обучение. Это система приемов, обеспечивающих целенаправленные действия учителя по организации мыслительной деятельности учащихся с помощью создания и решения проблемных ситуаций [Тимиркаева: 3]. Проблемная ситуация является главным составным компонентом в проблемном обучении, заключающаяся в создании затруднений, преодолевать которые ученик может с помощью собственной мыслительной активности.

Целью исследования является рассмотрение принципов и приемов создания проблемной ситуации на уроках русского языка. Для достижения цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) рассмотреть принципы, приемы создания и методику работы с проблемной ситуацией;
- 2) рассмотреть проблемные ситуации, которые представлены в учебниках по русскому языку для 5 класса, выполнить их выборку, классифицировать и критически оценить.

Актуальность рассматриваемой темы состоит в том, что понятие проблемной ситуации начали использовать в 1960–1970-х годах². А в связи с принятием Федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС – 2022) было активизировано

обсуждение и использование данного приема. Дискуссионных вопросов по применению интеллектуального затруднения достаточно много: от выбора термина и типологии до функций и способов введения в образовательный процесс.

При проведении исследования были использованы следующие методы: метод сплошной выборки, описательный и аналитический методы, классификация, обобщение.

* * * *

Проблемная ситуация является одним из центральных понятий проблемного обучения. Используя определения, представленные в «Педагогическом энциклопедическом словаре» (2006)³, в работах М.И. Махмутова [Махмутов: 193], Т.В. Казаковой⁴ и других исследователей, можно сказать, что проблемная ситуация – это интеллектуальное затруднение, порождающее познавательную потребность в результате невозможности ответить на вопрос с помощью уже имеющихся знаний, используя привычные способы действий. Обычно она применяется в начале урока для самостоятельного формулирования учащимися изучаемой темы, в некоторых случаях – для построения плана решения проблемного вопроса путем догадки и наблюдения.

В работе выполнен анализ проблемных ситуаций, которые представлены в учебниках по русскому языку для 5-го класса. Для поиска использовался учебно-методический комплекс (УМК) под редакцией Т.А. Ладыженской⁵. Важно отметить, что в учебнике не используется термин «проблемная ситуация», за неё принят материал для самостоятельных наблюдений, который представлен в зелёных рамках. Всего было выявлено 118 изучаемых контекстов. В 79 темах (всего 162) отсутствует интересующий нас материал.

Выявленные проблемные ситуации можно представить в следующей классификации:

- 1) наблюдение над языковым материалом (72 проблемных ситуаций);
- 2) анализ иллюстраций (15);
- 3) вопросы для повторения ранее изученного материала (8);
- 4) наводящие вопросы, направленные на усвоение или изучение нового материала (7);
- 5) опорный конспект или схема (6);
- 6) соотнесение с реальностью/ оживление личных впечатлений (5);
- 7) наблюдение над данными, представленными в таблице (5).

На рисунке 1 представлена одна из проблемных ситуаций, которая была отнесена к первому типу – наблюдение над языковым материалом. Это самая многочисленная группа (72 проблемных ситуаций). Данный пункт классификации имеет подгруппы: наблюдение над звуками (6), над словами (25), над словосочетаниями (2), над предложениями (13), над прозаическими текстами (13), над стихотворениями (14).

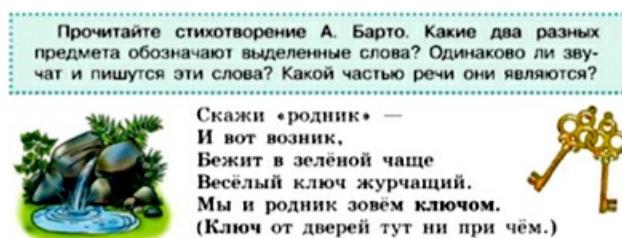

Рис. 1. Проблемная ситуация № 1⁶

Рисунок 1 иллюстрирует проблемную ситуацию, соответствующую теме «Омонимы». Благодаря стихотворению учащиеся смогут познакомиться со словами, звучащими и пишущимися одинаково, но имеющими разные значения. Кроме того, для упрощения задачи стихотворение сопровождается иллюстрациями, позволяющими лучше осознать понятие.

Используя данную проблемную ситуацию, учитель сможет помочь учащимся совершить «научное открытие» (сформулировать определение и особенности термина «омонимы»).

Стихотворение С. Есенина «Береза», представленное на рисунке 2, служит источником для создания проблемной ситуации для темы «Имя прилагательное»; наводящие вопросы позволяют вспомнить значение, синтаксическую роль, а также вопросы, на которые отвечает интересующая нас часть речи. Кроме того, задание в учебнике предлагает доказать учащимся, что текст является художественным, что позволит ученикам развить не только умение отстаивать свою точку зрения, но и способность формулировать связные предложения, выражать свои мысли.

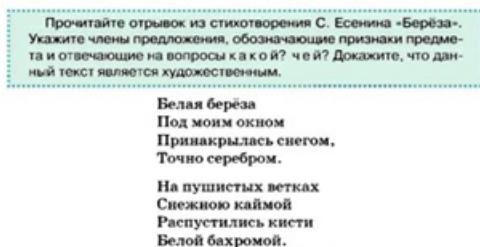

Рис. 2. Проблемная ситуация № 2⁷

Второй пункт классификации – иллюстрации для наблюдений. Такой способ введения в тему направлен на актуализацию зрительного восприятия изучаемого материала, что особенно важно для учащихся 5-х классов. Всего найдено 16 примеров. Отличительная особенность иллюстраций, представленных в учебнике, заключается в красочности, детальности и многозадачности.

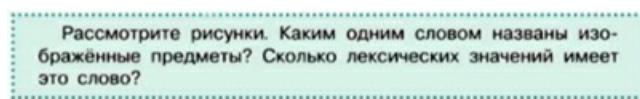

Рис. 3. Проблемная ситуация № 3⁸

Проблемная ситуация, представленная на рисунке 3, поможет учащимся совершить «научное открытие» – определить, какие слова являются многозначными, отметить сходство предметов. Она отлично подводит к теме, с которой учащиеся будут знакомиться на уроке.

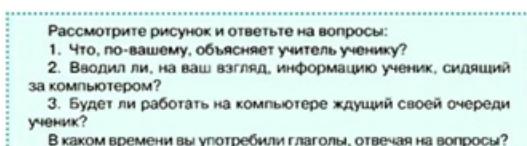

Рис. 4. Проблемная ситуация № 4⁹

Рисунок 4 можно назвать «репетицией» перед описанием картины, поскольку

приведенные в рамочке вопросы требуют развернутого ответа, а также фантазии учащихся. Данная проблемная ситуация соединяет в себе два пункта предложенной нами классификации (иллюстрация + наводящие вопросы). Данное затруднение позволяет ввести в урок развитие речи.

Третьим пунктом разработанной классификации являются вопросы, направленные на повторение ранее изученного. Всего их встретилось 8. Например: «Какие члены предложения называются главными? Почему их так назвали?»¹⁰ Данный тип направлен на актуализацию уже полученной информации, что способствует улучшению памяти, дает возможность совершенствовать умение строить связный текст. Учащиеся смогут проверить свою компетентность, выявить пробелы в знаниях, понять, на какой материал необходимо обратить внимание, чтобы усвоить следующую тему. Минусами таких заданий является отсутствие примеров, поверхностное изучение материала, риск неверной формулировки вопросов, которые могут ввести в заблуждение учеников.

Четвертым пунктом в созданной классификации являются наводящие вопросы, направленные на усвоение или изучение нового материала, их встретилось 7. Например: «Сравните количество звуков (гласных и согласных) и количество букв в русском языке. Одинаково ли оно? Почему? Как обозначается мягкость согласных на письме? Приведите примеры, когда произношение гласных и согласных звуков расходится с их обозначением на письме»¹¹.

Как и в предыдущем случае, использование проблемных ситуаций способствуют развитию мышления. Рассматриваемая единица повышает вовлеченность учащихся в учебный процесс, увеличивает интерес к лингвистическим явлениям, что улучшает усвоение нового материала, так как вопросы помогают легче запоминать правила и способствуют более глубокой проработке информации. Также подобные проблемные ситуации развивают критическое мышление: ученикам предоставляется возможность рассмотреть разные точки зрения, а также аргументы к ним. Однако следует отметить, что учащиеся очень зависимы от формулировок, это может мешать самостоятельному поиску информации. Есть риск неполного раскрытия тематики (стремление к точным ответам может привести к игнорированию важных аспектов изучаемой темы). Кроме того, данный тип проблемных ситуаций скучен и прост (иногда в учебнике представлена готовая информация, с которой ученикам следует ознакомиться самостоятельно). Подобный способ изучения нового материала не является продуктивным.

В учебнике по русскому языку под редакцией Т.А. Ладыженской встретились проблемные ситуации, представленные в виде опорного конспекта либо схемы, их найдено 6. На рисунке 5 изображена схема, позволяющая создать проблемную ситуацию, которая соответствует теме «Текст и его основные признаки». Данную схему следует переписать в тетрадь, поскольку она поможет запомнить виды текста с опорой на ключевые понятия. Такая форма работы учит детей работать с информацией, представленной в учебнике, отвечать на заданные вопросы, самостоятельно формулировать полные предложения.

На какие вопросы отвечают слова каждой группы? Что можно делать с текстом? Какие бывают тексты?

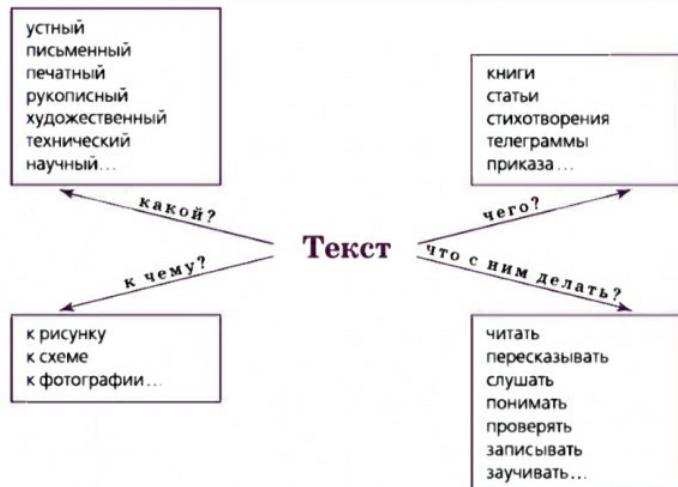

Рис. 5. Проблемная ситуация № 5 [12](#)

На рисунке 6 представлена проблемная ситуация, посвященная теме «Раздельное и слитное написание предлогов со словами». Данная схема позволит лучше запомнить правописание предлогов из-под, из-за, а также их употребление с родительным падежом, предотвратит возможные ошибки при использовании в тексте этой части речи. Следует отметить, что эта проблемная ситуация расположена в середине параграфа, таким образом авторы акцентируют внимание детей на правописании перечисленных предлогов (в начале дается правило для заучивания, в котором упоминается, что рассматриваемая часть речи пишется со словами раздельно, а также что между ними можно «вставить другое слово», после, используя приведенную схему, учащиеся ответят на вопросы и отметят важную информацию в тетради для лучшего запоминания).

С каким падежом имён существительных употребляются предлоги из-под, из-за? Как они пишутся?

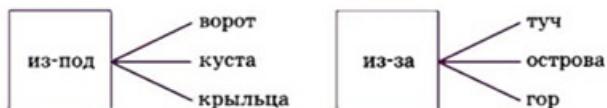

Рис. 6. Проблемная ситуация № 6 [13](#)

На рисунке 7 представлена проблемная ситуация, соответствующая теме «Предложение и его признаки». Необходимо рассмотреть схемы и определить, основа каких предложений состоит из двух главных членов (подлежащего и сказуемого), а каких – из одного (подлежащего или сказуемого). Эта проблемная ситуация позволит учителю подвести учащихся к определению такой характеристики предложения, как одно-/двусоставность, с помощью неё ребята смогут самостоятельно вывести термины, которые запомнятся значительно лучше, чем если бы их дал учитель. Следует отметить, что данная проблемная ситуация расположена в середине параграфа. Это сделано для того, чтобы на протяжении всего урока дети смогли отмечать в конспекте характерные признаки предложения (после даются сведения о видах грамматических основ), актуализировать знания, полученные в начальной школе.

Рассмотрите схемы и определите, основа каких предложений состоит из двух главных членов (подлежащего и сказуемого), а каких — из одного (подлежащего или сказуемого).

Рис. 7. Проблемная ситуация № 7¹⁴

Следующим пунктом являются проблемные ситуации, посвященные оживлению личных впечатлений. В анализируемых учебниках по русскому языку под редакцией Т.А. Ладыженской встретилось 5 таких примеров.

Назовите предметы, которые вы видите или видели в классе, в школе, дома, на улице, в лесу. Какой частью речи являются слова, которыми вы назвали эти предметы? Какие слова отвечают на вопрос **кто?, а какие — на вопрос **что?****

Рис. 8. Проблемная ситуация № 8¹⁵

Эта проблемная ситуация посвящена теме «Имя существительное». Она актуализирует и позволяет вспомнить основные особенности изучаемой части речи: значение, вопросы, одушевлённость / неодушевлённость, примеры, которые следует приводить при рассмотрении вопроса. Это облегчает понимание материала.

Какими бывают письма? Какие письма вы получали? Какие писали? Кому?

Письма бывают разные: деловые, дружеские, поздравительные, благодарственные, письма в газету.
Чаще всего мы пишем письма близким, знакомым, родным, чтобы поделиться своими мыслями, чувствами, переживаниями. Нам важно знать, как живёт наш собеседник, интересно знать его мнение о том, что нас волнует. В письмах мы советуем, утешаем, убеждаем, спорим, рассказываем о своих делах.

Рис. 9. Проблемная ситуация № 9¹⁶

На рисунке 9 приведена проблемная ситуация, соответствующая теме «Письмо». В процессе работы задаются следующие вопросы: «Какие бывают письма? Какие письма вы получали? Какие писали? Кому?», тем самым актуализируются знания учащихся, помимо этого, дети могут совершить «научное открытие», послушав ответы одноклассников. Чаще всего современные молодые люди не обмениваются бумажными письмами, следовательно, учитель может подчеркнуть важность данного процесса и, например, предложить написать небольшой текст на СВО либо своим друзьям, сестрам. Подобное задание не только заинтересует детей, но и натолкнет на исследование чего-то нового.

Заключительным пунктом предложенной нами классификации является представление проблемной ситуации в виде таблицы, в учебнике данный тип встречается 5 раз. Примеры указаны ниже.

Рассмотрите таблицу. Выделите корни в словах. Какие гласные в них чередуются?
Сформулируйте правило.

В безударном положении <i>a</i>	Под ударением <i>o, a</i>
заря́	зóри
озарять	зóрька
зарн́ица	зáрево,
озарённый	лучезáрный

Когда в безударном корне **-раст-** — **-ращ-** — **-рос-** пишется гласная **а**, а когда — **о**? Обратите внимание на выделенные буквы.

	· <i>раст</i> ·	· <i>ращ</i> ·	· <i>рос</i> ·
ра	С T	и	выра
выра	и	вара	еиный
ра	ение	и	подросла
ра	ительный	енний	выросла
			заросли
			водоросли

Рис. 10. Проблемная ситуация № 10

Рис. 11. Проблемная ситуация № 11¹⁷

Проблемные ситуации на рисунках 10 и 11 позволяют не только подвести к теме урока, но и совершить «научное открытие» – сформулировать правило, которое после следует записать в конспект (можно в том же виде, в котором оно представлено в учебнике). Первая проблемная ситуация предлагается для темы «Буквы а // о в корне -зар- – -зор-», вторая – «Буквы а // о в корне -раст- – -ращ- – -рос-».

* * * * *

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в учебниках по русскому языку под редакцией Т.А. Ладыженской представлены разные типы проблемных ситуаций (оживление личных впечатлений, опорный конспект, схема, наводящие вопросы, наблюдение над языковым материалом, иллюстрации). Некоторые из них направлены только на актуализацию знаний, что является подготовкой к восприятию нового материала, другие же позволяют самостоятельно совершить «научное открытие» – выявить признаки нового понятия, сформулировать определение лингвистического термина (существительное) или правило («буквы а // о в корне -раст- - ращ- -рос-»).

Отметим, что вопросы в составе проблемной ситуации, сопровождаемые иллюстрациями, таблицами, опорными схемами и языковым материалом, являются более удачными, так как позволяют привлечь внимание учащихся, задействовав разные виды восприятия, памяти и мышления. Вопросы же без сопровождения менее эффективны.

Для успешного создания проблемной ситуации на уроке учителю необходимо учитывать много факторов: уровень подготовки класса, возрастные особенности школьников и др., также преподавателю важно познакомиться со структурой, классификацией проблемных ситуаций и их особенностями. В результате применения методов проблемного обучения повышается активность учащихся: они мотивированы на изучение нового материала и самостоятельное формулирование выводов.

Примечания

¹ Рехлова Е.В. Создание проблемной ситуации как средство формирования универсальных учебных действий // Учебно-методические комплексы для учителей школ: инф. сайт. 2010–2020. URL: <https://school.umk-spo.biz/articles/mo-nashkl/uroki/sozd-probsit> (дата обращения: 09.10.2024).

² Лернер И.Я. Проблемное обучение. Москва: Знание, 1974. 64 с.; Махмутов М.И. Организация проблемного обучения в школе. Книга для учителей. Москва: Просвещение, 1977. 240 с.; Оконь В. Основы проблемного обучения. Пер. с польск. Москва: Просвещение, 1968. 208 с.

³ Проблемная ситуация // Словари и энциклопедии на Академике: инф. сайт. 2000–2025. URL: https://pedagogical_dictionary.academic.ru/2592/Проблемная_ситуация (дата обращения: 15.11.2024).

⁴ Казакова Т.В. Проблемные ситуации на уроках русского языка как средство развития учебно-познавательной активности младшего школьников // Инфоурок: инф. сайт. 2011–2025. URL: <https://infourok.ru/problemnie-situacii-na-urokah-russkogo-yazika-kak-sredstvo-razvitiya->

⁵ Русский язык: 5-й класс: учебник: в 2 ч. / Т.А. Ладыженская, М.Т. Баранов, Л.А. Тростенцова, и др. 5-е изд., перераб. Москва: Просвещение, 2023. Ч. 1. 240 с.; То же. Ч. 2. 271 с.

⁶ Русский язык: 5-й класс: учебник. Ч. 1. С. 147. В дальнейшем в тексте указываются лишь страницы анализируемого учебника.

⁷ Русский язык: 5-й класс: учебник. Ч.2. С. 183.

⁸ Русский язык: 5-й класс: учебник. Ч. 1. С. 140-141.

⁹ Русский язык: 5-й класс: учебник. Ч.2. С. 120.

¹⁰ Русский язык: 5-й класс: учебник. Ч. 1. С. 29.

¹¹ Там же. С. 10.

¹² Там же. С. 56.

¹³ Там же. С. 132.

¹⁴ Русский язык: 5-й класс: учебник. Ч.2. С. 165.

¹⁵ Русский язык: 5-й класс: учебник. Ч. 1. С. 20.

¹⁶ Русский язык: 5-й класс: учебник. Ч.2. С. 202-203.

¹⁷ Там же. С. 65, 66-67.

Список литературы

Бакай Д.В. Проблемное обучение в школе на уроках русского языка // Наука и образование: тенденции, проблемы и перспективы развития: Сб. мат-лов III Всеросс. научно-практ. конф. студентов и молодых ученых (Железногорск, 18-19 мая 2021 г.). Ставрополь: ИП Тимченко, 2021. С. 318-321.

Борискова В.Ю. Использование технологии проблемного обучения на уроках русского языка // Сборник трудов международной молодежной школы "Инженерия - XXI" (Новороссийск, 21-22 апреля 2023 г.). Новороссийск: БелГТУ им. В.Г. Шухова, 2023. С. 119.

Махмутов М.И. Избранные труды: В 7 т. Казань: Магариф-Вакыт, 2016. Т. 1: Проблемное обучение: Основные вопросы теории / Сост. Д.М. Шакирова. 421 с.

Перова Т.Ю. К вопросу о профессионально-методической подготовке учителя русского языка в контексте современного образования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 11-2. С. 189-191.

Смирнов В.Ю. Диадактические возможности по русскому языку для формирования познавательных универсальных учебных действий // Вестник Марийского государственного университета. 2018. № 3. С. 91-97. DOI: 10.30914/2072-6783-2018-12-3-91-97

Тимиркаева А.В. Технология проблемного обучения // StudNet. 2021. № 1. С. 1-5.

Тургунбаева Н.Х. Технология проблемного обучения на уроках русского языка // Язык. Общество. Медицина: Сб. мат-лов XXIII Республ. студ. конф. (Гродно, 23 ноября 2023 г.). Гродно: Гродненский государственный медицинский университет, 2023. С. 313-315.

Ekaterina D. KAZMINA

bachelor's degree, Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia),
ekamina33@mail.ru

PRINCIPLES AND TECHNIQUES FOR GENERATING PROBLEM-BASED SCENARIOS FOR RUSSIAN LANGUAGE CLASSES

Scientific adviser:

Natalya S. Shubina

Reviewer:

Irina N. Diachkova

Paper submitted on: 10/08/2025;

Accepted on: 12/15/2025;

Published online on: 12/15/2025.

Abstract. This article examines the principles and techniques involved in creating problem-based scenarios during Russian language lessons. It presents a classification of problem situations as outlined in contemporary textbooks. Based on an analysis of their characteristics, the study concludes which types of problem-based scenarios are most effective. The article includes examples presented through diagrams, charts, reference notes, and guiding questions.

Keywords: Russian language, teaching methods, problem-based learning, problem-based scenario, techniques, principles, classification

For citation: Kazmina, E. D. Principles and Techniques for Generating Problem-Based Scenarios for Russian Language Classes. *StudArctic Forum*. 2025, 10 (4): 56–64.

References

- Bakay D.V. Problem-based learning at school during Russian language lessons. *Science and education trends, problems, and prospects of development: Proceedings of the III all-Russian scientific and practical conference of students and young researchers (Zheleznovodsk, May 18-19, 2021)*. Stavropol, IP Timchenko, 2021, pp. 318-321. (In Russ.)
- Boriskova V.Yu. Using problem-based learning technology during Russian language lessons. *Proceedings of the international school for young researchers "Engineering - XXI"* (Novorossiysk, April 21-22, 2023). Novorossiysk, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, 2023, p. 119. (In Russ.)
- Makhmutov, M.I. *Selected works*: In 7 vols. Vol. 1: Problem-based learning: Theoretical basics. Kazan, Magarif-Vakyt, 2016, 423 p. (In Russ.)
- Perova T. Yu. To the question of professional-methodological training of teachers of the Russian language in the context of modern education. *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*, 2015, No. 11-2, pp. 189-191. (In Russ.)
- Smirnov V. Yu. Didactic possibilities of Russian language textbooks for the formation of cognitive universal educational actions. *Vestnik of the Mari State University*, 2018, No. 3, pp. 91-97. DOI: 10.30914/2072-6783-2018-12-3-91-97 (In Russ.)
- Timirkayaeva A.V. Problem learning technology. *StudNet*, 2021, No. 1, pp. 1-5. (In Russ.)
- Turgunbayeva N.Kh. Technology of problem-based learning during Russian language lessons. *Language. Society. Medicine: Proceedings of the XXIII republican student conference (Grodno, November 23, 2023)*. Grodno, Grodno State Medical University, 2023, pp. 313-315. (In Russ.)

КАЛИНИНА
Полина Николаевна

бакалавриат, Петрозаводский государственный
университет (Петрозаводск, Россия),
kalinina-44-44@mail.ru

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ TASK-BASED LEARNING (TBL)

Научный руководитель:

Шеманаева Мария
Александровна

Рецензент:

Соколова Евгения Ивановна

Статья поступила: 19.11.2025;

Принята к публикации: 15.12.2025;

Размещена в сети: 15.12.2025.

Аннотация. Статья посвящена изучению подхода Task-Based Learning (TBL) в российской методике. Актуальность работы связана с отсутствием устоявшегося русскоязычного эквивалента TBL. Целью является анализ вариантов его перевода и оценка практического применения. Методы включают сравнительный анализ литературы и анкетирование. Несмотря на выявленную терминологическую путаницу, подход высоко востребован на практике, что доказывает необходимость унификации его названия для интеграции в отечественную систему образования.

Ключевые слова: иностранный язык, задачный подход, task-based learning, перевод, сопоставительный анализ, опрос, проблемное обучение, обучение на основе задач, задачно-ориентированный подход

Для цитирования: Калинина П. Н. Проблема определения понятия Task-Based Learning (TBL) // StudArctic Forum. 2025. Т. 10, № 4. С. 65–72.

В современной методике преподавания иностранных языков существует значительное разнообразие подходов к освоению английского языка. В процессе изучения педагогической методологии исследователь сталкивается с такими концепциями, как коммуникативный, личностно-ориентированный и аксиологический подходы.

Основы современных педагогических подходов были заложены в трудах выдающихся методистов. Так, Н.Е. Кузовлева и Е.И. Пассов определяют коммуникативный подход как методику, главной целью которой является подготовка к реальному общению на иностранном языке, обеспечивая учащихся необходимыми для этого средствами [Кузовлева: 98]. И.А. Зимняя в своих работах акцентирует внимание на личности ученика [Зимняя: 40]. Её личностно-ориентированный подход представляет собой синтез личности и деятельности, где уникальность учащегося приоритетнее усвоения информации. Цель подхода — развить механизмы самореализации и адаптации через учёт всех индивидуальных особенностей. Сходные ценности лежат в основе аксиологического подхода И.А. Зимней, где ученик считается высшей ценностью [Зимняя: 45]. В соответствии с этим, весь образовательный процесс строится вокруг его потребностей и развития, делая личность центральным элементом системы образования.

Тем не менее, в научной литературе все чаще фигурирует подход, известный как Task-Based Learning (далее — TBL). В настоящее время данный подход утвердился в качестве одного из наиболее эффективных и получил широкое распространение в педагогической практике. Проведенный анализ школьного учебника «Starlight» за 10 класс показал, что в каждом модуле присутствует задание на основе TBL [Баранова: 27].

Более того, данной проблематике уделяется значительное внимание в научной литературе (рис. 1).

Рис. 1. Статистические данные о количестве научных публикаций с 2021 по 2025 гг.

Д. Нунэн определяет TBL как подход, в рамках которого обучающиеся выполняют задания, стимулирующие коммуникативную активность [Нунэн: 13]. Указанный подход ориентирован в первую очередь на решение задач, связанных со смысловым содержанием высказывания, а не с его грамматическим оформлением. Д. Уилс утверждает, что сложность задач имеет решающее значение для эффективного усвоения языка, поскольку требует от учащихся осмысленного общения и решения проблем [Уилс: 70].

Одним из первых исследователей, определивших семантику понятия «task» в контексте TBL, стал М. Лонг. В своей работе «Second Language Acquisition and Task-Based Language Teaching» он характеризует задачу (task) как элемент повседневной, рутинной деятельности [Лонг: 6]. В этом заключается аутентичность подхода: фрагменты реальных жизненных ситуаций переносятся в учебный процесс, что позволяет достичь главной цели обучения иностранному языку. Согласно ФГОС, основанному на компетентностном подходе, этой целью является формирование иноязычной коммуникативной компетенции (ИКК), то есть развитие у школьников способности и готовности к межкультурному взаимодействию с носителями языка¹ [Васильева: 131]. С точки зрения компетентностного подхода, концепция TBL идеально соответствует данной задаче, поскольку ее аутентичная природа способствует развитию спонтанной речи, ставя учащихся перед необходимостью осуществить реальный коммуникативный акт. Однако, несмотря на широкое распространение данного подхода, в русскоязычном научном сообществе до сих пор нет единого эквивалента TBL. Многозначность этой концепции приводит к вариативности интерпретации.

Актуальность исследования обусловлена терминологической неоднозначностью перевода методики TBL, что затрудняет её теоретическое осмысление и практическое применение. Данное исследование вносит вклад в решение этой проблемы, предлагая вариант перевода через анкетирование и демонстрируя его востребованность в учебном процессе. Целью проведённого анализа является выявление существующих вариантов перевода методического термина TBL на русский язык и определение наиболее адекватного из них на основе анкетирования студентов старших курсов языковых направлений.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи:

- 1) проанализировать научную литературу с целью выявления существующих вариантов перевода термина TBL на русский язык;
- 2) провести анкетирование среди студентов старших курсов для определения наиболее узнаваемого, точного и адекватного варианта перевода;
- 3) выяснить частотность использования методики TBL в практике преподавания иностранного языка, а также оценить отношение к ней студентов.

* * * * *

Обзор литературы. Как уже отмечалось, в русскоязычной методической литературе данный термин ещё не получил однозначного толкования, и современные исследователи не пришли к единому варианту перевода. Разные подходы к определению TBL создает прежде всего трудности для его теоретического осмысления, что в свою очередь влияет на практическую реализацию.

Анализ современных исследований показывает, что каждый из представленных вариантов перевода имеет свою сферу употребления и теоретическое обоснование. Так, в работах Ш.З. Салиевой последовательно используется термин «задачный подход», при этом автор особо подчеркивает потенциал данной концепции для развития критического мышления учащихся через решение проблемно-ориентированных задач [Салиева:20]. В то же время в исследованиях Л.И. Середы прочно закрепилось название «задачно-ориентированный подход», что отражает стремление автора акцентировать системный характер данного метода и его ориентацию на формирование комплексных компетенций [Середа: 44].

Среди распространенных вариантов перевода аббревиатуры TBL часто встречается «проблемное обучение». Несмотря на то, что слово «проблема» не является прямым соответствием, некоторые исследователи, например, А.А. Береснев и М.С. Бекирова, придерживаются именно этой трактовки [Береснев: 27]. Они определяют проблемное обучение как подход, в рамках которого участники решают некую проблему, не фокусируясь на усвоении конкретных фактов.

Другой, не менее распространенный вариант — «обучение на основе задач». Этот дословный перевод также широко используется в научной литературе. К примеру, Е.В. Пестова применяет данную трактовку, определяя подход как метод изучения иностранных языков [Пестова: 304]. Согласно ее определению, этот метод помогает обучаемому развивать навыки в смоделированной реальной ситуации, где устное общение необходимо для выполнения конкретной задачи.

Таким образом, на сегодняшний день варианты перевода существуют в следующих трактовках:

- обучение основанное на задачах [Пестова: 304],
- проблемное обучение [Береснев: 27],
- задачно-ориентированный подход [Середа: 44],
- задачный подход [Салиева: 20].

Проведенный анализ позволяет установить прямую корреляцию между выбором терминологического эквивалента для TBL и концептуальными акцентами исследователей. Так, например, использование варианта «задачный подход» характерно для работ, акцентирующих операционально-деятельностный аспект метода. В свою очередь, термин «задачно-ориентированный подход» доминирует в исследованиях, фокусирующихся на системной организации учебного процесса и его целевой направленности на формирование комплексных компетенций и т. д.

Материалы и методы. С целью выявления частотности употребления различных вариантов перевода требовался сравнительный анализ, для проведения которого был разработан специализированный опрос. В исследовании приняли участие 30 студентов 4 курса языковых направлений ПетрГУ. Инструментарий исследования (опросная форма) был размещён на платформе «Yandex Forms». Для обеспечения чистоты выборки перед началом опроса участникам были предоставлены определение термина TBL и соответствующие примеры упражнений. В опрос вошли следующие вопросы:

1. С каким из следующих русскоязычных терминов вы сталкивались в ходе учебы? (можно выбрать несколько вариантов)
2. Какой из предложенных вариантов перевода, на ваш взгляд, наиболее точно отражает суть подхода, где обучение происходит через выполнение практических, значимых

заданий (tasks)?

3. Почему вы выбрали именно этот вариант?
4. Насколько часто, по вашим ощущениям, ваши преподаватели используют элементы подхода, похожего на TBL (т.е. дают задания, фокус которых — на реальном результате, а не на отработке лексико-грамматических навыков)?
5. Хотели ли бы вы поработать/поработать больше с таким типом заданий?
6. Оцените по шкале от 1 до 5, насколько следующие виды заданий, характерные для TBL, полезны для вас лично (1 - совершенно бесполезно, 5 — очень полезно).

Результаты. На основании анализа данных опроса, направленного на изучение восприятия задачно-ориентированного подхода (Task-Based Learning), были получены следующие результаты: что касается терминологии, наиболее узнаваемым респондентами русскоязычным термином оказалось «проблемное обучение» (33 %), в то время как прямые аналоги, такие как «обучение на основе задач» и «задачный подход», не отмечались участниками как знакомые (рис. 2).

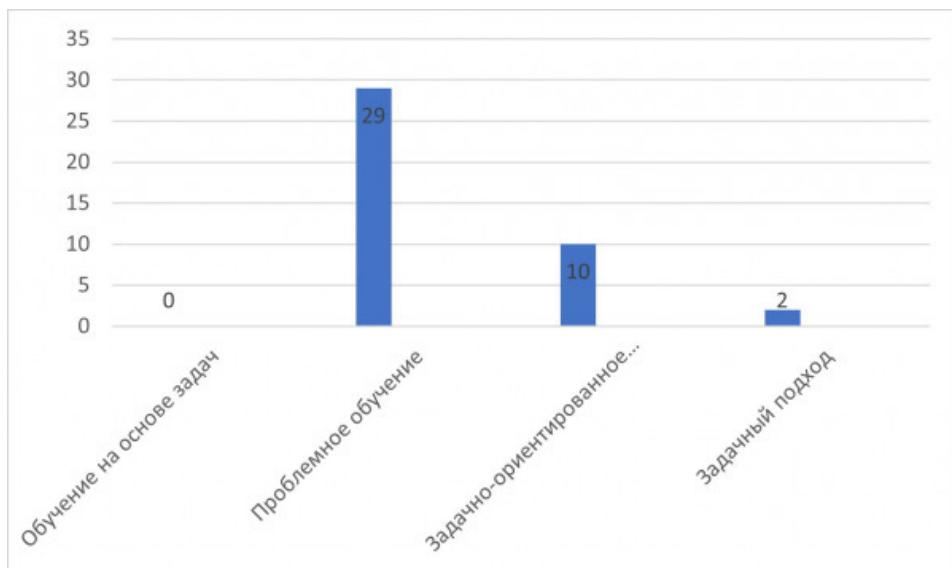

Рис. 2. Частотность встречаемости вариантов перевода термина TBL в выборке студентов ПетрГУ (здесь и далее составлено автором)

Однако при оценке адекватности перевода сути подхода именно вариант «задачно-ориентированное обучение» был признан наиболее точным (40 %) (рис. 3).

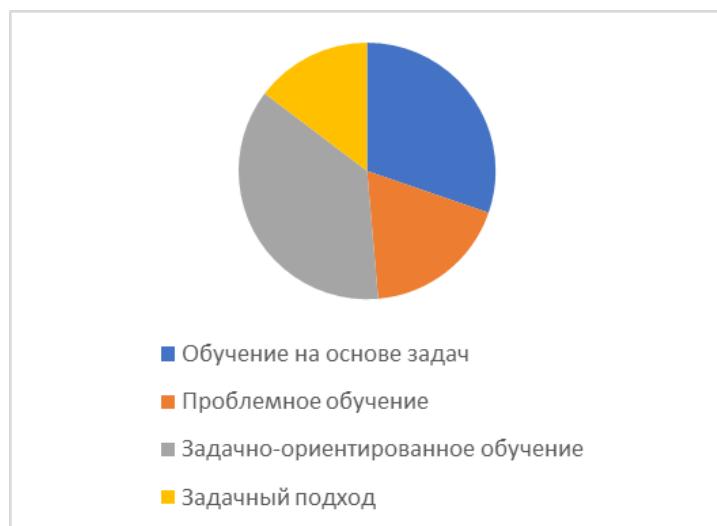

Рис. 3. Наиболее подходящий вариант перевода TBL по мнению студентов ПетрГУ (в процентах)

Качественный анализ открытых ответов показал, что данное предпочтение обосновывается его семантической точностью, прозрачностью и способностью передать процессуальный характер обучения через выполнение задач. Респонденты также подчеркнули, что данный вариант перевода является наиболее предпочтительным, поскольку он является дословным и отражает ключевую роль задач: именно они выступают катализатором учебных действий, и через них происходит процесс обучения.

Большинство респондентов (61 %) отметили, что их преподаватели временами используют элементы, схожие с задачно-ориентированным подходом, давая задания, сфокусированные на реальном результате (рис. 4).

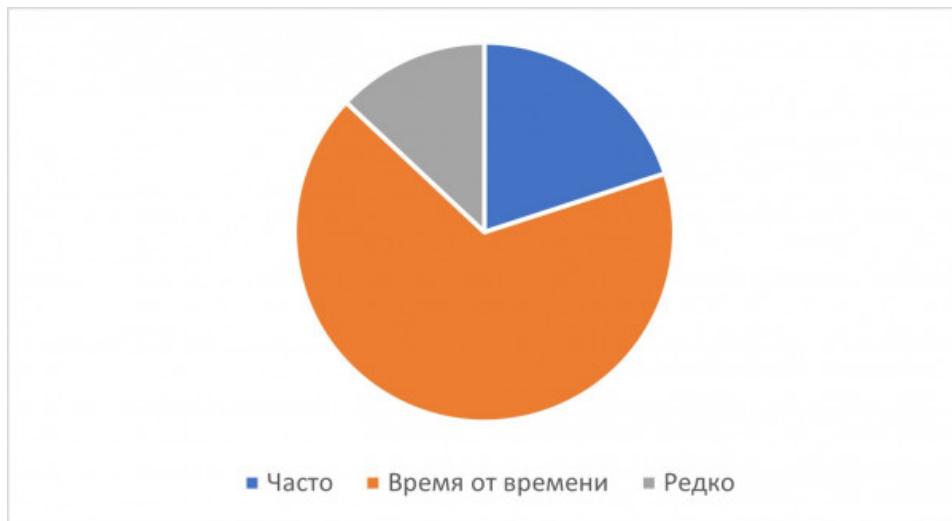

Рис. 4. Частотность использования подхода TBL у преподавателей ПетрГУ по мнению студентов (в процентах)

Это свидетельствует о распространённости практик, аналогичных TBL, в текущей образовательной среде. Подавляющее большинство участников (87 %) выразили желание работать или работать больше с таким типом заданий, что указывает на высокий уровень принятия и мотивации к данному методу обучения (рис. 5).

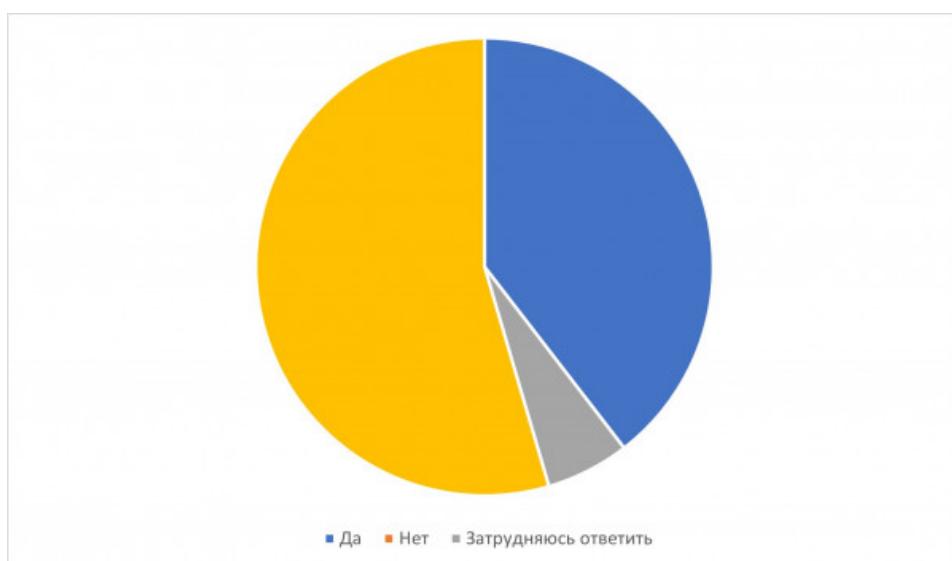

Рис. 5. Оценка желания использовать подход TBL у студентов ПетрГУ (в процентах)

Полезность заданий в формате TBL была оценена респондентами крайне высоко. По

5-балльной шкале (где 1 — минимальная полезность, 5 — максимальная) 73 % участников присвоили им наивысший балл, что свидетельствует о признании их значимости для личного образовательного процесса (рис. 6).

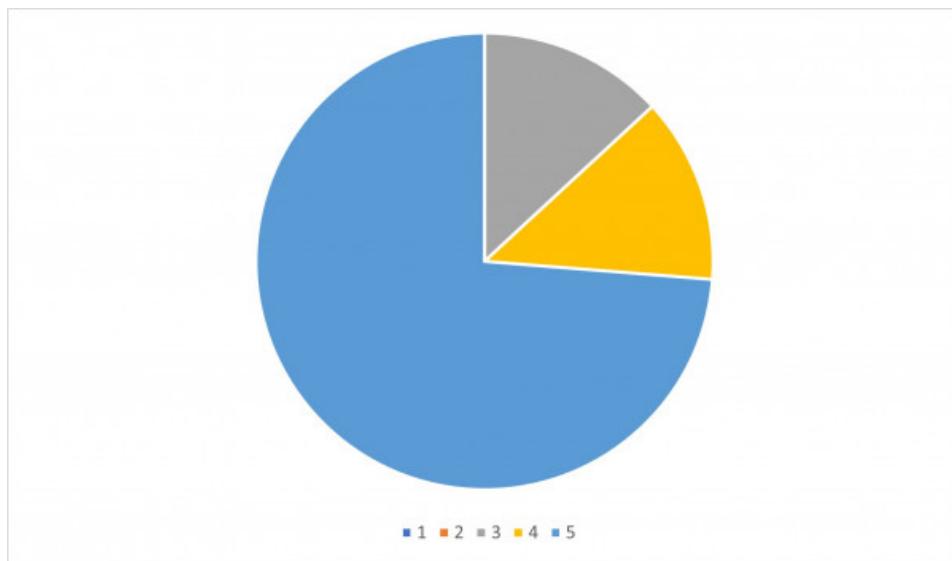

Рис. 6. Оценка полезности использования подхода TBL студентами ПетрГУ (в процентах)

* * * *

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что в современной российской методике отсутствует единый и устоявшийся подход к переводу и трактовке концепции Task-Based Learning (TBL), так как каждый автор подходит к трактовке данного подхода исходя из понимания его целевых ориентиров. Такая терминологическая неоднозначность создает существенные сложности для теоретического осмысления и последовательной практической реализации данного метода.

Однако эмпирическое исследование на уровне учебной практики демонстрирует иные результаты. Несмотря на терминологическую путаницу, сама суть TBL активно применяется в образовательном процессе. Данные опроса свидетельствуют о периодичности использования заданий, сфокусированных на реальном результате, а также о крайне позитивном восприятии их студентами. Подавляющее большинство респондентов не только отмечают высокую полезность таких заданий для формирования коммуникативных навыков, но и выражают явную мотивацию к их дальнейшему использованию.

Таким образом, налицо противоречие между неразработанностью терминологического аппарата в теории и успешной, востребованной реализацией принципов TBL на практике. Это указывает на необходимость дальнейшей работы по унификации терминологии и интеграции потенциала задачно-ориентированного подхода в структуру отечественной методики преподавания иностранных языков.

Примечания

¹ Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования: Приказ Минобрнауки России от 17 мая 2012 г. № 413 // КонсультантПлюс: инф. сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131131 (дата обращения: 17.11.2025).

Список литературы

- Баранова К.М. Звёздный английский. Учебник для 10 класса. Москва: Просвещение, 2019. 200 с.
Береснев А.А. Проблемное обучение на занятиях английского языка как способ формирования творческой активности и познавательных интересов личности / А.А. Береснев, М.С. Бекирова // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 76-2. С. 26-29.

Васильева Ю.С. Компетентностный подход в преподавании иностранных языков / Ю.С Васильева, Н.С. Швайкина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 4-1. С. 131-133. DOI: 10.24412/2500-1000-2021-4-1-131-133

Кузовлева Н.Е. Основы коммуникативной теории и технологии иноязычного образования: методическое пособие для преподавателей русского языка как иностранного / Н.Е. Кузовлева, Е.И. Пассов. Москва: Русский язык. Курсы, 2010. 568 с.

Пестова Е.В. Обучение профессионально-ориентированной иноязычной лексике на основе решения коммуникативных задач // Подготовка кадров для силовых структур: современные направления и образовательные технологии: Мат-лы XXVIII Всероссийской научно-методич. конференции (Иркутск, 25–26 февраля 2021 г.). Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. С. 304-307.

Салиева Ш.З. Задачный подход в обучении: теоретические основы и практическое применение // Инновационная наука. 2025. № 6-2. С. 19-21.

Середа Л.И. Технология задачно-ориентированного обучения иностранному языку (TBLT) в техническом вузе // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2022. № 6. С. 44-51.

Зимняя И.А. Педагогическая психология. Москва: Логос, 2004. 384 с.

Long M. Second language acquisition and task-based language teaching. John Wiley and Sons, 2014. 456 p.

Nunan D. Task-based language teaching. Cambridge University Press, 2004. 222 p.

Willis J. A framework for task-based learning. Intrinsic Books Ltd, 2021. 192 p.

Polina N. KALININA

bachelor's degree, Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia),
kalinina-44-44@mail.ru

THE CHALLENGE OF DEFINING TASK-BASED LEARNING (TBL)

Scientific adviser:

Maria A. Shemanayeva

Reviewer:

Evgenia I. Sokolova

Paper submitted on: 11/19/2025;

Accepted on: 12/15/2025;

Published online on: 12/15/2025.

Abstract. This article examines the application of the task-based learning (TBL) approach within the context of Russian language teaching methodology. The study is motivated by the absence of an established Russian-language equivalent for TBL. Its aim is to analyze existing translations of the term and to evaluate their practical application. The research employs a comparative literature analysis and a survey to gather data. Despite revealed terminological inconsistencies, the approach remains highly popular in practice, demonstrating the need to standardize its nomenclature for seamless integration into the national educational framework.

Keywords: foreign language, task-based approach, task-based learning, translation, comparative analysis, survey, problem-based learning, task-based learning, task-oriented approach

For citation: Kalinina, P. N. The Challenge of Defining Task-Based Learning (TBL). StudArctic Forum. 2025, 10 (4): 65–72.

References

- Baranova K.M., et al. *Starlight 10. Student's book for 10th grade*. Moscow, Prosveshchenie, 2019, 200 p. (In Russ.)
- Beresnev A.A., Bekirova M.S. Problem-based learning in English classes as a way of forming creative activity and cognitive interests of the individual. *Problems of Modern Pedagogical Education*, 2022, No. 76-2, pp. 26-29. (In Russ.)
- Vasilyeva Yu.S., Shvaikina N.S. Competence approach in teaching foreign languages. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2021, No. 4-1, pp. 131-133. DOI: 10.24412/2500-1000-2021-4-1-131-133 (In Russ.)
- Kuzovleva N.E., Passov E.I. *Fundamentals of communicative theory and technology of foreign language education: A methodological guide for teachers of Russian as a foreign language*. Moscow, Russkii jazyk. Kursy, 2010, 568 p. (In Russ.)
- Pestova E.V. Teaching professionally-oriented foreign language vocabulary based on solving communicative tasks. *Personnel training for law enforcement agencies: Contemporary directions and educational technologies: Proceedings of the XXVIII all-Russian research and practical conference (Irkutsk, February 25–26, 2021)*. Irkutsk, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2021, pp. 304-307. (In Russ.)
- Salieva Sh.Z. Task-based approach in education: Theoretical foundations and practical application. *Innovation Science*, 2025, No. 6-2, pp. 19-21. (In Russ.)
- Sereda L.I. Technology of task-based language teaching (TBLT) in the technical university. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2022, No. 6, pp. 44-51. (In Russ.)
- Zimnyaya I.A. *Pedagogical psychology*. Moscow, Logos, 2004. 384 p. (In Russ.)
- Long M. *Second language acquisition and task-based language teaching*. John Wiley and Sons, 2014, 456 p.
- Nunan D. *Task-based language teaching*. Cambridge University Press, 2004, 222 p.
- Willis J. *A framework for task-based learning*. Intrinsic Books Ltd, 2021, 192 p.

КУТЕПОВА
Ирина Юрьевна

учитель-дефектолог, Академический лицей
(Петрозаводск, Россия),
cutepovairayandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ВОЗРАСТНОЙ ДИНАМИКИ МОТИВОВ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Рецензент:

Бабарова Виктория

Анатольевна

Юдина Ольга Юрьевна

Статья поступила: 27.10.2025;

Принята к публикации: 15.12.2025;

Размещена в сети: 15.12.2025.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности возрастной динамики учебной мотивации младших школьников с задержкой психического развития. Предложена система коррекционно-развивающей работы, нацеленная на создание наиболее благоприятных условий становления устойчивой положительной учебной мотивации, развитие познавательных интересов младших школьников с ЗПР в ходе комбинированного урока посредством задания и упражнения, которые представляют собой единый комплекс и соответствуют конкретному этапу урока для повышения продуктивности учебной деятельности.

Ключевые слова: мотивационная сфера, динамика мотивационного компонента учебной деятельности, продуктивность учебной деятельности, младшие школьники с ЗПР, современные образовательные технологии

Для цитирования: Кутепова И. Ю. Особенности возрастной динамики мотивов учебной деятельности младших школьников с задержкой психического развития // StudArctic Forum. 2025. Т. 10, № 4. С. 73–85.

Изучение мотивов учебной деятельности у детей школьного возраста с задержкой психического развития (ЗПР) является одной из ключевых задач решения фундаментальной проблемы специальной психологии и педагогики – формирования у школьников с различными отклонениями в психофизическом развитии мотивации к учению, а также способности к преодолению трудностей в учебной деятельности; создания специальных психолого-педагогических условий становления ребенка как активного субъекта собственной деятельности и поведения [Бабкина: 40].

Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья предусматривает достижение в ходе освоения АООП НОО обучающихся с ЗПР такого личностного результата, как «принятие и освоение социальной роли обучающегося, формирование и развитие социально значимых мотивов учебной деятельности», что входит в основу способности к организации своей деятельности и в целом умения учиться.

Изучением мотивации учебной деятельности нормотипичных школьников занимались Л.С. Выготский, В.В. Давыдов, Б.Д. Эльконин, Л.И. Божович, А.Н. Леонтьев, А.К. Маркова, М.В. Матюхина, Е.П. Ильин, Д.В. Солдатова, Н.Г. Морозова, Л.С. Славина, З.И. Калмыкова, Т.А. Власова. Под мотивом понимается внутренняя субъективная причина, побуждающая

человека действовать (по Л.И. Божович). Мотивы учения напрямую связаны с учебной деятельностью, которая становится ведущей в младшем школьном возрасте. Исследователи подчеркивают важность мотивационного компонента учебной деятельности для обеспечения её продуктивности.

Проблеме становления мотивов учения школьников с задержкой психического развития посвящены работы В.Н. Брайтфельд, Л.В. Кузнецовой, Н.Л. Белопольской, М.С. Певзнер, У.В. Ульянковой, С.Г. Шевченко, И.И. Мамайчука, И.Ю. Кулагиной, Д.В. Черенева, Е.А. Череневой, Р.Д. Тригер. В работах указанных авторов отмечается низкий уровень продуктивности учебной деятельности у большинства младших школьников данной категории и связанные с ним слабость и неустойчивость учебной мотивации, преобладание игровых интересов над учебным, отрицательное отношение к учению, а также инфантильные черты личности, повышенный уровень школьной тревожности, неадекватная оценка своих возможностей.

Период обучения в 1-м дополнительном классе считается наиболее благоприятным для педагогического воздействия по формированию учебной мотивации у учащихся с ЗПР, поэтому наш исследовательский интерес был сосредоточен на поиске различных подходов к развитию устойчивой положительной мотивации учебной деятельности у младших школьников с ЗПР и их интеграции с целью повышения эффективности их учебной деятельности и профилактики дезадаптивного поведения [Кулагина: 5], [Шевченко: 32].

Итак, целью исследования являлось изучение возрастной динамики мотивов учебной деятельности младших школьников с задержкой психического развития. Ввиду поставленной цели, были определены следующие задачи исследования:

- 1) Оценить уровень сформированности учебной мотивации у младших школьников с ЗПР 1-го дополнительного и 4-го классов.
- 2) Выявить доминирующие мотивы учебной деятельности школьников с ЗПР 1-го дополнительного и 4-го классов.
- 3) Определить наиболее и наименее предпочитаемые учебные предметы младших школьников с ЗПР 1-го дополнительного и 4-го классов.
- 4) Выявить динамику мотивов учебной деятельности обучающихся 1-го дополнительного и 4-го классов с задержкой психического развития.
- 5) Разработать методические рекомендации к организации работы по формированию мотивов учебной деятельности младших школьников с ЗПР.

Исследование было проведено в 2023–2024 гг. на базе ГБОУ (школы) № 522 Адмиралтейского района г. Санкт-Петербурга. В выборку вошли 10 учащихся с задержкой психического развития 1-го дополнительного класса и 10 учащихся с ЗПР 4-го класса – всего было обследовано 20 детей.

Изучение возрастной динамики мотивов учебной деятельности осуществлялось с помощью следующих методик:

- 1) Оценка школьной мотивации учащихся начальной школы (методика Н.Г. Лускановой).
- 2) Методика проективный рисунок «Что мне нравится в школе» (по Н.Г. Лускановой).
- 3) Методика исследования мотивации учения И.Ю. Пахомовой и Р.В. Овчаровой.
- 4) Индивидуальный опрос для определения отношения к учебным предметам.

* * * * *

По результатам констатирующего эксперимента были получены следующие результаты.

Исследование уровня учебной мотивации у учащихся с ЗПР 1 дополнительного и 4 классов проводилось с помощью методики Н.Г. Лускановой «Оценка уровня учебной мотивации», результаты которой представлены в таблице 1.

Таблица 1

Уровни учебной мотивации учащихся младших классов с задержкой психического развития, n=20

Количество учащихся	Уровни учебной мотивации				
	1-й уровень: 25-30 баллов	2-ой уровень: 20-24 балла	3-й уровень: 15-19 баллов	4-й уровень: 10-14 баллов	5-й уровень: < 10 баллов
1 доп. класс	0	1	6	2	1
4 класс	1	3	3	3	0

Сравнение полученных данных свидетельствует о положительном сдвиге в распределении по уровням учебной мотивации от 1-го дополнительного к 4-му классу. Эти изменения состоят в значительном увеличении (в 4 раза) детей с высоким и средним уровнем мотивации, уменьшении учащихся (в 2 раза), для которых внеучебная деятельность более привлекательна, чем учебная, и отсутствии учащихся с негативным отношением к школе – дети на протяжении всего младшего школьного возраста переходят на более высокий для себя уровень мотивации к учению, что является хорошим показателем их развития. Также важно сказать о более равномерном распределении обследуемых 4-го класса по указанным группам.

В исследовании использовалась проективная рисуночная методика «Что мне нравится в школе?» (по Н.Г. Лускановой), направленная на выявление неосознаваемых мотивов учения, критерии её оценки указаны в 2.1. Данные, полученные в результате проведения этого вида диагностики, отражены в таблице 2.

Таблица 2

Анализ сюжетов рисунков младших школьников с задержкой психического развития на тему «Что мне нравится в школе?», n=20

Критерий оценки Кол-во учащихся	Несоответствие теме (0 баллов)	Соответствие теме		
		учебные ситуации (30 баллов)	неучебные ситуации (20 баллов)	игровые ситуации (10 баллов)
1 доп. класс	0	4	4	2
4 класс	0	8	2	0

Изобразительная деятельность создает наиболее благоприятные и максимально естественные условия для раскрытия своего отношения к школе учащимися, поэтому её показатели контрастные и точные. Сравнивая результаты от начала к концу младшей школы, можно увидеть положительные сдвиги как в количественном аспекте (к 4-му классу становится в 2 раза больше рисунков с сюжетом учебного характера, одновременно в 2 раза меньше – с внеучебными ситуациями, исчезают изображения, свойственные игровой мотивации), так и в качественном:

- первоклассников занимают внешние школьные атрибуты, внеурочные дела в классе, результаты труда (первые выполненные работы), сам процесс учения имеет новизну и поэтому увлекателен для них, наиболее предпочтаемые учебные предметы – музыка, ИЗО и физкультура как содержащие игровые элементы и предлагающие менее трудные для усвоения знания, умения и навыки, в которых легче добиться успеха;
- четвероклассников начинает привлекать собственно содержание учения – предметы, требующие сложных умственных действий (счета, чтения, рассуждения), которые

они освоили и продолжают совершенствовать в процессе учебной деятельности; кроме этого, отмечается направленность на овладение способами получения знания (решение заданий (в т. ч. проблемного характера) у доски и ответы на уроке при разборе новой темы и т. д.); внеучебная сторона школьной жизни интересна посещением кружков, развитием своих талантов, освобождена от сфокусированности на внешних атрибутах, которые имеют определенное мотивирующее значение только на начальных ступенях освоения новой роли «ученика».

Количественные и качественные изменения позволяют говорить о том, что на начальных этапах обучения в школе положительной отношение и интерес к учению малоустойчивы и преимущественно ситуативны, к концу младшей школы формируется устойчивая целостная картина школьной жизни, учебная деятельность приобретает личностную значимость, складываются конкретные предпочтения в выборе интересных для ребенка учебных предметов, а также кружков, раскрывающих его таланты.

С целью определения доминирующей мотивации учения была проведена методика И.Ю. Пахомовой и Р.В. Овчаровой. Результаты представлены в таблице 3.

Таблица 3

Оценка доминирующих мотивов учения младших школьников с задержкой психического развития, n=20

Количество учащихся	Доминирующая мотивация					
	Учебный мотив	Социальный мотив	Позиционный мотив	Оценочный мотив	Игровой мотив	Внешний мотив
1 доп. класс	4	2	0	4	0	0
4 класс	2	8	0	0	0	0

На начальных этапах обучения в младшей школе превалируют оценочный и учебный мотивы, выражющиеся в интересе к новой для детей учебной деятельности и получению первых результатов, в том числе оценок как мощного поощрения со стороны учителя, личность и авторитет которого особенно значимы для первоклассников. Социальный мотив, выявленный у обследуемых 1-го дополнительного класса, показывает, скорее, формальное повторение слов учителя без понимания, что не сказать о младших школьниках, обучающихся в 4-м классе, – в данной группе этот мотив встречается в 4 раза чаще и является самым распространенным среди доминирующих, характеризуется большей степенью осознанности, принятия, осмыслиения личностью, но всё-таки является пока «заемым», создавая тем самым предпосылки для дальнейшего становления мотива самоопределения в среднем звене школы.

Учебный мотив среди детей 4-го класса уступает социальному, имеет несколько другое смысловое наполнение по сравнению с ответами первоклассников, а именно – направленность на развитие собственного интеллектуального потенциала и более глубокой увлеченностью содержательной стороной учения, её практическим применением. Полученные нами результаты совпадают с данными приведенными в целом ряде исследований (В.Н. Брайтфельд, Н.Л. Белопольской, С.Г. Шевченко, И.И. Мамайчук, И.Ю. Кулагиной, Д.В. Черенева, Е.А. Череневой, Р.Д. Тригер) о нарастающей сложности учебного материала и накоплении затруднений в его освоении к концу младшей школы, что снижает уровень познавательных мотивов, компенсируется преобладанием социальных.

Сравнительный анализ ведущих мотивов учебной деятельности удалось уточнить и дополнить с помощью методики «Лесенка побуждений» А.И. Божович и И.К. Марковой. Полученные данные представлены в таблицах 4 и 5.

Таблица 4

Сравнительный анализ ведущих учебных мотивов по методике «Лесенка побуждений», n=20

Группа мотивов	Количество учащихся	
	1 доп. класс	4 класс
Познавательные мотивы	4	3
Социальные мотивы	3	2
Гармоничное сочетание	3	5

Таблица 5

Оценка доминирующих учебных мотивов по методике «Лесенка побуждений», n=20

Группа мотивов	Мотивы	Количество учащихся	
		1 доп. класс	4 класс
Познавательные	Широкий познавательный	0	2
	Процессуальный	0	0
	Результативный	5	0
	Учебно-познавательный	0	2
Социальные	Социальный	0	6
	Учительский	0	0
	Родительский	2	0
	Товарищеский	3	0

В группе детей 1-го дополнительного класса ведущие мотивы – узкие социальные (товарищеский (позиционный), родительский), связанный с ними результативный, выступающий в качестве познавательного мотива. Во второй группе школьников (4 класс) преобладают широкий познавательный мотив и учебно-познавательный в сочетании с широким социальным. К концу младшего школьного возраста внешняя мотивация (одобрение родителей, принятие сверстниками, положительные оценки) сменяется внутренней, когда дети всё больше осознают смысл и критерии оценки, обращаются к содержанию учебного материала, им интересно уметь самостоятельно искать новые знания и решать учебные задачи и проблемные ситуации на уроке, одновременно они начинают понимать важность усвоенного школьного материала с точки зрения необходимости последующего его применения в своей жизни, выражают готовность взять на себя ответственность за результаты своего учения – в определенной степени достигается сбалансированность и устойчивость внутренней познавательной и социальной мотивации.

Также был проведен опрос среди младших школьников с ЗПР, в котором им нужно было назвать наиболее и наименее предпочитаемые для них школьные предметы, объяснить свой выбор. Результаты отражены на рисунках 1 и 2.

На протяжении младшего школьного возраста формируются предпочтения в выборе тех или иных учебных предметов. Сравнительный анализ данных предпочтений показал, что к концу младшего школьного возраста у детей с ЗПР значительно возрастает интерес к литературному чтению, помимо этого, четвероклассники самостоятельно читают и изучают дополнительную литературу по школьной программе, что предрасполагает к зарождению мотива самообразования. Положительный выбор таких учебных дисциплин, как русский язык и окружающий мир падает.

Рис. 1. Распределение младших школьников с ЗПР по наиболее предпочтаемым предметам, n=20

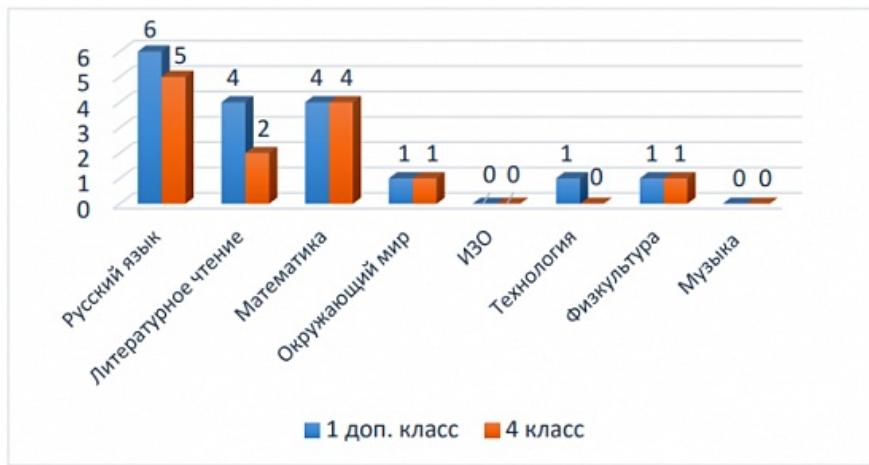

Рис. 2. Распределение младших школьников с ЗПР по наименее предпочтаемым школьным предметам, n=20

В отношении к математике особых изменений не отмечается: примерно половина детей обеих возрастных групп с интересом осваивает этот предмет, другая половина, ссылаясь на сложность материала, делает отрицательный выбор.

Большая часть всех обследованных детей отдает своё предпочтение ИЗО, технологии, связанных с ручным трудом, и физической культуре, где присутствуют игровые, соревновательные элементы, а также требуется определенный уровень развития физических качеств.

Таким образом, анализ результатов исследования позволил выделить особенности возрастной динамики учебной мотивации младших школьников с ЗПР. Наиболее выраженная динамика в повышении уровня учебной мотивации, а также изменениях доминирующих мотивов (у четвероклассников преобладают широкий познавательный и учебно-познавательный мотивы, широкий социальный мотив), благодаря этому наблюдается тенденция к формированию устойчивой структуры мотивационной сферы иерархического характера. Наименее выраженная динамика отмечается в слабо выраженных, задержанных в сроках формирования положительных изменениях в мотивах учения и их гармонизации. Особенности мотивации учебной деятельности состоят в том, что познавательные и социальные мотивы остаются обедненными и недостаточно зрелыми; длительно преобладают игровые мотивы; мотивационная система не достигает нормативного уровня устойчивости, адекватности структуры; снижении познавательного интереса к изучению «трудных» предметов; пролонгированной с точки зрения возраста нормативов потребности в

поддержке учителя, его стимулирующей помощи, оказываемой в большом объеме, и оценки.

Стоит отметить, что к концу младшего школьного возраста у детей с ЗПР отмечаются сдвиги в распределении выбора предпочитаемых школьных предметов: возрастает интерес к литературному чтению (в 2 раза); к русскому языку и окружающему миру, напротив, снижается (в 2 и 3 раза соответственно). Математикой увлекается примерно половина детей в каждом из двух обследованных классов – изменений здесь не отмечается. Больше половины всех обследованных школьников отдает своё предпочтение ИЗО.

Выявленные особенности возрастной динамики учебной мотивации детей младшего школьного возраста с ЗПР стали основой организации для учащихся первых классов системы коррекционно-развивающей работы, направленной на формирование учебной мотивации посредством использования на уроках разработанного комплекса заданий и упражнений у младших школьников с задержкой психического развития, обучающихся в 1-м дополнительном классе. В качестве примера их использования приводим уроки русского языка.

Цель такой работы – формирование устойчивой мотивации учения как условия повышения продуктивности учебной деятельности младших школьников с задержкой психического развития. Ее задачи состоят в следующем:

- 1) формировать положительное (познавательное) эмоциональное отношение к обучению в школе, сознательный и ответственный подход к учебе как социально значимой деятельности;
- 2) создавать благоприятные условия для постепенного укрепления и осмыслиения детьми «внутренней позиции школьника», модели отношений «учитель-ученик»;
- 3) способствовать становлению ведущей деятельности младшего школьного возраста посредством развития её мотивационно-потребностного компонента, предполагающего актуализацию когнитивных потребностей, способность к целеполаганию, наконец, гармоничное сочетание внутренних действенных познавательных и социальных мотивов;
- 4) углублять интерес к учебным предметам и их содержанию, преодолевать интеллектуальную пассивность, свойственную детям с трудностями в обучении, стимулировать познавательную, социальную и личностную активность, самостоятельность и произвольность, способность к самоанализу деятельности, творческие способности учащихся на уроке за счет повышения эффективности его этапов.

Условиями успешной реализации работы, способствующей становлению учебной мотивации у детей с ЗПР на начальных этапах обучения в школе, можно считать следующие:

- 1) соблюдение общепедагогических, специальных (коррекционных) принципов обучения, а также принципов формирования мотивации учебной деятельности, предложенных А.К. Марковой;
- 2) разработка содержания и организация учебного материала, исходя из потребностей младшего школьного возраста и особых образовательных потребностей детей с ЗПР;
- 3) первоначальное базирование развития мотивов учебно-познавательной деятельности на игровой мотивации как более доступной и способствующей становлению познавательных интересов у младших школьников с ЗПР, что указывает на необходимость создания игровых ситуаций на уроке;
- 4) предпочтительное использование коллективной формы работы, оказывающей стимулирующий эффект на получение высоких результатов в учении;
- 5) использование яркого наглядного дидактического материала, задействующего разные каналы восприятия для более полного и прочного усвоения; выраженный практико-ориентированный характер содержания обучения;
- 6) взаимодополнение урочной и внеурочной деятельности, в цели которых должно быть включено развитие интереса к учебному предмету, формирование мотивации для его успешного усвоения;

- 7) адекватность и тактичное сообщение оценки ученика при смещении акцента с отметки на его относительную успеваемость, организация «ситуаций успеха», созданию которых, в частности, способствует применение метода безошибочного обучения, различных видов подсказок; подчеркивание сильных сторон личности каждого учащегося, его вклада в совместное достижение цели урока, содействие изменению отношения к своим ошибкам;
- 8) соблюдение и разработка учителем этапов формирования учебной мотивации (диагностического, организационного, собственно формирующего и рефлексивного);
- 9) выбор учителем демократического стиля общения с учащимися как наиболее благоприятного для становления внутренней учебной мотивации, ориентированной не на избегание неудач, а на достижение успеха; оказание учащимся всех видов помощи, руководство и поддержка их учебной деятельности;
- 10) комплексный подход к формированию мотивов учения, предполагающий вовлечение в его ход всех участников образовательного процесса, а именно – специалистов школы (дефектолога, логопеда, психолога), родителей.

Сравнение экспериментальных данных, анализ психолого-педагогической литературы по проблеме исследования и опыта работы образовательной организации дали возможность определить структуру коррекционно-развивающей работы по формированию мотивов учения у младших школьников с задержкой психического развития. Её компонентами являются: направления работы, комплекс заданий и упражнений, целесообразных для каждого этапа урока [Черенев: 131], [Мамайчук: 68-69], [Никашина: 362].

Направления работы по формированию мотивов учения у младших школьников с задержкой психического развития связаны с развитием выделенных нами аспектов учебной мотивации:

- развитие познавательного аспекта, предполагающего расширение познавательных интересов, коррекцию интеллектуальной и речевой сфер, активизацию учебно-познавательной деятельности учащихся в совокупности её универсальных действий;
- развитие регулятивного аспекта, содержащего формирование умения постановки мотивационно обусловленной цели и на её основе планирование учебных действий, отслеживание процесса его осуществления (регуляция, контроль и коррекция) и оценку полученных результатов;
- развитие социального аспекта, заключающегося в освоении новой социальной ситуации развития и роли «ученика», выстраивании отношений с учителем и сверстниками, родителями, исходя из этой роли, коррекции средств общения, развитие предпосылок к профессиональному самоопределению;
- развитие личностного аспекта, подразумевающего актуализацию соответствующих потребностей (социальных, духовных, престижных), формирование навыка мотивообразования, воспитание нравственно-этической оценки процесса и содержания учения; закладка характерологических особенностей (ответственности, целеустремленности, готовности к взаимопомощи, дисциплинированности и др.) и развитие саморефлексии.

Данные направления имеют области пересечения и, в то же время, взаимодополняют друг друга, что требует их системного учета в планировании каждого этапа урока для достижения положительного взаимовлияния между ними, результатом которого станет формирование по отношению к объекту изучения – познавательной активности, к другому человеку – социальной активности, к себе – навыка определения истинных мотивов и целей деятельности – это все благоприятствует становлению устойчивых учебных мотивов в их гармоничном сочетании.

Наиболее адекватно поставленным задачам и заданным направлениям работы применение игровых, инновационных технологий, технологии критического мышления, технологий групповой и парной работы, а также технологии повышения продуктивности

учебной деятельности на основе мотивационных факторов – они в полной мере отвечают потребностям младших школьников с ЗПР. Ввиду этого система работы была построена на формировании мотивации учения в процессе урока, на каждом этапе которого в соответствии с целью реализуются задания и упражнения в рамках выбранных технологий и с учетом выделенных аспектов мотивации [Черенев: 140], [Братчикова: 52].

В качестве основы нами была взята структура комбинированного урока по ФГОС НОО, которая включает три главных этапа, разбитые, в свою очередь, на подэтапы. Каждый этап урока благодаря подобранным заданиям имеет собственное мотивационное значение для учебной деятельности и положительно влияет на формирование в целом всех аспектов мотивации с акцентом на один или два конкретных.

Так, роль этапа самоопределения (I) состоит в актуализации познавательной потребности, формировании навыка мотивообразования – мотивационного обуславливания поставленной цели учебной деятельности посредством создания игровой ситуации, что соответствует регулятивному и социально-личностному аспектам мотивации. У этапа самоопределения есть подэтапы:

1.1. Организация учащихся, целью которой является создание положительной мотивационной направленности на урок. Для её достижения мы предлагаем использовать следующие задания: «Девизы», «Фантазирование», «Подари улыбку», «Театрализация», «Мудрые толкователи». Так, задание «Подари улыбку» предполагает, что дети высказывают свои пожелания на предстоящий урок друг другу, передавая воображаемую улыбку. В конце учителя желает детям, чтобы они были внимательными при изучении новой темы, постарались её понять и запомнить, и тогда урок пройдет для них интересно.

1.2. Проверка домашнего задания, актуализация опорных знаний. На этом подэтапе цель состоит в стимуляции познавательной активности, повышении мотивации к работе на уроке, которая реализуется благодаря заданиям «Банк знаний», «Послушать-сговориться-обсудить», «Кроссенс», «Репортер», «Кубик Блума». Рассмотрим на примере темы «Русский алфавит» задание «Репортер». Дети разбиваются на пары. В каждой паре одному учащемуся предлагается стать «репортером» (учитель даёт краткое пояснение к данному термину), а другому – «свидетелем событий», и задать друг другу следующие вопросы: 1. Что такое алфавит? 2. Назови по порядку все буквы русского алфавита. 3. Сколько всего букв в русском алфавите? 4. Для чего нужны буквы? 5. Какие две буквы не обозначают звуков?

1.3. Мотивация и целеполагание. Его значение заключается в развитии умения формулировать цель урока и мотивационно её обуславливать посредством создания игровой ситуации. Для этого подэтапа мы выбрали такие задания, как «Привлекательная цель», «Отсроченная догадка», «Яркое пятно», «Собери слово», «Группировка и исключение», «Подводящий диалог», «Ловушка», «Волшебное послание», реализацию которых представили в игровой форме. Так, учитель при изучении темы «Вежливые слова» предлагает учащимся прочитать по ролям сказку про Вежливость и, ответив на вопросы после её прочтения, сформулировать цель и задачи урока («Яркое пятно»).

Следующим будет процессуально-познавательный этап (II): он направлен на поддержание мотивации, переход «знаемых» мотивов в действенные, развитие интереса к учебному предмету благодаря установлению связи между решением частных учебных задач и достижением основной цели, а также увлекательной подаче учебного материала, «ситуациям успеха» на уроке – данный этап отвечает познавательному и социальному аспекту мотивации. Перечислим его подэтапы:

2.1 Усвоение новых знаний. На активизацию мыслительной деятельности, формирование интереса к изучаемому предмету – как основные цели – будут направлены задания «Удивляй», «Фантастическая добавка», «Самый внимательный», «Мультимедийная

презентация», «Сорбонка», «Копилка знаний», «Решение ситуационных задач». Например, изучая тему «Диалог», учитель предлагает детям рассмотреть рисунок, представить, что их брат даёт маме свой дневник, и придумать устно в паре диалог: «О чём беседуют мама с братом?». Педагог проходит по рядам, останавливаясь и слушая, кто какой диалог составил – самый лучший озвучивается всему классу («Решение ситуационных задач»).

2.2. Проверка понимания учащимися нового материала. Данный подэтап направлен на стимулирование учебной деятельности, поддержание мотивации интереса к ней, сохранение темпа работы на уроке, которым способствуют задания «Аукцион», «Правда-ложь», «Щадящий вопрос», «Шаг за шагом», «Маша-растеряша», «Игровая цель». Использование «Аукциона» при изучении темы «Буквосочетания ЖИ-ШИ, ЧА-ЩА, ЧУ-ЩУ»: учащимся необходимо назвать как можно больше слов с данными буквосочетаниями, проговорить правило для своего примера. Учитель записывает слова на доске. В конце дети записывают по одному слову на каждое буквосочетание из представленных на доске в тетрадь.

2.3. Динамическая пауза. Соблюдение обозначенного подэтапа необходимо для формирования навыков самоконтроля и саморегуляции за степенью своей работоспособности, освоения способов сохранения её на высоком уровне для успешного достижения поставленной учебной цели, – это возможно благодаря проведению различных вариантов разминки для глаз, пальчиковых гимнастик, нейрогимнастики, зарядки для снятия утомления.

2.4. Закрепление нового материала. Цель состоит в предупреждении ситуаций неуспеха через уточнение, повторение и обобщение нового материала – в формировании мотива достижения. В связи с этим используются задания «Ловцы ошибок», «Слово-эстафета», «Слово за спиной», «Викторина», «Создай портрет». Для закрепления темы «Буквосочетания ЧК, ЧН, ЧТ» учитель может предложить одному из учеников сесть на стул спиной к доске. Остальных детей просят записать в тетрадях слово-пример на изученные буквосочетания. Педагог проходит по рядам, выбирает одно слово и пишет его на доске (например, печка), затем дети объясняют сидящему на стуле ребенку слово, не называя его («Слово за спиной»).

Последний, рефлексивно-оценочный этап (III), дает возможность проанализировать результаты учебной деятельности, определить цели на будущее, испытать удовлетворение, положительные эмоции от проделанной работы благодаря пониманию её значения, что служит своеобразным подкреплением зарождающихся познавательных интересов и учебной мотивации и, таким образом, способствует формированию её устойчивости. Этот этап реализует регулятивный и социально-личностные аспекты мотивации. На рефлексивно-оценочном этапе также выделяются подэтапы:

3.1. Подведение итогов урока. Его цель выражается в закреплении интереса и мотивации к освоению учебного предмета, которому благоприятствуют занимательные задания «Синквейн», «Ромашка вопросов», «Профессионал», «Крестики-нолики», «Аналогии», «Фантастический банан». Для темы «Что могут называть слова?» предлагается упражнение «Аналогии», в котором детям нужно подобрать аналогию и объяснить, что называет слово, на какой вопрос отвечает (Ворона – серая, а аист – ... (белый). Белый – признак предмета, отвечает на вопрос «Какой?»).

3.2. Информация о выполнении домашнего задания. Цель: формирование положительной мотивационной направленности на выполнение домашнего задания. Задания подэтапа – «Необычная обычность», «Сам себе учитель», «Вам письмо!», «Лотерея», «Конкурс шпаргалок». Так, по теме «Шипящие согласные звуки» учитель дает детям задание выбрать скороговорку с шипящими согласными звуками и подготовиться к конкурсу скороговорщиков «Чудеса языка творят» (задание «Необычная обычность»).

3.3. Рефлексия учебной деятельности, её суть отражается в эмоционально-положительном подкреплении мотивации к изучению данного предмета, на которое нацелены задания «Точное попадание!», «Ты – мне, я – тебе», «Дай пять!», «Волшебная палочка», «Сундучок знаний», «Пять шляп Незнайки». Например, в последнем из перечисленных заданий сказочный герой (кукла бибабо) хочет узнать, как прошел урок у ребят и принес для этого разные шляпы. Персонаж по очереди их надевает, а дети отвечают на вопросы. Желтая шляпа означает, что Незнайка хочет узнать, какие новые знания и умения ребята открыли сегодня на уроке. Оранжевая – что было самым интересным. Зеленая – что хотелось бы узнать еще по этой теме. Красная – что было трудным. Синяя – что нужно сделать, чтобы преодолеть затруднения. Затем сказочный герой снимает шляпу и говорит свои пожелания ребятам на следующий урок.

Итак, система работы с описанным комплексом заданий и упражнений предполагает как включение конкретного задания (или его сочетания с другим) на определенном этапе урока, так и нескольких – на протяжении всего урока. Сочетаться могут разные задания, например, «Собери слово» и «Группировка и исключение», когда учащимся сначала нужно расшифровать слова, а затем составить из них пары и найти лишнее – что поможет им сформулировать тему урока.

Часть из представленных заданий имеет универсальный характер и может быть использована на разных этапах урока. Так, упражнение «Кроссенс», подразумевающее построение ассоциативной цепочки с наглядной опорой в виде картинок, специально подобранных к теме урока; подходит и для этапа мотивации и целеполагания, и для закрепления нового материала.

* * * * *

Таким образом, младший школьный возраст является периодом становления мотивации учения у детей с ЗПР. Выявленная специфика возрастной динамики учебной мотивации младших школьников с ЗПР указывает на особую значимость проведения системы работы по формированию учебно-познавательных мотивов – одного из главных компонентов успешной учебной деятельности.

Целенаправленное педагогическое воздействие с помощью комплекса разработанных в рамках современных технологий для каждого этапа урока заданий и упражнений будет благоприятствовать количественному и качественному росту показателей учебной мотивации. Вместе с мотивацией станет увеличиваться и продуктивность, произвольность ведущей деятельности этого возраста. В результате положительной динамики развития мотивационного компонента учения произойдет повышение познавательной, социальной и личностной активности ребенка.

Следовательно, системную работу по формированию учебной мотивации у младших школьников с ЗПР необходимо проводить непосредственно с момента начала их обучения в школе, в неё должны быть вовлечены все участники образовательного процесса.

Список литературы

Бабкина Н.В. Современные тенденции в образовании и психолого-педагогическом сопровождении детей с задержкой психического развития // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2021. № 202. С. 36-44. DOI 10.33910/1992-6464-2021-202-36-44

Братчикова Ю.В. Психолого-педагогические приемы развития мотивации учебной деятельности у младших школьников // Личность в современном мире: сб. статей Всеросс. научно-практ. конф. (Екатеринбург, 19 ноября 2014 г.). Екатеринбург: УрГПУ, 2014. С. 49-57.

Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. Санкт-Петербург: Питер, 2011. 512 с.

Кудрина С.В. Учебная деятельность младших школьников. Диагностика. Формирование. Санкт-Петербург: КАРО, 2004. 224 с.

Кулагина И.Ю. О возможностях формирования учебной мотивации у детей с задержкой

психического развития // Психология детей с задержкой психического развития. Хрестоматия. Санкт-Петербург: Речь, 2004. С. 3-10.

Мамайчук И.И. Психокоррекционные технологии для детей с проблемами в развитии: учеб. пособие для студентов вузов. Санкт-Петербург: Речь, 2010. 400 с.

Матюхина М.В. Мотивы учения учащихся с разным уровнем успеваемости // Границы познания. 2021. № 4(75). С. 54-60.

Никашина Н.А. Педагогическая характеристика детей с задержкой психического развития. Основные направления коррекционной работы // Психология детей с задержкой психического развития: хрестоматия. Санкт-Петербург: Речь, 2004. С. 357-369.

Черенев Д.В. Мотивационные факторы учебной деятельности учащихся младших классов с задержкой психического развития / Д.В. Черенев, Е.А. Черенева // Сибирский вестник специального образования. 2013. № 1(9). С. 129-144.

Шевченко С.Г. Коррекционно-развивающее обучение: Организационно-педагогические аспекты. Санкт-Петербург: Владос, 2001. 290 с.

Irina Y. KUTEPOVA

teacher-defectologist, Academic Lyceum (Petrozavodsk, Russia),
cutepovaira@yandex.ru

AGE DYNAMICS OF EDUCATIONAL MOTIVES OF PRIMARY SCHOOL CHILDREN WITH INTELLECTUAL DISABILITIES

Reviewer:

Victoria A. Babarova

Paper submitted on: 10/27/2025;

Accepted on: 12/15/2025;

Published online on: 12/15/2025.

Abstract. This article explores the age-related dynamics in educational motivation among primary school students with intellectual disabilities. A system of corrective and developmental interventions is proposed to foster optimal conditions for establishing stable positive learning motivation and enhancing cognitive interests in younger students with intellectual disabilities. These interventions are implemented through specially designed tasks and exercises that form an integrated unit aligned with each stage of the lesson, thereby increasing the overall effectiveness of the learning process.

Keywords: motivational sphere, dynamics of motivational component in education, educational productivity, primary school students with intellectual disabilities, modern educational technologies

For citation: Kutepova, I. Y. Age dynamics of Educational Motives of Primary School Children with Intellectual Disabilities. *StudArctic Forum*. 2025, 10 (4): 73–85.

References

- Babkina N.V. Current trends in special education: Psychological and pedagogical support for students with learning disabilities. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2021, No. 202, pp. 36-44. DOI 10.33910/1992-6464-2021-202-36-44 (In Russ.)
- Bratchikova Yu.V. Psychological and pedagogical methods of developing motivation for learning activities in younger schoolchildren. *Personality in the modern world: Proceedings of the all-Russian research and practical conference (Yekaterinburg, November 19, 2014)*. Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University, 2014, pp. 49-57. (In Russ.)
- Ilyin E.P. *Motivation and motives*. St. Petersburg, Piter, 2011, 512 p. (In Russ.)
- Kudrina S.V. *Educational activity of primary school students. Diagnostics. Development*. St. Petersburg, KARO, 2004, 224 p. (In Russ.)
- Kulagina I.Yu. The opportunities for forming educational motivation in children with mental retardation. *Psychology of children with mental retardation: Anthology*. St. Petersburg, Rech, 2004, pp. 3-10. (In Russ.)
- Mamaichuk I.I. *Psychocorrection technologies for children with developmental problems: Texbook for universities*. St. Petersburg, Rech, 2010, 400 p. (In Russ.)
- Matyukhina M.V. Learning motives of students with different level of academic progress. *Grani poznaniya*, 2021, No. 4(75), pp. 54-60. (In Russ.)
- Nikashina N. A. Pedagogical characteristics of children with mental retardation. The main directions of correctional work. *Psychology of children with mental retardation: Anthology*. St. Petersburg, Rech, 2004, pp. 357-369. (In Russ.)
- Cherenev D.V., Chereneva E.A. Motivators of educational activity of primary school students with mental retardation. *Siberian Bulletin of Special Education*, 2013, No. 1(9), pp. 129-144. (In Russ.)
- Shevchenko S.G. *Correctional and developmental education: Organizational and pedagogical aspects*. St Petersburg, Vlados, 2001, 290 p. (In Russ.)

ЕФРЕМОВА
Елизавета Александровна

магистратура, Петрозаводский государственный
университет (Петрозаводск, Россия),
liza.efremowa2018@yandex.ru

СТАНОВЛЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЮСТИЦИИ В РОССИИ: ЭТАПЫ И ОСОБЕННОСТИ

Научный руководитель:

Киселев Сергей Викторович

Рецензент:

Мазеин Артем Владимирович

Статья поступила: 21.10.2025;

Принята к публикации: 15.12.2025;

Размещена в сети: 15.12.2025.

Аннотация. В статье исследуется эволюция института административной юстиции в России от зарождения первых механизмов судебного контроля за деятельностью исполнительной власти в дореволюционный период до формирования современной системы административного судопроизводства. Произведен анализ дореволюционного периода с созданием губернских присутствий и ролью Правительствующего Сената, советский период с полной ликвидацией административной юстиции и заменой её прокурорским надзором, современный этап, начавшийся с момента принятия Кодекса административного судопроизводства РФ 2015 года.

Ключевые слова: административная юстиция, административное судопроизводство, Кодекс административного судопроизводства РФ, Правительствующий Сенат, губернские присутствия, прокурорский надзор

Для цитирования: Ефремова Е. А. Становление административной юстиции в России: этапы и особенности // StudArctic Forum. 2025. Т. 10, № 4. С. 86–94.

Формирование института административной юстиции в России представляет собой длительный и противоречивый процесс, который характеризуется значительными перерывами и неоднократными попытками создания более эффективной системы судебного контроля за деятельностью исполнительной власти.

Стоит отметить, что изучение истории становления административной юстиции в России – это не только изучение правовых норм и институтов прошлого, но и возможность проанализировать перспективы развития правовой системы нашего государства. Актуальность вопроса приобретает особую значимость в контексте укрепления принципов правового государства, повышения эффективности государственного управления и защиты прав граждан от возможных злоупотреблений со стороны должностных лиц. Законодательная база России, цель которой поддержание порядка и защита прав граждан и иных лиц, уходит корнями в далекое прошлое. Именно поэтому понимание этих исторических основ является ключевым для создания действенной системы административной юстиции в настоящее время.

Институт административной юстиции в России имеет многовековую историю, но сказать о том, что сложилось понимание его сущности, основных принципов и норм, достаточно сложно. Анализ становления данного института показывает, что на всех этапах возникают вопросы, касающиеся определения его места в правовой системе, разграничения с

иными судебными институтами. Однако практическое воплощение прогрессивных правовых идей о необходимости формирования данного института практически отсутствует или является не очень удачным. Можно предполагать, что сам по себе институт административной юстиции способен решать задачи дополнительного обеспечения защищенности личности. Однако целесообразность его включения в правовую систему определяется исключительно особенностью каждого конкретного государства. В связи с чем, необходимо понимать не только сущность самого института, но и трудности его становления, причины, по которым до настоящего времени не представляется возможным утверждать, что он является эффективно действующим в Российской Федерации.

В данной статье ставится вопрос, почему институт административной юстиции не имеет широкого развития в России при многолетней истории становления. Для этого обратимся к основным, на наш взгляд, его этапам без детального анализа источников.

Основной проблемой исследования является отсутствие единого понимания сущности административной юстиции среди специалистов в области административного права, его правового содержания, места в правовой системе. Именно по этой причине, в первую очередь, необходимо определиться с самим термином «административная юстиция».

Отметим, что в современном российском законодательстве понятия «административная юстиция» и «административное судопроизводство» не совпадают. К тому же сам термин «административная юстиция» не закреплен законодательно и употребляется юристами только в теории. Как отмечает И.Г. Пирожкова, административная юстиция включает рассмотрение административных споров в особом (административном) порядке как судебными, так и внесудебными (квазисудебными) административно-юрисдикционными органами [Пирожкова: 53].

Административная юстиция в целом представляет собой совокупность норм и принципов, регулирующих судебное разбирательство по делам, связанным с действиями (бездействием) органов государственной власти и должностных лиц, а также с защитой прав и законных интересов граждан и организаций в случаях, когда нарушения произошли в сфере публичного управления. И.В. Панова отмечает, что «в России накоплен огромный опыт функционирования института административной юстиции, который необходимо принимать во внимание при рассмотрении отечественного законодательства административного судопроизводства и административной юстиции в целом» [Панова: 212].

Что касается административного судопроизводства, то оно не является деятельностью администрации, это вид судопроизводства по рассмотрению административных дел в особом порядке, регламентированном нормами административно-процессуального права.

Методологической основой настоящего исследования являются универсальные, общенаучные и специальные методы. Использование данных методов позволяет проследить эволюцию административной юстиции в исторической динамике; выявить её структурные и функциональные особенности.

* * * * *

Первые предпосылки к разграничению административной и судебной властей появились уже в XV веке [Правдин: 104]. Это выражалось в принятии правовых актов и законов, которые регламентировали действия государственных органов власти по рассмотрению жалоб общественности. Одним из таких примеров можно считать Судебник от 1497 года, принятый Иваном III. Регламентация рассмотрения жалоб общественности в Судебнике 1497 года выражалась в нескольких положениях, которые отчасти заложили основы централизованного судопроизводства и контроля за действиями должностных лиц. Например, был существенно ограничен произвол судей путем включения в состав суда представителей общественности; были введены наказания за дачу и получение взятки.

Статья 67 регламентировала не только запрет взяток, но и ограничивала ложное свидетельство под угрозой крупных штрафов¹.

В XVIII веке в правовом сознании стало формироваться понимание необходимости защиты прав подданных от произвола чиновников. Но реальные шаги в направлении создания механизмов такой защиты были предприняты значительно позже. Более детальное начало развития административная юстиция как правовой институт и как область теории права – административного и процессуального – получила во второй половине XIX века и продолжила свое развитие в начале XX века. Существование института административной юстиции в конце XIX века «рассматривалось русскими учеными и общественными деятелями как своеобразный политический барометр, определяющий степень защищенности прав личности» [Правилова: 7].

Судебная реформа 1864 года стала переломным моментом в развитии российской правовой системы и заложила основы для формирования зачатков административной юстиции. Преобразование судебной системы затронуло и вопросы рассмотрения споров между гражданами и администрацией, хотя полноценного института административных судов создано не было. Правительствующий Сенат выступал высшей инстанцией по административным делам, осуществляя надзор за законностью действий административных органов. Его первый департамент получил компетенцию рассматривать жалобы на решения министерств и губернских властей, выполняя функции высшей административной инстанции [Рубаник: 150].

Губернские присутствия представляли собой особые учреждения смешанного состава, включавшие представителей администрации и судебного ведомства. Компетенция губернских присутствий охватывала рассмотрение жалоб на действия местной администрации, связанные с применением законов о воинской повинности, взиманием налогов и сборов, наложением административных взысканий. Деятельность указанных органов регулировалась множественными специальными законами, создавшими фрагментарную и несистемную правовую основу. Отсутствие единого кодифицированного акта затрудняло реализацию гражданами права на обжалование незаконных действий власти.

Новый импульс для развития института административной юстиции в России придавали планы реформирования государственного управления в начале XX века в эпоху правления Николая II. В 1904 году было принято решение о передаче на рассмотрение Особого совещания вопросов формирования системы административных судов и реформы Сената. Автором большинства предложений в это время был С.Ю. Витте. 17 января 1905 года Высочайшим указом было учреждено особое совещание для пересмотра действующего Учреждения Правительствующего сената и выработки законоположений о местных административных судах [Иванова: 3]. Были выдвинуты прогрессивные предложения передать право докладов императору от министра юстиции первоприсутствующим сенаторам; восстановить надзор Сената за подчиненными судебными учреждениями; создать сенатскую коллегию, которая бы подбирала новых сенаторов; расширить право законодательной инициативы Сената [Кодинцев: 123, 124].

30 января 1905 года началась работа совещания. К 4 июня 1905 года был подготовлен итоговый «Проект изменения Учреждения Правительствующего Сената». Однако в результате проведения реформ в 1904 году административные суды не были созданы. Аргументами против учреждения в России административных судов являлись теоретическая сложность проблемы, отсутствие опыта у законодателей по разработке соответствующих процессуальных норм и судопроизводства, а также наличие в России лишь в простейшей форме «зародышей» административно-судебных учреждений в виде разрозненных губернских и уездных присутствий [Старилов: 1]. Более того, в 1911 году, когда на

государственном уровне рассматривались вопросы проведения реформы всего процессуального права и изменения порядка привлечения к ответственности должностных лиц, реформа административной юстиции была признана несвоевременной и нецелесообразной.

Несмотря на отсутствие нормативного правового установления института административной юстиции в России в начале XX века, ученые-юристы продолжали дискуссию о необходимости введения специализации в структуре судебной власти и о целесообразности разработки соответствующего административного процессуального законодательства (административного судопроизводства). Дореволюционная правовая наука активно обсуждала природу и перспективы развития административной юстиции в России. Ведущие ученые того времени, включая Н.М. Коркунова и А.И. Елистратова, анализировали существующую систему и сравнивали её с западноевропейскими образцами. Преобладала позиция о необходимости создания специализированных административных судов по французскому или германскому образцу. Российская модель характеризовалась значительной ограниченностью по сравнению с континентальными системами. Отсутствовала целостная система административных судов, подведомственность дел определялась казуистично, процессуальные гарантии были недостаточно развиты. Кроме того, значительная часть административных споров вообще исключалась из судебного рассмотрения и оставалась в ведении самой администрации [Правилова: 20, 129].

После Октябрьской революции 1917 года институт административной юстиции был полностью ликвидирован. Новая концепция государственного устройства основывалась на принципе единства государственной власти и отрицании разделения властей как буржуазного пережитка. Советская правовая доктрина рассматривала административную юстицию как институт, несовместимый с социалистическим строем, поскольку судебный контроль за администрацией якобы противоречил принципам советской демократии и системе Советов как полновластных органов. Вместо судебного обжалования были созданы альтернативные механизмы защиты прав граждан, центральное место среди которых занимал прокурорский надзор и право обращения в вышестоящие административные органы [Шейкина: 189].

Прокуратура в советской системе выполняла функции надзора за законностью действий всех государственных органов и должностных лиц. Граждане могли обращаться с жалобами в прокуратуру, которая проверяла соответствие действий администрации закону и вносила протесты на незаконные решения. Параллельно существовал институт административного обжалования, позволявший гражданам обращаться в вышестоящие органы с жалобами на действия подчиненных структур. Правовое регулирование обжалования прошло сложную эволюцию от практически полного запрета судебного обжалования в первые десятилетия советской власти до постепенного расширения возможностей судебной защиты.

Конституция СССР 1977 года закрепила право граждан на обжалование действий должностных лиц, но механизм реализации остался неопределенным. Закон СССР от 30 июня 1987 года «О порядке обжалования в суд неправомерных действий органов государственного управления и должностных лиц, ущемляющих права граждан»² стал переломным моментом в восстановлении элементов административной юстиции. Указанный нормативный акт установил общую возможность судебного обжалования действий администрации, хотя сохранил значительные ограничения подведомственности. Закон 1987 года заложил основу для последующего развития института судебного контроля за администрацией уже в постсоветский период [Цечоев: 250].

Конституция Российской Федерации 1993 года конституционно закрепила право

каждого на судебную защиту прав и свобод, включая обжалование решений и действий органов государственной власти и должностных лиц. Статья 46 Конституции РФ устранила какие-либо изъятия из судебной подведомственности споров между гражданами и публичной властью. Реализация конституционных положений потребовала создания специального процессуального регулирования рассмотрения административных дел. Первоначально административные споры рассматривались в рамках гражданского судопроизводства по правилам Гражданского Процессуального Кодекса РСФСР ³, затем Гражданского Процессуального Кодекса РФ 2002 года ⁴, который содержал специальную главу о производстве по делам, возникающим из публичных правоотношений.

Принятие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) в 2015 году ⁵ ознаменовало завершение формирования полноценной системы административной юстиции в России. КАС РФ вступил в силу 15 сентября 2015 года и создал комплексное процессуальное регулирование рассмотрения административных дел. Кодекс систематизировал разрозненные нормы об административном судопроизводстве, установил единые процессуальные правила и принципы рассмотрения споров с участием публичной власти. Структура КАС РФ включает общие положения об административном судопроизводстве, правила производства в судах первой, апелляционной, кассационной инстанций, пересмотр вступивших в законную силу судебных актов.

Комpetенция судов по рассмотрению административных дел охватывает широкий круг споров, возникающих из публичных правоотношений. Суды общей юрисдикции рассматривают дела об оспаривании нормативных правовых актов, решений, действий и бездействия органов государственной власти, местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих. К административному судопроизводству отнесены также дела о защите избирательных прав, о приостановлении и прекращении деятельности общественных объединений, о госпитализации в медицинские организации в недобровольном порядке, об административном надзоре и ряд других категорий⁶.

Особенности процессуального регулирования административного судопроизводства отражают специфику споров между гражданами и публичной властью. Обязанность доказывания законности оспариваемых решений и действий возлагается на административных ответчиков – органы власти и должностных лиц. Административный истец должен доказать лишь факт нарушения своих прав. Активная роль суда в административном процессе выражается в обязанности суда оказывать содействие лицам, которые участвуют в деле, в реализации их прав, создавать условия для всестороннего и полного исследования доказательств, принимать меры для примирения сторон⁷.

Сравнение современной российской системы административной юстиции с дореволюционными институтами выявляет определенную историческую преемственность. Общие принципы судебного контроля за администрацией, сформулированные дореволюционной правовой наукой, нашли отражение в современном законодательстве. Идея о необходимости специальных процессуальных гарантит при рассмотрении споров с публичной властью, высказывавшаяся еще дореволюционными учеными, реализована в КАС РФ. Вместе с тем современная система существенно отличается от дореволюционной как по масштабу судебного контроля, так и полноте процессуальных гарантит. Конституционное закрепление права на судебную защиту без каких-либо изъятий является качественным отличием современной модели.

Идея о необходимости специализации судей, рассматривающих административные дела, прослеживается в обеих системах. Дореволюционные губернские присутствия включали представителей как администрации, так и судебного ведомства, что частично

перекликается с современным институтом административных ответчиков. Однако современная система исходит из принципа независимости суда от администрации, тогда как дореволюционная модель допускала участие представителей власти в рассмотрении дел.

Российская модель административной юстиции имеет существенные отличия от французской и германской систем, обусловленные историческим контекстом. Французская система предполагает существование специализированных административных судов, обособленных от судов общей юрисдикции. Германская модель также основана на системе административных судов, но с иной структурой инстанций. Российская система интегрирует административное судопроизводство в систему судов общей юрисдикции без создания отдельной ветви административных судов, что дает возможность утверждать о наличии дополнительной нагрузки на суды.

Советский опыт альтернативных механизмов защиты правоказал влияние на специфику современного регулирования. Сохранение института прокурорского надзора наряду с судебным контролем отражает преемственность советской системы. Параллельное существование административного и судебного порядка обжалования также уходит корнями в советскую практику. Длительное отсутствие полноценной административной юстиции в советский период привело к тому, что современная система формировалась не эволюционным путем, а создавалась практически заново на основе конституционных принципов с учетом зарубежного опыта.

* * * * *

Подводя итоги, можно констатировать, что эволюция административной юстиции в России прошла три основных этапа, существенно отличающихся по характеру и содержанию правового регулирования. Дореволюционный период характеризовался формированием зачатков института административной юстиции в условиях самодержавной монархии с ограниченными возможностями судебного контроля за администрацией. Советский период ознаменован полной ликвидацией института и заменой его альтернативными механизмами, основанными на прокурорском надзоре и административном обжаловании. Современный этап представляет собой формирование полноценной системы административной юстиции на основе конституционного принципа права на судебную защиту, но в условиях отсутствия единого правового закрепления его понимания.

Проведенный анализ этапов становления административной юстиции в России позволяет сформулировать ряд выводов, которые, в свою очередь, позволяют раскрыть причины ограниченного развития данного института при многолетней истории его формирования. Анализ истории становления административной юстиции в России демонстрирует фрагментарность и непоследовательность развития механизмов данного процесса: от зачатков контроля за действиями власти в XV–XVIII веках через полное отрижение института в советский период — к современным попыткам законодательного оформления. Каждый этап сопровождался кардинальной сменой парадигмы, что препятствовало формированию устойчивой правовой традиции.

Ключевая проблема, обозначенная в исследовании, — отсутствие единого теоретического понимания сущности административной юстиции — остаётся нерешённой. Дискуссии о соотношении понятий «административная юстиция» и «административное судопроизводство», о границах юрисдикции и месте института в системе права продолжают воспроизводить концептуальную неопределенность. Это отражается как в научной литературе, так и в законодательстве, где нормы административного процессуального права рассредоточены по многочисленным источникам, имеющим различную отраслевую принадлежность. Также отметим, что и практическая реализация административной юстиции сталкивается с определенными организационно-правовыми барьерами. Несмотря

на принятие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, вопрос о создании специализированных административных судов остаётся открытым.

На наш взгляд, для преодоления указанных барьеров в первую очередь необходимо сформировать единую доктринальную базу, чётко определяющую сущность, принципы и границы административной юстиции, а также разрешить вопрос о создании системы административных судов как гарантии профессионального рассмотрения административных споров. Благодаря системному подходу в решении указанных задач появится возможность реализовать потенциал административной юстиции как эффективного механизма защиты прав граждан и организаций в отношениях с публичной властью.

Примечания

¹ Судебник 1497 года // Российское законодательство X – XX вв.: в 9 т. Москва: Юридическая литература, 1985. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. С. 62.

² О порядке обжалования в суд неправомерных действий должностных лиц, ущемляющих права граждан: закон СССР от 30 июня 1987 года № 7287-ХI // КонсультантПлюс: инф. сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=14357#7tgDjuUVQpOV2MHC> (дата обращения: 25.05.2025). Утратил силу.

³ Гражданский процессуальный кодекс РСФСР от 11 июня 1964 г. // КонсультантПлюс: инф. сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2237/ (дата обращения: 04.10.2025). Утратил силу.

⁴ Российская Федерация. Законы. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 года № 138-ФЗ: принят Государственной Думой 23 октября 2002 года: одобрен Советом Федерации 30 октября 2002 года // КонсультантПлюс: инф. сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 04.10.2025).

⁵ Российская Федерация. Законы. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) от 8 марта 2015 года № 21-ФЗ: принят Государственной Думой 20 февраля 2015 года: одобрен Советом Федерации 25 февраля 2015 года // КонсультантПлюс: инф. сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/ (дата обращения: 28.08.2025).

⁶ КАС РФ. Гл. 2.

⁷ КАС РФ. Ст. 62.

Список литературы

Иванова Н.Ю. Высший орган административной юстиции в Российской империи (преобразования Правительствующего Сената в начале ХХ века) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2011. № 4-2. С. 170-177.

История государства и права России до XVII века: учебник для вузов / под ред. В.Е. Рубаника. Москва: Юрайт, 2025. 275 с.

Кодинцев А.Я. Анатолий Федорович Кони – активный участник судебной реформы Российской империи начала ХХ в. // Вестник РПА. 2022. № 4. С. 123-131. DOI: 10.33874/2072-9936-2022-0-4-123-131

Лупарев Е.Б. История развития административной юстиции в России в досоветский период и современные перспективы формирования административных судов // Журнал административного судопроизводства. Административная юстиция. 2016. № 2. С. 5-8.

Панова И.В. Административная юстиция // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 2. С. 211-229. DOI: 10.17323/2072-8166.2020.2.211.229

Пирожкова И.Г. Квазисудебные институты в правовом пространстве: дефиниция и подходы к определению / И.Г. Пирожкова, А.Г. Карташова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 3(83). С. 49-54. DOI: 10.35750/2071-8284-2019-3-49-54

Правдин С.А. Становление и развитие административной юстиции в Российской Федерации // Молодой учёный. 2024. № 30(529). С. 104-107.

Правилова Е.А. Законность и права личности: административная юстиция в России. Санкт-

Петербург: СЗАГС, Образование – культура, 2000. 286 с.

Старилов Ю.Н. Административная юстиция в России до 1917 года: развитие теории и формирование законодательства // Административная юстиция. 2013. URL: https://comitasgentium.com/ru/doctrina/publichoe/administrativnay_usticiya/administrativnaja-justicija-v-rossii-do-191/#_ftn12 (дата обращения: 01.05.2025)

Цечоев В.К. История органов и учреждений юстиции России: учебник для вузов. Москва: Юрайт, 2025. 421 с.

Шейкина А.А. Историческое развитие института административной юстиции в Российской Федерации // Молодой ученый. 2025. № 1(552). С. 188-190.

Law

Elizaveta A. EFREMOVA

master's degree, Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia),
liza.efremowa2018@yandex.ru

THE FORMATION OF ADMINISTRATIVE JUSTICE IN RUSSIA: STAGES AND FEATURES

Scientific adviser:

Sergey V. Kiselyov

Reviewer:

Artem Mazein

Paper submitted on: 10/21/2025;

Accepted on: 12/15/2025;

Published online on: 12/15/2025.

Abstract. The article explores the development of administrative justice in Russia, tracing its evolution from the initial mechanisms of judicial oversight over the executive branch during the pre-revolutionary era to the establishment of a contemporary administrative justice system. It examines the pre-revolutionary period, highlighting the creation of provincial courts and the role of the Governing Senate. The study also analyzes the Soviet era, during which administrative justice was entirely abolished and replaced by prosecutorial supervision, and considers the modern stage, which began with the adoption of the Code of Administrative Judicial Procedure of the Russian Federation in 2015.

Keywords: administrative justice, administrative court proceedings, Code of Administrative Judicial Procedure of the Russian Federation, Governing Senate, provincial courts, prosecutor's supervision

For citation: Efremova, E. A. The Formation of Administrative Justice in Russia: Stages and Features. StudArctic Forum. 2025, 10 (4): 86–94.

References

Ivanova N.Yu. Superior body of the administrative justice in Russian Empire (Senate reformation at the beginning of the 20th century). *Historical-Legal Problems: The New Viewpoint*, 2011, No. 4-2, pp. 170-177. (In Russ.)

Rubanik V.E., ed. *The history of the state and law of Russia before the 17th century: Textbook for universities*. Moscow, Urait, 2025, 275 p. (In Russ.)

Kodintsev A.Ya. Anatoly Koni is an active participant of the judicial reform of the Russian Empire at the beginning of the 20th century. *Herald of the Russian Law Academy*, 2022, No. 4, pp. 123-131. DOI: 10.33874/2072-9936-2022-0-4-123-131 (In Russ.)

Luparev E.B. The history of the development of administrative justice in Russia in the pre-Soviet period and contemporary perspectives of formation of administrative courts. *Journal of Administrative Proceedings*, 2016, No. 2, pp. 5-8. (In Russ.)

Panova I.V. The administrative justice. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2020, No. 2, pp. 211-229. DOI: 10.17323/2072-8166.2020.2.211.229 (In Russ.)

Pirozhkova I.G., Kartashova A.G. Quasi-judicial institutions in the legal space: Definition and approaches to definition. *Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia* , 2019, No. 3(83), pp. 49–54. DOI: 10.35750/2071-8284-2019-3-49-54 (In Russ.)

Pravdin S.A. Formation and development of administrative justice in the Russian Federation. *Young Scientist*, 2024, No. 30(529), pp. 104-107. (In Russ.)

Pravilova E.A. *Legality and individual rights: Administrative justice in Russia*. St. Petersburg, North-West Academy of Public Administration, Education – Culture, 2000, 286 p. (In Russ.)

Starilov Yu.N. The administrative justice in Russia before 1917: The development of theory and the formation of legislation. *Administrativnaya ustitsiya*, 2013. URL: https://comitasgentium.com/ru/doctrina/publichnoe/administrativnay_usticiya/administrativnaja-justicija-v-rossii-do-191/#_ftn12 (Accessed: 01.05.2025) (In Russ.)

Tsechoev V.K. *The history of Russian judicial authorities and institutions: Textbook for universities*. Moscow, Urait, 2025, 421 p. (In Russ.)

Sheikina A.A. Historical development of the institute of administrative justice in the Russian Federation. *Young Scientist*, 2025, No. 1(552), pp. 188-190. (In Russ.)

ЗАКИРОВ
Виталий Динарович

магистратура, Уральский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте Российской
Федерации (Екатеринбург, Россия),
vzakirov542@gmail.com

КОЖЕВНИКОВ
Александр Константинович

магистратура, Уральский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте Российской
Федерации (Екатеринбург, Россия),
Alex_kozh00@mail.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ПЛАТЕЖЕЙ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПРОЦЕССЫ АДМИНИСТРИРОВАНИЯ НДС В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Научный руководитель:
Мазеин Артем Владимирович

Рецензент:
Федорцова Варвара
Александровна

Статья поступила: 24.11.2025;
Принята к публикации: 15.12.2025;
Размещена в сети: 15.12.2025.

Аннотация. Стремительная цифровизация экономики и рост безналичных расчетов трансформируют налоговый контроль, создавая вызовы для администрирования НДС как основополагающего бюджетного источника. Применяются методы сравнительно-правового анализа, системного подхода и правового моделирования. Выявлены коллизии в разграничении ЭДС и ЭСП. В результате выявлены системные коллизии в разграничении ЭДС и ЭСП, предложены изменения в ФЗ № 161 для унификации момента окончательности перевода ЭДС, что позволит снизить риски отказов в вычетах, и упростить, документальное подтверждение операций.

Ключевые слова: цифровизация экономики, электронные платежи, правовое регулирование, налог на добавленную стоимость (НДС), налоговый агент, электронные услуги, национальная платежная система (НПС)

Для цитирования: Закиров В. Д., Кожевников А. К. Правовое регулирование электронных платежей и их влияние на процессы администрирования НДС в контексте цифровизации экономики // StudArctic Forum. 2025. Т. 10, № 4. С. 95–102.

При изучении правового регулирования электронных платежей и их влияния на процессы администрирования НДС в контексте цифровизации экономики, возникает вопрос о разграничении понятий «электронные денежные средства» (далее – ЭДС) и «электронные средства платежа» (далее – ЭСП). Данные понятия являются фундаментальными в понимании правовой природы механизма современных расчетов. Несмотря на законодательное закрепление данных понятий в Федеральном законе от 27 июня 2011 года № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (далее – ФЗ № 161)¹, на практике сохраняется терминологический диссонанс, приводящий к правовой неопределенности при квалификации расчетных операций, порождаемый доктринальными разнотечениями в понимании правовой природы ЭДС и ЭСП, противоречивой судебной практикой, восполняющей законодательные лакуны, а также системными коллизиями нормативного регулирования. Это в совокупности детерминирует правовую неопределенность при

квалификации расчетных операций и влечет существенные правоприменительные проблемы, включая разнородные подходы налоговых органов при администрировании НДС, повышенные риски для участников расчетов и сдерживание развития инновационных платежных сервисов, что актуализирует необходимость проведения детального доктринальского анализа правовой сущности данных понятий и выработки единообразных интерпретационных подходов [Сайферт: 57].

Целью данного исследования является выявление особенностей правового регулирования электронных платежей в российском праве и оценка их влияния на процессы администрирования НДС в условиях цифровизации экономики. Для достижения цели необходимо решить следующие задачи:

1) раскрыть правовую природу и признаки ЭДС и ЭСП, проанализировать ключевые нормы НК РФ и ФЗ № 161, влияющие на квалификацию электронных платежей для целей налогообложения;

2) определить последствия смешения понятий ЭДС и ЭСП для документального подтверждения расчетов и применения налоговых вычетов по НДС, а также сформулировать предложения по совершенствованию правового регулирования.

* * * * *

Ключевое различие между ЭДС и ЭСП лежит в плоскости их правовой природы, а именно в том, что ЭДС представляют собой денежную стоимость, в то время как ЭСП являются техническим инструментом для распоряжения этой стоимостью. Согласно п. 18 ст. 3 ФЗ № 161, электронные денежные средства – это предварительно предоставленные денежные средства, принимаемые к учету оператором без открытия банковского счета, и денежные обязательства, предназначенные для исполнения перед третьими лицами². По своей сути, ЭДС – это один из видов обязательства оператора, (например, кредитной организации), выраженный в электронной форме, которое можно использовать для расчетов. В то время как ЭСП, согласно п. 19 ст. 3 ФЗ № 161, – это инструмент, позволяющий клиенту составлять, удостоверять и передавать распоряжения в целях перевода денежных средств с использованием информационно-коммуникационных технологий. ЭСП являются своего рода «ключом» для доступа и управления средствами, будь то на банковском счете или в форме ЭДС [Лютов: 46].

В таблице 1 представлено содержательное сравнение понятий ЭДС и ЭСП по каждому из критериев.

Таблица 1
Сравнительные характеристики ЭСП и ЭДС

Критерий	ЭСП	ЭДС
Правовая природа	Технический инструмент, способ передачи распоряжений	Денежная стоимость, обязательство оператора, право требования
Определение	Средство и/или способ, позволяющие составлять, удостоверять и передавать распоряжения для перевода денежных средств согласно п. 19 ст. 3 ФЗ № 161	Предварительно предоставленные денежные средства, учитываемые без открытия банковского счета для расчетов с третьими лицами согласно п. 18 ст. 3 ФЗ № 161
Функция	Обеспечивает доступ к средствам и инициирует их перевод	Является объектом расчетов, выполняет функцию средства платежа
Материальный носитель	Электронный кошелек, банковская карта, мобильное приложение и т. д.	Не имеет, так как это учетная запись (остаток) у оператора

Правовая модель	Договор об использовании ЭСП, который регулирует порядок доступа и использования инструмента	Обязательственное право требования – то есть клиент обладает правом требовать от оператора исполнения обязательств в размере остатка ЭДС
-----------------	--	--

Представленные в таблице характеристики демонстрируют принципиальное различие правовой природы ЭСП как технико-юридического инструмента доступа и ЭДС как обязательственного права требования, что предопределяет различие их функций и правовых моделей. Указанный дуализм служит методологической основой для анализа последствий смешения понятий при администрировании НДС.

Квалификационная неопределенность в разграничении данных понятий порождает правовые риски в определении момента исполнения обязательств и документального подтверждения налоговых вычетов, что также имеет системообразующее значение для построения непротиворечивой системы правового регулирования и формирования адекватных механизмов налогового администрирования в условиях цифровой трансформации экономики.

Как показывает практика и доктрина гражданского права, ЭДС по своей правовой природе являются обязательственными правами требования клиента к оператору (кредитной организации) [Ефимова: 6]. Это означает, что, предоставляемые оператору свои денежные средства, клиент не становится собственником этой суммы на праве собственности. Вместо этого у него возникает право требовать от оператора осуществления платежей в пользу третьих лиц или возврата средств в размере, равном остатку на его электронном кошельке. Данная трактовка подтверждается в ФЗ № 161, где в ч. 4 ст. 7 прямо указано, что предоставление денежных средств оператору для перевода ЭДС не влечет возникновения обязательства оператора по их возврату, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом. Таким образом, возникает коренное отличие ЭДС от обычного банковского вклада. Понимание разницы между ЭДС и ЭСП имеет ключевое значение для корректного исчисления НДС и предотвращения споров с налоговыми органами.

Четкое понимание разницы понятий имеет прямое влияние на процессы администрирования НДС, а именно: определение момента, когда операция считается завершенной для целей исчисления НДС, а в последующем – для корректного применения вычетов и предотвращения споров с налоговыми органами [Закиров: 59]. Автоматизированная система контроля АСК НДС-3 стала революционным инструментом налогового администрирования в РФ. Внедрение АСК НДС-3 позволило увеличить собираемость НДС на 18-20 % и существенно сократить количество схем незаконного возмещения налога из бюджета [Лабунец: 175]. С 1 апреля 2025 года налогоплательщики обязаны формировать электронные счета-фактуры и универсальные передаточные документы³, что означает практически полный переход на электронный документооборот в сфере НДС⁴. Вне зависимости от условий договора о переходе права собственности, моментом определения налоговой базы по НДС при реализации товаров является именно день их отгрузки, то есть передачи. Данное правило является приоритетным, согласно п. 1 ст. 167 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ)⁵. Это означает, что обязанность начислить НДС и выставить счет-фактуру у продавца возникает в день отгрузки, даже если по договору право собственности переходит позже (например, в момент приемки товара покупателем на его складе). Также возникает вопрос: является ли операция завершенной с момента списания ЭДС с кошелька покупателя или только после их зачисления поставщику? Однозначного ответа на данный вопрос нет, однако на практике налоговые органы могут придерживаться позиции, что оплата считается произведенной с

момента, когда покупатель теряет контроль над средствами, то есть со списания как такового. Между тем возникают риски, если между списанием и зачислением возникает временной лаг, из-за чего поставщик не может подтвердить получение средств на момент возникновения вычета у покупателя. Впоследствии, например, при использовании электронного документооборота, критически важно различать дату подписания документа электронной цифровой подписью, которая фиксирует момент его юридического оформления, и дату составления документа, которая указывает на день совершения хозяйственной операции. Для целей налогообложения НДС и признания расходов по налогу на прибыль ключевое значение имеет именно дата составления документа, так как она определяет налоговый период, в котором операция должна быть учтена.

Исходя из этого, как минимум в качестве правового последствия смешения понятий возможен риск отказа в вычете НДС при несовпадении дат оплаты в документах покупателя и поставщика. Налоговый орган может отказать покупателю в вычете, если на дату заявления вычета в его декларации отсутствует подтверждение, что поставщик получил оплату. Данный риск детерминирован системным взаимодействием:

- 1) императивного требования ст. 172 НК РФ о документальном подтверждении факта оплаты как основания для применения налогового вычета;
- 2) коллизии ст. 5 ФЗ № 161, создающей правовую неопределенность в квалификации момента окончательности перевода ЭДС;
- 3) функционирования автоматизированной системы контроля АСК НДС-3, осуществляющей сверку данных контрагентов и формирующей правовые основания для требования пояснений согласно ст. 88 НК РФ при выявлении хронологических несоответствий;
- 4) сложившейся судебно-арбитражной практики, последовательно подтверждающей правомерность отказа в вычете при отсутствии надлежащего документального подтверждения реального движения денежных средств.

Все это трансформирует терминологическую нечеткость в разграничении ЭДС и ЭСП в системную правовую коллизию, обладающую конкретными фискальными последствиями через механизмы автоматизированного контроля и правоприменительной практики [Ушаков: 89]. Это может произойти, если между списанием и зачислением средств прошло время, и выписка из системы ЭДО покупателя не была принята как достаточное доказательство оплаты. Налоговые органы при проверке деклараций по НДС видят, что заявлен вычет по НДС на основании оплаты, но в декларации поставщика за тот же период отсутствует сумма к начислению, соответствующая этой оплате. Например, в системе АСК НДС-3 это фиксируется как «разрыв», и формируется автоматическое требование о предоставлении пояснений⁶. Согласно п. 10 ст. 7 ФЗ № 161, перевод ЭДС осуществляется путем одновременного принятия оператором распоряжения клиента, уменьшения остатка ЭДС плательщика и увеличения остатка ЭДС получателя средств. Данная формулировка предполагает, что списание и зачисление происходят в одной операции, технически исключая временной разрыв. Также на практике возможны задержки, особенно при переводах между различными операторами или при использовании предоплаченных карт, для которых закон прямо устанавливает срок перевода до 3 рабочих дней. Однако в п. 26 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2016 года № 54 разъяснено, что по общему правилу моментом исполнения денежного обязательства при безналичных расчетах является зачисление денежных средств на корреспондентский счет банка, обслуживающего кредитора⁷. Эта позиция, выработанная для традиционных банковских переводов, может быть применена и к ЭДС, создавая противоречие с логикой «одновременности» из ФЗ № 161.

В целом ФЗ № 161 фактически уравнивает ЭДС с другими средствами платежа, что

имеет принципиальное значение для налогового учета. Однако их правовой режим существенно отличается от традиционных денежных средств, что порождает множественные проблемы правоприменения. Организации и индивидуальные предприниматели (далее – ИП) могут рассчитываться электронными деньгами только с физическими лицами, но не с организациями и другими предпринимателями, что прямо установлено в п. 9 ст. 7 ФЗ № 161. Данное ограничение создает парадоксальную ситуацию: в условиях цифровизации экономики, когда электронные платежи становятся доминирующим способом расчетов, юридические лица и ИП искусственно исключены из использования электронных денег для взаиморасчетов между собой [Голова: 32]. Они могут:

1) получать электронные деньги от физических лиц (например, оплату за товары в интернет-магазине);

2) платить электронными денежными средствами физическим лицам (например, вознаграждение фрилансерам), но не могут рассчитываться электронными деньгами с другими юридическими лицами и ИП.

Данная правовая коллизия требует скорейшего разрешения через внесение изменений в ФЗ № 161, поскольку противоречит целям цифровизации экономики и создает необоснованные препятствия для развития предпринимательства. Актуальность данной проблемы обусловлена явным противоречием существующего правового регулирования целям цифровизации экономики и созданием необоснованных препятствий для развития предпринимательской деятельности.

* * * * *

Проведенный анализ показывает, что в настоящее время ст. 5 ФЗ № 161 прямо исключает перевод ЭДС из общего правила о безотзывности перевода с момента списания, устанавливая для них отдельный, но не определенный четко режим окончательности⁸. Это создает правовой вакuum и почву для многочисленных правоприменительных споров. В качестве научно обоснованного способа устранения данной коллизии предлагается закрепить в законодательстве момент списания средств с ЭСП плательщика в качестве момента окончательности перевода ЭДС, что является логичным и соответствует правовой природе электронных денег как предварительно предоставленного обязательства оператора. Для практической реализации данного подхода требуется внесение системных изменений в ФЗ № 161. Прежде всего, необходима модификация ст. 5 через исключение из ч. 9 упоминания об исключении перевода ЭДС из общего правила, что позволит распространить принцип безотзывности перевода с момента списания и на операции с ЭДС.

Далее требуется дополнение ч. 10 указанной статьи новой нормой, специально устанавливающей, что для перевода ЭДС окончательность перевода наступает в момент списания денежных средств с ЭСП плательщика. Параллельно необходима корректировка ст. 7, регулирующей перевод ЭДС, путем включения положения о признании момента списания ЭДС с ЭСП моментом окончательности платежа для целей исполнения обязательств плательщика перед получателем средств.

Предлагаемые изменения унифицируют подход для всех видов платежей и создадут четкий, объективно проверяемый критерий, что в конечном итоге обеспечит единство подходов в частноправовой и публично-правовой сферах, включая сферу налогообложения и администрирования НДС. В качестве ожидаемого эффекта, можно сказать, что данное изменение напрямую повлияет на налоговое администрирование в виде следующих аспектов:

1) для покупателя дата списания ЭДС станет однозначной датой оплаты, что позволит в том же налоговом периоде принять НДС к вычету, не дожидаясь подтверждения зачисления средств поставщику. Тем самым минимизируются основания для претензий налоговых органов и отказов в вычетах, вызванных временными лагами между списанием и

зачислением⁹:

2) выписка оператора ЭДС, фиксирующая факт списания, станет бесспорным доказательством оплаты. Это обеспечит принцип технологической нейтральности права, требующий равной юридической силы доказательств независимо от формы расчетов, правовой природой ЭДС как обязательства оператора, где момент списания объективно фиксирует переход права распоряжения, императивными требованиями ФЗ № 161 к обязательной фиксации операций с обеспечением неизменности и достоверности данных, потребностями АСК НДС-3 в однозначно верифицируемых доказательствах для исключения «разрывов» в цепочках прослеживания контрагентов, а также необходимостью достижения правовой определенности в квалификации момента оплаты для целей налогообложения, что в совокупности образует системное решение проблемы правовой квалификации электронных платежей и обеспечивает единство судебной и налоговой практики.

Внесение предлагаемых изменений обусловлено необходимостью адаптации национальной налоговой системы к трансформации хозяйственных отношений в условиях глобальной цифровизации, а также в целях минимизации фискальных рисков, связанных с ростом объема трансграничных операций. Прогнозируется, что реализация предложенных изменений позволит устранить правовую неопределенность в квалификации момента оплаты для целей НДС, снизить количество судебных споров и отказов в налоговых вычетах, упростить документальное подтверждение операций с ЭДС и обеспечить единство правоприменимительной практики, способствуя тем самым развитию цифровых платежных сервисов и адаптации национальной налоговой системы к вызовам цифровой экономики.

Примечания

¹ Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах: Федер. закон от 19 декабря 2023 года № 610-ФЗ: принят Государственной Думой 7 декабря 2023 года: одобрен Советом Федерации 13 декабря 2023 года // КонсультантПлюс: инф. сайт. Москва, 1997–2025. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_464804 (дата обращения: 28.10.2025).

² Российская Федерация. Законы. О национальной платежной системе: Федер. закон от 27 июня 2011 года № 161-ФЗ: принят Государственной Думой 14 июня 2011 года: одобрен Советом Федерации 22 июня 2011 года // КонсультантПлюс: инф. сайт. Москва, 1997–2025. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115625 (дата обращения: 28.10.2025).

³ С 1 апреля будет действовать только один формат представления электронного счета-фактуры // Федеральная налоговая служба: офиц. сайт. 2025, 26 марта. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/16106813/ (дата обращения: 28.10.2025).

⁴ Расхождение УПД и договора: алгоритм действий для безопасной оплаты // Прайм-1С-Екатеринбург: сайт. 2025, 23 сентября. URL: <https://1c-prime.ru/articles/rekomendatsii-novye-stati-2025/taskhozhdenie-upd-i-dogovora-algoritm-deystviy-dlya-bezopasnoy-oplaty/> (дата обращения: 28.10.2025).

⁵ Российская Федерация. Законы. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть 2: Федер. закон от 5 августа 2000 года № 117-ФЗ: одобрен Государственной Думой 19 июля 2000 года: одобрен Советом Федерации 26 июля 2000 года // КонсультантПлюс: сайт. Москва, 1997–2025. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165 (дата обращения: 28.10.2025).

⁶ Что делать с разрывом в декларации по НДС // СКБ Контур: сайт. URL: https://kontur.ru/sverkands/spravka/44574-chto_delat_s_razryvom_v_deklaraci_po_nds (дата обращения: 28.10.2025).

⁷ О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2016 года № 54 // КонсультантПлюс: инф. сайт. Москва, 1997–2025. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207545 (дата обращения: 10.10.2025).

⁸ Электронные средства платежа: проблемы правового регулирования // Всуде.РФ: сайт. URL: <https://vsude.rf/sudebnye-kejsy/banki/elektronnye-sredstva-platezha-problemy-pravovogo-regulirovaniya>

(дата обращения: 15.10.2025).

⁹ Варламова В. Как учесть «опоздавшие» расходы и вычеты НДС в 2025 году // Правовест Аудит: сайт. 2025, 5 февраля. URL: <https://pravovest-audit.ru/nashi-statii-nalogi-i-buhuchet/kak-uchest-opozdavshie-raskhody-i-vychety-nds-v-2025-godu/> (дата обращения: 15.10.2025).

Список литературы

Голова Е.Е. Цифровизация налоговых процессов как способ повышения эффективности налоговой системы России / Е.Е. Голова, И.В. Баранова // Фундаментальные исследования. 2021. № 4. С. 30-34. DOI: 10.17513/fr.42996.

Ефимова Л.Г. О правовой природе безналичных денег, цифровой валюты и цифрового рубля // Цивилист. 2022. № 4(40). С. 6-15.

Закиров В.Д. Проблемы и перспективы налогообложения цифровых товаров и услуг налогом на добавленную стоимость // StudArctic Forum. 2025. Т. 10, № 3. С. 55-62.

Лабунец Ю.Е. Налоговый контроль возмещения НДС в России и скандинавских странах на примере отраслей лесопромышленного комплекса / Ю.Е. Лабунец, И.А. Майбуров // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Т. 6, № 2. С. 168-192. DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-2-168-192.

Лютов В.А. Электронные средства платежа по законодательству России и Китая // Сравнительное правоведение в странах Азии – XV (в рамках I Азиатского юридического форума): Материалы ежегодной международной молодежной научно-практической конференции (Улан-Удэ, 27 июня 2024 г.). Улан-Удэ: Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, 2024. С. 43-48.

Сайферт Р.В. Электронные денежные средства как составная часть наследства // Administrative Consulting. 2020. Т. 6, № 1. С. 55-63.

Ушаков Р.М. АСК НДС-2 как инструмент налогового контроля и его роль в качестве средства доказывания в суде / Р.М. Ушаков, В.Н. Ситник // Закон и право. 2021. № 5. С. 88-90. DOI: 10.24412/2073-3313-2021-5-88-90.

Vitaliy D. ZAKIROV

master's degree, Ural Institute of Management – branch of RANEPA under the President of the Russian Federation (Yekaterinburg, Russia),
vzakirov542@gmail.com

**Alexander K.
KOZHEVNIKOV**

master's degree, Ural Institute of Management – branch of RANEPA under the President of the Russian Federation (Yekaterinburg, Russia),
Alex_kozh00@mail.ru

LEGAL REGULATION OF ELECTRONIC PAYMENTS AND THEIR IMPACT ON VAT ADMINISTRATION PROCESSES IN THE CONTEXT OF ECONOMY DIGITALIZATION

Scientific adviser:

Artem V. Mazein

Reviewer:

Varvara Fedortsova

Paper submitted on: 11/24/2025;

Accepted on: 12/15/2025;

Published online on: 12/15/2025.

Abstract. The rapid digitization of the economy and the growth of cashless payments are transforming tax control, creating challenges for the administration of VAT as a fundamental source of budget revenue. This study employs comparative legal analysis, a systematic approach, and legal modeling methods. As a result, it identifies systemic conflicts in the distinction between electronic money (EDS) and electronic means of payment (ESP) and puts forward proposals to amend Federal Law No. 161 to unify the moment of finality for EDS transfers. These changes aim to reduce the risk of deduction rejections and streamline the documentary verification process for transactions.

Keywords: economy digitalization, electronic payments, legal regulation, value added tax, VAT, tax agent, electronic services, national payment system, NPS

For citation: Kozhevnikov, A. K. Legal Regulation of Electronic Payments and Their Impact on VAT Administration Processes in the Context of Economy Digitalization. *StudArctic Forum*. 2025, 10 (4): 95–102.

References

- Golova E.E., Baranova I.V. Digitalization of tax processes as a way to increase the efficiency of the tax system in Russia. *Fundamental Research*, 2021, No. 4, pp. 30-34. DOI 10.17513/fr.42996 (In Russ.)
- Efimova L.G. On the legal nature of non-cash money, digital currency and digital ruble. *Civilist*, 2022, No. 4(40), pp. 6-15. (In Russ.)
- Zakirov V.D. Problems and prospects of value added taxation of digital goods and services. *StudArctic Forum*, 2025, Vol. 10, No. 3, pp. 55-62. (In Russ.)
- Labunets Yu.E., Mayburov I.A. Tax control of VAT refund in Russia and in the Scandinavian countries on the example of timber industries. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 2020, Vol. 6, No. 2, pp. 168-192. DOI 10.21684/2411-7897-2020-6-2-168-192 (In Russ.)
- Lyutov V.A. Electronic means of payment under the legislations of Russia and China. *Comparative law in Asian countries – XV (at the First Asian Legal Forum): Proceedings of the annual international youth scientific and practical conference (Ulan-Ude, June 27, 2024)*. Ulan-Ude, Dorji Banzarov Buryat State University, 2024, pp. 43-48. (In Russ.)
- Sayfert R.V. Electronic money as part of an inheritance. *Administrative Consulting*, 2020, Vol. 6, No. 1, pp. 55-63. (In Russ.)
- Ushakov R.M., Sitnik V.N. VAT-2 as a tax control tool and its role as a means of proof in court. *Law and Legislation*, 2021, No. 5, pp. 88-90. DOI 10.24412/2073-3313-2021-5-88-90 (In Russ.)

ИЛЬЧЁВ
Станислав Алексеевич

бакалавриат, Российский Государственный
Университет Правосудия имени В.М. Лебедева
(Москва, Россия),
ilyichovsa@gmail.com

ПРЕЗУМПЦИЯ СОВМЕСТНОГО ВОСПИТАНИЯ В СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ: ПРАВОВАЯ КОНСТРУКЦИЯ И МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ

Научный руководитель:

Бедретдинова Валерия
Валерьевна

Рецензент:

Слясский Дмитрий Павлович
Статья поступила: 15.10.2025;
Принята к публикации: 15.12.2025;
Размещена в сети: 15.12.2025.

Аннотация. Статья раскрывает неэффективность действующей модели определения места жительства ребёнка после развода, основанной на широком судебном усмотрении. Цель — обоснование введения опровергимой презумпции совместного воспитания. Методом сравнительно-правового и формально-юридического анализа разработаны закрытый перечень оснований опровержения и процессуальный механизм. Результат — предложения по изменению ст. 24, 65–66 СК РФ и ст. 79 ГПК РФ.

Ключевые слова: семейное право, совместное воспитание, презумпция совместной опеки, равенство родительских прав, наилучшие интересы ребёнка

Для цитирования: Ильчёв С. А. Презумпция совместного воспитания в семейном праве: правовая конструкция и механизм реализации // StudArctic Forum. 2025. Т. 10, № 4. С. 103–109.

Современная правоприменительная практика по спорам о детях после расторжения брака демонстрирует системный кризис. Широкое распространение получают случаи нарушения семейного законодательства, что требует адекватной реакции со стороны правовой системы. Как справедливо отмечают исследователи, «в последние годы широкое распространение получают случаи различных нарушений семейного законодательства» [Мазанаева: 138], и споры о детях являются одной из наиболее острых и болезненных категорий таких дел. Декларированный в статье 61 Семейного кодекса РФ (далее — СК РФ) принцип равенства прав¹ и обязанностей родителей *de facto* не реализуется, уступая место модели, при которой один родитель становится «основным», а второй — «воскресным».

Актуальность темы определяется тем, что в 94–95 % случаев ребёнок передаётся матери [Камышова: 1], что противоречит принципу равенства родителей, а законопроект № 983464-8 не устраниет судебный произвол. Цель исследования — разработка правовой модели презумпции совместного воспитания для преодоления судебного усмотрения. В задачи работы входит: обосновать необходимость презумпции; определить её правовую конструкцию и основания опровержения; разработать процессуальный механизм; сформулировать изменения в СК РФ и ГПК РФ. В исследовании используются формально-юридический, сравнительно-правовой методы, системный анализ и юридическое моделирование.

* * * * *

Недавняя попытка реформирования законодательства, выраженная в законопроекте № 983464-8², не решает ключевой проблемы. Предложенная в нем формулировка «суд может установить порядок совместного воспитания» (ст. 65.1 проекта) сохраняет концептуальный изъян действующей системы — неограниченные дискреционные полномочия суда. Фактически, правоприменитель по-прежнему будет решать вопрос исходя из своего внутреннего убеждения, а не на основе четкого правового стандарта. Представляется, что кардинальное изменение ситуации возможно лишь через смену парадигмы: от судебного усмотрения к законодательно закрепленному стандарту. Таким стандартом должна стать опровергнутая презумпция совместного воспитания, успешно апробированная в правовых системах ряда зарубежных стран.

Презумпция представляет собой фундаментальный инструмент юридической техники. В самом общем виде это «закрепленное в правовой норме предположение о наличии или отсутствии определенных юридических фактов, основанное на связи между ними и фактами наличными и подтвержденное предшествующим опытом» [Давыдова: 159]. Данный прием активно используется в различных отраслях права, однако особое значение он приобретает в сфере частноправового регулирования. Как подчеркивает С.В. Поленина, «презумпции — институт, достаточно широко распространенный в отраслевом законодательстве. Однако чаще всего он используется законодателем в сфере частного права, нормами которого регламентируются отношения, непосредственно затрагивающие права, обязанности и интересы граждан, в том числе в сфере семейных отношений» [Поленина: 460].

Семейное право России уже активно использует данный инструментарий. Наиболее яркими примерами являются презумпция отцовства (ст. 48 СК РФ), презумпция совместной собственности супругов (ст. 34 СК РФ) и презумпция согласия супруга на распоряжение общим имуществом (ст. 35 СК РФ). Их основная функция — обеспечение стабильности правоотношений, процессуальная экономия и защита интересов более слабой стороны, которой в спорах о детях, безусловно, является сам ребенок. Введение презумпции совместного воспитания логично встраивается в существующую систему, поскольку она призвана выполнять те же задачи: стабилизировать отношения ребенка с обоими родителями после развода и защитить его фундаментальное право на заботу со стороны каждого из них.

Презумпция совместного воспитания — это закрепленное в законе предположение о том, что после прекращения семейных отношений между родителями в наилучших интересах ребенка находится сохранение его полноценного и регулярного общения с каждым из них, что выражается в равном участии родителей в воспитании и примерно равном распределении времени проживания ребенка с каждым из них, если иное не доказано заинтересованной стороной.

По своей правовой природе данная презумпция является опровергимой (*prae*s*umptio iuris tantum*). Ее вероятностный характер — ключевая особенность, отличающая ее от непреложных аксиом. Как точно подмечено Н.А. Никиташиной, «презумпции как предположения вероятностные всегда могут быть опровергнуты. Другое дело, каков будет порядок этого опровержения» [Никиташина: 38]. Именно установление четкого порядка опровержения и является залогом эффективности предлагаемой конструкции.

Ключевой целью презумпции выступает защита интересов ребенка. Этот принцип является краеугольным для всего семейного законодательства, и любые правовые новеллы должны рассматриваться через его призму. Как отмечает О.Ю. Ильина, «презумпция приоритета интересов ребёнка закреплена среди других основных начал семейного законодательства, провозглашённых государством, что является выражением явно публичного интереса в регулировании семейных отношений» [Ильина: 122]. Предлагаемая

презумпция не противоречит этому началу, а, напротив, конкретизирует его, устанавливая, что в типичной ситуации наилучшим интересам ребенка соответствует именно равное участие обоих родителей в его жизни.

Бремя опровержения при таком подходе возлагается на родителя, возражающего против установления порядка совместного воспитания. Он должен представить суду ясные и убедительные доказательства того, что такой порядок будет противоречить наилучшим интересам ребенка.

Для того, чтобы презумпция не превратилась в фикцию, а судебное усмотрение не вернулось через «черный ход», необходимо сформулировать закрытый (исчерпывающий) перечень оснований для ее опровержения. Это позволит избежать расширитального толкования и защитит от укоренившихся стереотипов. Существующая практика, к сожалению, демонстрирует иное. В научной литературе давно отмечается, что «в судебной практике по спорам об определении места жительства ребенка наблюдается необоснованный перекос в пользу оставления ребенка с матерью, что не соответствует нормам и принципам семейного права» [Зыков: 92].

Предлагаемый перечень оснований для опровержения может включать:

А) угрозу безопасности ребенка: документированные случаи домашнего насилия, подтвержденные медицинские зависимости родителя (алкоголизм, наркомания), психические расстройства, препятствующие адекватному уходу;

Б) объективную невозможность: проживание родителей в разных населенных пунктах либо на значительном расстоянии от друг друга (более 70 километров или более 60 минут транспортной доступности до школы/детского сада ребёнка), либо график работы одного из родителей, объективно несовместимый с уходом за ребёнком (например, вахтовый метод);

В) добровольный отказ самого родителя от реализации модели совместного воспитания;

Г) родительское отчуждение: доказанное посредством комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы целенаправленное формирование одним родителем негативного отношения ребенка к другому родителю. Такое поведение является не просто злоупотреблением правом, а формой психологического насилия над ребенком. Подобное систематическое неисполнение родительских обязанностей, как верно указывает М.В. Громоздина, «может совершаться исключительно в форме умысла, при этом родитель ясно осознает, что таким поведением причиняет вред своему ребенку» [Громоздина: 95]. В этом случае суд должен иметь право принять решение о передаче ребенка на преимущественное воспитание родителю, ставшему жертвой отчуждения.

При этом критически важно закрепить, что не является основанием для опровержения презумпции: больший доход одного из родителей, лучшие жилищные условия, пол родителя или немотивированное заявление ребенка о нежелании общаться с родителем.

Внедрение презумпции требует перестройки процессуального алгоритма рассмотрения споров о детях.

Шаг 1: Суд *ex officio* исходит из презумпции совместного воспитания. Вопрос ставится не «почему нужно совместное воспитание?», а «существуют ли установленные законом препятствия для него?».

Шаг 2: Бремя доказывания наличия оснований из закрытого перечня (раздел 3) лежит на возражающем родителе. Суд по ходатайству этой стороны назначает необходимые экспертизы.

Шаг 3: Если основания не доказаны, суд обязан установить порядок совместного воспитания, утвердив Соглашение о воспитании (Parenting Plan).

Такое соглашение, как определяет его А.И. Тимакова, — это «договор между

разводящимися супружами об определении места жительства, порядка общения с ребенком отдельно проживающего родителя, размере и порядке выплаты алиментов» [Тимакова: 41]. В нашем контексте оно должно включать детальный график проживания, порядок несения расходов, правила принятия решений по вопросам образования и здоровья, а также процедуру разрешения будущих споров (например, обязательную медиацию). Внедрение четких механизмов необходимо, поскольку суды зачастую сталкиваются с отсутствием эффективных инструментов правовой защиты. Как отмечает Н.А. Темникова, «суды всё чаще сталкиваются с проблемой отсутствия в законе способов защиты, которые должны применяться в таких случаях» [Темникова: 105]. Разработанное и утвержденное судом Соглашение о воспитании становится таким инструментом.

Для имплементации предложенной модели необходимы точечные, но концептуально важные изменения в СК РФ и ГПК РФ.

А) В Семейный кодекс РФ — изложить п. 2 ст. 24 СК РФ в следующей редакции: «2. При расторжении брака в судебном порядке супруги вправе представить на рассмотрение суда соглашение о детях. При отсутствии такого соглашения или его несоответствии интересам детей, суд устанавливает порядок совместного воспитания обоими родителями, если иное не доказано в соответствии со статьей 65.1 настоящего Кодекса».

Дополнить СК РФ статьей 65.1 «Презумпция совместного воспитания»:

«1. При раздельном проживании родителей предполагается, что ребенок проводит с каждым из родителей примерно равное время и оба родителя в равной мере участвуют в его воспитании (презумпция совместного воспитания). Суд обязан исходить из данной презумпции, если иное не доказано заинтересованной стороной.

2. Презумпция совместного воспитания может быть опровергнута только при наличии доказательств: а) угрозы жизни, здоровью или нравственному развитию ребенка со стороны одного из родителей; б) проживания родителей в разных населенных пунктах либо на значительном расстоянии друг от друга (более 70 километров или более 60 минут транспортной доступности до образовательного учреждения ребенка); в) наличия у одного из родителей подтвержденных медицинскими документами заболеваний, препятствующих надлежащему уходу за ребенком; г) установленного судом факта систематического родительского отчуждения одним из родителей; д) добровольного отказа одного из родителей от участия в совместном воспитании.

3. Если установлено, что один из родителей систематически препятствует общению ребенка с другим родителем, создавая препятствия для исполнения судебного решения или соглашения, суд может принять решение о передаче ребенка на преимущественное воспитание родителю, чьи права нарушились». Эта мера необходима, поскольку, как показывают статистические данные, представленные Е.В. Камышовой и З.Н. Лазаревой, «в 94–95 % случаев опекуном ребенка становится мать, хотя с каждым годом все большее число российских отцов... отстаивает право на его воспитание» [Камышова: 1], что свидетельствует о системном перекосе, требующем законодательной коррекции.

Б) В Гражданский процессуальный кодекс РФ³ — дополнить ст. 79 ГПК РФ пунктом 4 следующего содержания: «4. При рассмотрении споров о воспитании детей, при наличии признаков оказания на ребенка неправомерного влияния с целью формирования негативного отношения к другому родителю, суд по своей инициативе или по ходатайству сторон обязан назначить комплексную судебную психолого-психиатрическую экспертизу».

Возможные возражения и их опровержение:

Возражение 1: «Ребенку нужна стабильность, а не скитания между домами». Ответ: стабильность для ребенка — это не статичность места, а предсказуемость и эмоциональная безопасность. Четкий график (например, неделя/неделя) более стабилен, чем редкие и часто

ссылаемые встречи. Психологические исследования показывают, что сохранение полноценных отношений с обоими родителями является ключевым фактором благополучной адаптации ребенка к разводу.

Возражение 2: «Суд потеряет гибкость, будет действовать механически». Ответ: презумпция является опровергимой, а перечень оснований для ее опровержения, хотя и закрытый, требует от суда тщательной оценки доказательств. Судебная дискреция сохраняется, но она направляется в русло доказывания конкретных, угрожающих ребенку обстоятельств, а не базируется на гендерных стереотипах.

Возражение 3: «Это невозможно при высококонфликтных родителях». Ответ: именно для высококонфликтных пар презумпция наиболее необходима, поскольку она устраниет главный предмет спора — «кто главный родитель». Конфликт часто является следствием, а не причиной борьбы за ребенка. Как отмечает Л.Ю. Фомина, наиболее травмирующей для ребенка является ситуация, «когда родители вовлекают ребенка в конфликт, пытаясь заставить его принять чью-либо сторону» [Фомина: 64]. Предлагаемый механизм, особенно норма о родительском отчуждении, направлен как раз на деэскалацию такого деструктивного поведения.

Возражение 4: «Совместное воспитание нарушит право ребёнка на образование и стабильное посещение одной школы». Ответ: презумпция опровергима именно по основанию значительного территориального удаления родителей (подп. «б» п. 2 ст. 65.1). Если родители живут далеко — график проживания строится так, чтобы ребенок посещал одно и то же образовательное учреждение (схемы 2-2-3-, неделя/неделя и др.). При доказанной невозможности ежедневного посещения одной школы презумпция опровергается, и суд устанавливает иной порядок.

* * * * *

Внедрение презумпции совместного воспитания является логичным развитием принципа равенства родительских прав, закрепленного в ст. 61 СК РФ, и наилучших интересов ребенка. Данная правовая конструкция технически реализуема через механизм опровергимой презумпции с закрытым перечнем оснований для опровержения, что смещает бремя доказывания и вводит четкий правовой стандарт взамен субъективного судебного усмотрения. Предложенные изменения в СК РФ и ГПК РФ носят точечный, но концептуальный характер, способный кардинально изменить правоприменительную практику, снизить уровень конфликтности при разводе и, что самое главное, защитить право ребенка на полноценную семью, пусть и в новых условиях раздельного проживания родителей. Дальнейшие исследования должны сосредоточиться на разработке эффективных механизмов выявления и противодействия родительскому отчуждению как основной угрозе реализации принципа совместного воспитания. Предложенные формулировки оснований для опровержения презумпции (включая критерии территориального удаления и родительского отчуждения) обладают достаточной правовой определенностью и реально ограничивают судебное усмотрение рамками закрытого перечня.

Примечания

¹ Российская Федерация. Законы. Семейный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ: принят Государственной Думой 8 декабря 1995 г.: ред. от 23 ноября 2024 г.: с изм. и доп., вступ. в силу с 5 февраля 2025 г. // КонсультантПлюс: инф. сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 15.10.2025).

² Проект Федерального закона № 983464-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Государственная Дума Федерального Собрания РФ: офиц. сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/983464-8> (дата обращения: 15.10.2025).

³ Российская Федерация. Законы. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от

14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ: принят Государственной Думой 23 октября 2002 г.: одобрен Советом Федерации 30 октября 2002 г.: ред. от 31 июля 2025 г. // СПС «КонсультантПлюс». сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 15.10.2025).

Список литературы

Громоздина М.В. Порядок осуществления родительских прав при раздельном проживании родителей: критерии установления и реальное исполнение // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5(78). С. 92-96. DOI: 10.17803/1994-1471.2017.78.5.092-096

Давыдова М.Л. Правовые презумпции в системе средств юридической техники // Юридическая техника. 2010. № 4. С. 159-170.

Зыков С.В. Совместная физическая опека или определение места жительства ребенка на паритетной основе? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 92-111. DOI: 10.17323/2072-8166.2018.1.78.92.111

Ильина О.Ю. Частноправовые и публично-правовые презумпции интересов ребёнка в семейном кодексе РФ // Бизнес в законе. 2005. № 1. С. 120-125.

Камышова Е.В. Социальная коррекция взаимоотношений детей и родственников отдельно проживающего родителя после развода / Е.В. Камышова, З.Н. Лазарева // Теория и практика общественного развития. 2018. № 1. С. 1-5. DOI: 10.24158/tipor.2018.1.5

Мазанаева А.Ю. Понятие и правовая природа семейно-правовой ответственности / А.Ю. Мазанаева, С.А. Сулейманова // Закон и право. 2025. № 4. С. 138-141. DOI: 10.24412/2073-3313-2025-4-138-141

Никиташина Н.А. Классификация презумпций в семейном праве // Lex Russica. 2018. № 3(136). С. 34-51. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.136.3.034-051

Поленина С.В. Презумпция в семейном праве: тенденции развития // Юридическая техника. 2010. № 4. С. 460-562.

Темникова Н.А. Фиктивность в семейном праве // Вестник ОмГУ. Серия «Право». 2017. № 4(53). С. 105-110. DOI: 10.25513/1990-5173.2017.4.105-110

Тимакова А.И. Права ребенка в соглашении о детях // Современная наука. 2014. № 4. С. 40-42.

Фомина Л.Ю. Влияние развода родителей на личность подростка // Ученые записки Педагогического института СГУ им. Н.Г. Чернышевского. Серия: Психология. Педагогика. 2008. № 1-2. С. 63-66.

Stanislav A. ILYICHOV

bachelor's degree, Lebedev Russian State University of Justice (Moscow, Russia),
ilyichovsa@gmail.com

THE PRESUMPTION OF JOINT PARENTING IN FAMILY LAW: LEGAL FRAMEWORK AND IMPLEMENTATION

Scientific adviser:

Valeria V. Bedretdinova

Reviewer:

Dmitry P. Slyasskiy

Paper submitted on: 10/15/2025;

Accepted on: 12/15/2025;

Published online on: 12/15/2025.

Abstract. The article highlights the shortcomings of the current broad-discretion approach to determining child's place of residence after divorce. The aim is to substantiate a rebuttable presumption of joint parenting. Through comparative and formal-legal analysis, the author establishes the basis for rebuttal and proposes a procedural framework. The findings include recommendations to amend Articles 24, 65–66 of the Family Code of the Russian Federation and Article 79 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords: family law, joint parenting, presumption of joint custody, parental equality, child's best interests

For citation: Ilyichov, S. A. The Presumption of Joint Parenting in Family Law: Legal Framework and Implementation. StudArctic Forum. 2025, 10 (4): 103–109.

References

- Gromozdina M.V. The procedure for exercising parental rights in parental separation: Criteria for implementation and enforcement. *Actual Problems of Russian Law*, 2017, No. 5(78), pp. 92-96. DOI: 10.17803/1994-1471.2017.78.5.092-096 (In Russ.)
- Davydova M.L. Legal presumptions in the system of legal technique means. *Juridical Techniques*, 2010, No. 4, pp. 159-170. (In Russ.)
- Zykov S.V. Joint physical custody or determining place of residence of the child on a parity basis? *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2018, No. 1, pp. 92-111. DOI: 10.17323/2072-8166.2018.1.78.92.111 (In Russ.)
- Ilyina O.Yu. Private law and public law presumptions of the child's interests in the Family Code of the Russian Federation. *Business in Law*, 2005, No. 1, pp. 120-125. (In Russ.)
- Kamyshova E.V., Lazareva Z.N. Social correction of relationships between children and relatives of a non-custodial parent after divorce. *Theory and Practice of Social Development*, 2018, No. 1, pp. 1-5. DOI: 10.24158/tipor.2018.1.5 (In Russ.)
- Mazanaeva A.Yu., Suleimanova S.A. Concept and legal nature of family liability. *Law and Legislation*, 2025, No. 4, pp. 138-141. DOI: 10.24412/2073-3313-2025-4-138-141 (In Russ.)
- Nikitashina N.A. Classification of presumptions in family law. *Lex Russica*, 2018, No. 3(136), pp. 34-51. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.136.3.034-051 (In Russ.)
- Polenina S.V. Presumption in family law: development trends. *Juridical Techniques*, 2010, No. 4, pp. 460-562. (In Russ.)
- Temnikova N.A. Fictitiousness in family law. *Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2017, No. 4(53), pp. 105-110. DOI: 10.25513/1990-5173.2017.4.105-110 (In Russ.)
- Timakova A.I. Rights of the child in the agreement for children. *Modern Science*, 2014, No. 4, pp. 40-42. (In Russ.)
- Fomina L.Yu. Influence of divorce of parents on development of the person of the teenager. *Uchenye zapiski Pedagogicheskogo instituta SGU im. N.G. Chernyshevskogo. Seriya: Psichologiya. Pedagogika*, 2008, No. 1-2, pp. 63-66. (In Russ.)

КОЖЕВНИКОВ
Александр Константинович

магистратура, Уральский институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте Российской
Федерации (Екатеринбург, Россия),
Alex_kozh00@mail.ru

ЦИФРОВОЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Научный руководитель:

Мазеин Артем Владимирович

Рецензент:

Ковригина Екатерина

Сергеевна

Статья поступила: 10.10.2025;

Принята к публикации: 15.12.2025;

Размещена в сети: 15.12.2025.

Аннотация. В статье анализируются актуальные проблемы создания Цифрового кодекса РФ как комплексного законодательного акта для регулирования цифровых отношений. Выявляются вызовы современной цифровизации права. Исследуются перспективы формирования единого правового пространства в сфере информационных технологий. Применяются методы сравнительно-правового анализа, системного подхода, элементы правового моделирования, анализ судебной практики и правоприменительного опыта. В результате выявлены ключевые направления развития цифрового законодательства и предложены пути решения существующих правовых коллизий.

Ключевые слова: цифровой кодекс, цифровое право, цифровизация, информационное законодательство, цифровые права, искусственный интеллект, блокчейн, смарт-контракты, правовое регулирование

Для цитирования: Кожевников А. К. Цифровой кодекс Российской Федерации: правовые вызовы и перспективы // StudArctic Forum. 2025. Т. 10, № 4. С. 110–122.

Стремительное развитие цифровых технологий в XXI веке кардинально преобразило характер общественных отношений, сформировав принципиально новую правовую реальность, требующую адекватного нормативного отклика. Сейчас Российская Федерация (далее – РФ) находится перед необходимостью формирования систематизированного правового ответа на многоплановые вызовы цифровой трансформации экономики, государственного управления и социальной жизни.

Актуальность исследования определяется многоуровневой проблематикой. Прежде всего, государству необходимо обеспечить кодификацию и систематизацию законодательства в области информационных технологий. По состоянию на 2024 год в России действует более 60 федеральных законов и несколько сотен подзаконных актов, касающихся информационной сферы, что неизбежно порождает фрагментарность, многозначность норм и противоречивость правового регулирования¹. Данное обстоятельство препятствует формированию стройной системы юридических гарантий для участников цифровых отношений. При этом цифровая экономика составляет уже 6,5 % валового внутреннего продукта России, и правовая неопределенность становится серьёзным препятствием для её ускоренного развития.

Ключевая проблема состоит в отсутствии единого систематизированного

методологического подхода к правовому регулированию цифровых отношений [Даниленко: 84], [Павлова: 4]. Существующее законодательство развивалось реактивно, в ответ на конкретные технологические вызовы и практические потребности, что привело к образованию правовых пробелов, логических противоречий между отдельными нормативными правовыми актами (далее – НПА) и недостаточности механизмов правозащиты. Уникальность и значимость исследования состоит в комплексном анализе концепции Цифрового кодекса как универсального инструмента преодоления фрагментарности цифрового законодательства и последовательного формирования единой правовой парадигмы регулирования цифровых отношений, адекватной вызовам современности.

Целью данного исследования является выявление основных правовых вызовов, теоретических основ и практических перспектив создания Цифрового кодекса РФ как системообразующего акта цифрового права, отвечающего потребностям развития цифровой экономики и защиты прав субъектов цифровых отношений. Для достижения цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) провести комплексный анализ современного состояния правового регулирования цифровых отношений в РФ, выявить и систематизировать основные проблемы, а также определить концептуальные и методологические основы построения Цифрового кодекса, разработать его предполагаемую структуру, определить круг регулируемых отношений и материально-правовых институтов;
- 2) провести сравнительно-правовой анализ международного опыта разработки и внедрения цифрового законодательства, включая опыт стран-соседей и передовых юрисдикций, а также оценить практические перспективы принятия Цифрового кодекса, выявить потенциальные вызовы и препятствия при его реализации;
- 3) разработать рекомендации по разрешению имеющихся правовых коллизий и определить направления совершенствования правоприменительной практики в сфере цифровых отношений.

Методология исследования включает применение системно-правового анализа для выявления внутренних связей между различными компонентами цифрового законодательства, а также использование сравнительно-правового метода для изучения опыта других государств. В статье присутствуют элементы правового моделирования при разработке предполагаемой структуры кодекса; анализ судебной практики и прецедентных решений, демонстрирующих необходимость реформирования; метод критического анализа действующих НПА для выявления их недостаточности, а также использование статистического и ситуационного методов при анализе фактических правоприменительных проблем.

* * * *

Правовое регулирование цифровых технологий в России формировалось на основе многоуровневой системы НПА различной иерархии. Конституционная основа регулирования закреплена в Конституции РФ, где скрыто отражены гарантии защиты информации, права на неприкосновенность частной жизни (ст. 23) и право на доступ к информации (ст. 29). Однако Конституция не содержит специализированных норм, адаптированных к цифровой среде и не предусматривает права на цифровую идентичность.

Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – ФЗ № 149) служит основополагающим базовым актом информационного законодательства. Данный закон был принят в условиях относительной стабильности технологического развития и в своё время заложил фундамент информационного права РФ. Однако стремительное развитие

технологических инноваций потребовало внесения более 60 изменений в указанный закон. Несмотря на множественные корректировки, ФЗ № 149 сохраняет внутреннюю недостаточность: дефиниции остаются абстрактными, механизмы ответственности фрагментарны, а содержание ключевых понятий поддаётся различным толкованиям в судебной практике.

Специализированные законодательные акты, появившиеся позже, включают:

1) Федеральный закон от 22 декабря 2008 года № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», который регулирует отношения, связанные с доступом граждан, организаций, общественных объединений, органов публичной власти к информации о деятельности судов в РФ;

2) Федеральный закон от 9 февраля 2009 года № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» устанавливает единый порядок доступа граждан и организаций к такой информации;

3) Федеральный закон от 6 апреля 2011 года № 63-ФЗ «Об электронной подписи» регулирует отношения в области использования электронных подписей;

4) Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных», регулирующий обработку персональной информации, однако недостаточно учитывающий специфику больших данных (Big Data) и машинного обучения;

5) Федеральный закон от 26 июля 2017 года № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» (далее – ФЗ № 187), установивший требования к защите критически важных информационных объектов.

Значительным сдвигом в правовом признании цифровых явлений стало внесение изменений в Гражданский кодекс РФ в 2019 году. Федеральным законом от 18 марта 2019 года № 34-ФЗ Гражданский кодекс был дополнен статьей 141.1, впервые закрепившей понятие «цифровые права» как обязательства и иные права, содержание и условия осуществления которых могут быть установлены только в электронной форме и которые не могут быть установлены и осуществляться иным образом. Это стало принципиально важным шагом в признании новых объектов гражданских прав и расширении материально-правовой защиты лиц.

Однако правоприменительная практика незамедлительно выявила недостаточность этого регулирования. По выводам исследователя А.А. Волоса, существующие правила статьи 141.1 Гражданского кодекса создают лишь общие ориентиры и не предусматривают специальных механизмов защиты цифровых прав при их нарушении, хищении или неправомерном использовании [Волос: 16]. Судебная практика показала, что при рассмотрении конфликтов, связанных со взломом аккаунтов, кражей электронных кошельков или незаконным распоряжением цифровыми активами, суды испытывают затруднения в применении существующих норм и часто обращаются к аналогии закона, что снижает предсказуемость судебных решений.

Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ № 259), представил первое комплексное нормативное регулирование криптовалют и иных цифровых финансовых активов. Данный закон ввёл легальное определение цифровых финансовых активов, установил порядок их учёта и обращения. Однако существенным пробелом этого закона является отсутствие норм, регулирующих смарт-контракты – самоисполняемые цифровые контракты, действующие на основе заранее запрограммированного алгоритма. Федеральный закон № 259 вообще не использует термин «смарт-контракт», что оставляет правовой режим этих инструментов в состоянии неопределенности и создаёт риск судебных конфликтов при разрешении споров об

ответственности за нарушение условий программируемых обязательств.

Новаторским подходом к регулированию цифровых инноваций стало создание специальных экспериментальных правовых режимов. Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» предусмотрел возможность установления специальных правил для тестирования инновационных технологических решений на ограниченных территориях и на определённый срок. К 2024 году данный механизм продемонстрировал значительную эффективность, особенно в сфере апробации систем искусственного интеллекта (далее – ИИ): режим «Москва» позволил провести стартап-проекты с использованием ИИ-систем в различных административных и коммерческих процессах, получив практические данные об их функционировании и выявив необходимые правовые корректировки.

Ключевым направлением защиты цифровой среды стало обеспечение кибербезопасности. Федеральный закон № 187 установил обязательные требования к защите критической информационной инфраструктуры, определил субъектов, обязанных обеспечивать эту защиту, и ввёл систему мониторинга и уведомления об инцидентах. Соответственно, Уголовный кодекс РФ был дополнен статьей 274.1, предусматривающей ответственность за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру. Однако правоприменительная практика выявила сложности в определении границ применения этой статьи, в разграничении компетенции различных правоохранительных органов и судов при рассмотрении таких дел.

Первой и наиболее фундаментальной проблемой законодательства является отсутствие единого, непротиворечивого понятийного аппарата. Ключевые термины, такие как «информационная система», получают принципиально различную трактовку в зависимости от того, в каком НПА они используются, что неминуемо порождает коллизии при правоприменении [Жернова: 19], [Апт: 66].

Утративший силу Федеральный закон от 20 февраля 1995 года № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» определял это понятие косвенно, через перечисление целей и функциональных назначений, что создавало широкое поле для интерпретаций. В действующем ФЗ № 149 информационная система определена как «совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих её обработку информационных технологий и технических средств». Это определение, казалось бы, более конкретно, однако и оно оставляет пространство для манёвра и неоднозначного толкования. В результате судебная практика и правоприменительная деятельность нередко приводят к противоречивым решениям относительно того, является ли тот или иной функциональный комплекс информационной системой в смысле законодательства, имеет ли это отношение к критической инфраструктуре и, следовательно, подлежит ли особому режиму защиты.

Ещё более остро эта проблема проявляется при попытке отнести к тому или иному правовому статусу ведомственные системы, используемые в государственном управлении. Отсутствие ясных критериев приводит к тому, что одна и та же система может классифицироваться по-разному в зависимости от позиции конкретного органа власти или судьи.

Второй системной проблемой является принципиальное отставание темпа развития законодательства от скорости технологических инноваций. Такие явления, как генеративный искусственный интеллект (системы, способные порождать новый контент на основе обучения на больших массивах данных), создают острые вопросы о правах интеллектуальной собственности на создаваемый ими контент, об ответственности за ошибки и галлюцинации нейросетей, однако законодательство остаётся молчаливым в отношении этих проблем.

Не менее важны вопросы, связанные с NFT (non-fungible tokens – невзаимозаменяемые

токены), которые оставляют открытыми правовые загадки о статусе и механизмах защиты виртуальной собственности, о применимом праве при их обороте и о способах судебной защиты прав на них.

Явление метавселенных (распределённых цифровых пространств, в которых физические лица и юридические лица могут взаимодействовать через аватары) стирает границы между реальным и цифровым миром, ставя перед правом вопросы о статусе отношений, возникающих в этих пространствах, о юрисдикции и применимом праве [Джендубаева: 107]. Неясно, подлежат ли обычному правовому регулированию контракты, заключённые в метавселенной, или они требуют специального регулирования.

По оценкам экспертов, проникновение высокотехнологичных решений в сферу правоприменения не превышает 15 %², что красноречиво свидетельствует о масштабе отставания судебной и правоохранительной систем от требований времени.

Третья системная проблема вытекает из глобальной, трансграничной природы цифровой среды [Ситников: 51], [Полежаев: 199]. Большинство значимых цифровых платформ, сервисов и технологий контролируются международными корпорациями, часто зарегистрированными в юрисдикциях, находящихся за пределами РФ. Это порождает острые вопросы об определении применимого права, о международной юрисдикции и о механизмах признания и исполнения судебных решений.

Яркой и показательной иллюстрацией данного вызова стал конфликт с Google. В 2022–2024 годах российские суды наложили на компанию Google значительные административные штрафы за неповиновение требованиям российского законодательства относительно удаления запрещённого контента³. Google оспорил данные штрафы, апеллируя к своему статусу как компании, зарегистрированной в США, и утверждая, что российское законодательство о защите информации выходит за пределы должного применения.

Международный арбитражный суд в Великобритании, рассмотрев спор в 2024 году, постановил, что действия России представляют собой форму «согласованной стратегии международного принуждения» и признал наложенные штрафы несоответствующими нормам международного права. Позже, в январе 2025 года, Высокий суд Англии и Уэльса издал решение, запрещающее российским телеканалам (RT и другим) судиться с Google по вопросу о блокировке их YouTube-каналов, согласившись с позицией, что такие споры должны регулироваться британским законодательством, а не российским. Эти решения наглядно демонстрируют, как национальное право сталкивается с сопротивлением глобальных цифровых платформ, а попытки регулирования превращаются в инструмент политico-правового противостояния, что требует принципиально иного подхода к формированию правовой базы.

Идея создания Цифрового кодекса была впервые предложена в рамках Стратегии развития отрасли связи РФ на период до 2035 года, утверждённой Распоряжением Правительства РФ от 24.11.2023 № 3339-р. Согласно концептуальному видению Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ (далее – Минцифры), кодекс должен был стать «комплексным сводом всего законодательного регулирования, которое касается вопросов цифровизации, развития и использования цифровых технологий, защиты данных, цифровых прав и цифровой безопасности»⁴. По первоначальному плану Минцифры, первая версия проекта была запланирована на представление в середине 2025 года, при этом внесение его в Государственную Думу РФ планировалось на конец 2025 года.

Однако реализация этого проекта встретила значительное препятствие. В декабре 2023 года Совет при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства рассмотрел концепцию Цифрового кодекса и не поддержал инициативу,

указав на серьёзные проблемы нечеткости предмета регулирования, неопределенности с границами применения кодекса и сомнения в целесообразности кодификации в условиях динамичного развития технологий⁵. Несмотря на скептицизм, практическая разработка проекта продолжалась. На основе пояснительных материалов и проектных документов можно реконструировать предполагаемую структуру кодекса.

Общая часть должна содержать:

- базовые принципы цифрового права (технологическая нейтральность, открытость и прозрачность алгоритмов, минимизация вмешательства в приватность, цифровой суверенитет);
- единый понятийный аппарат и систему дефиниций, применимую ко всем сферам цифрового права;
- основания и порядок установления правового статуса субъектов цифровых отношений (разработчиков, операторов, пользователей, администраторов систем);
- общие механизмы защиты прав и ответственности в цифровой среде.

Особенная часть планировалась для регулирования специфических институтов и технологий:

- ИИ (определение правового статуса ИИ-систем, механизмы их сертификации, установление режимов ответственности за решения, принимаемые ИИ-системами, принципы этичного и безопасного использования);
- блокчейн и распределённые реестры (правовой режим криптографических подписей, определение статуса смарт-контрактов как юридически признанных инструментов);
- большие данные (регулирование сбора, обработки, хранения и использования больших объёмов информации, баланс между инновационным использованием данных и защитой приватности);
- интернет вещей (правовой режим устройств, автоматически генерирующих и передающих данные, вопросы их ответственности);
- цифровые товары и услуги (механизмы защиты потребителей в цифровой среде, регулирование цифровых платформ);
- киберпреступность и кибербезопасность (уточнение ответственности за различные формы незаконного воздействия на цифровые инфраструктуры).

Практический прогресс в разработке цифрового законодательства был достигнут в других странах. 18 июня 2025 года Парламент Кыргызской Республики принял Закон о Цифровом кодексе (закон КР от 31 июля 2025 года № 178), который стал первым в пространстве СНГ полнофункциональным кодификационным актом в этой сфере⁶. Кыргызский кодекс включает комплексное регулирование цифровых отношений, определяет статус цифровых прав, устанавливает правила для ИИ и смарт-контрактов.

В Азербайджанской Республике и Республике Казахстан проекты цифровых кодексов находятся в расширенной стадии разработки и уже прошли обсуждение на уровне правительственные органов. В Республике Узбекистан кодекс находится на завершающей стадии подготовки и готов к внедрению в законодательную практику.

На международном уровне наблюдается динамичное развитие подходов к цифровому регулированию. Европейский Союз разработал и принял несколько комплексных актов:

- 1) AI Act (закон об искусственном интеллекте, вступивший в силу в 2024 году) устанавливает дифференцированный режим регулирования в зависимости от степени риска ИИ-систем;
- 2) Digital Services Act регулирует деятельность цифровых платформ и устанавливает ответственность за контент;
- 3) Digital Markets Act адресован доминирующему цифровым платформам и

ограничивает их антисоревновательное поведение.

Сингапур принял Model AI Governance Framework, предусматривающий гибкий подход к регулированию ИИ с учётом его конкретного применения. Этот документ получил широкое признание в качестве образца регулирования, адаптивного к быстро меняющимся технологиям.

Важным результатом стало принятие Генеральной Ассамблей ООН в сентябре 2024 года Глобального цифрового договора (Global Digital Compact), который устанавливает международные стандарты для цифрового управления и защиты цифровых прав. Этот документ подчёркивает необходимость баланса между инновациями и защитой прав человека в цифровой среде.

На межпарламентском уровне была разработана инициатива Межпарламентской Ассамблей государств – участников СНГ, которая приняла Модельный закон «О цифровых правах» (Постановление МПА № 55-12 от 14 апреля 2023 года). Закон определяет смарт-контракт как «основанный на заранее сформированном алгоритме действий способ заключения соглашения, позволяющий автоматически обеспечить и исполнить обязательство в информационной системе, а в случаях, установленных в правилах информационной системы, – также разрешить возникший спор, установить юридические факты или совершить иные действия». Данное определение может служить основой для унификации подходов в пространстве СНГ.

Первым и основополагающим элементом Цифрового кодекса должен служить единый понятийный аппарат, который устранит существующую терминологическую путаницу. Необходимо установить универсальную систему дефиниций, применимых во всех сферах цифрового права и признанных всеми органами государственной власти, судами и правоприменителями [Имгрунт: 130]. Такой аппарат должен включать:

- определение информационных систем, учитывающее их многообразие и функциональное назначение;
- ясные дефиниции цифровых прав, цифровых активов и цифровых товаров;
- определение понятий, связанных с ИИ, включая определение степеней автономности систем;
- унификацию правил, касающихся смарт-контрактов и других программируемых инструментов;
- устранение противоречивости в определении субъектов цифровых отношений.

На фундаменте единого понятийного аппарата должны быть выстроены базовые принципы цифрового права, которые будут направлять применение всех норм кодекса. Технологическая нейтральность означает, что правовые нормы должны быть сформулированы таким образом, чтобы они оставались применимы независимо от конкретной технологии или платформы, на которой они реализуются. Это позволит избежать устаревания законодательства по мере появления новых технологических решений. Принцип открытости и прозрачности алгоритмов предусматривает, что при использовании ИИ-систем для принятия решений, касающихся прав и интересов граждан, должна быть обеспечена возможность понимания основ таких решений и механизмов их принятия [Харитонова: 350]. Это особенно актуально для государственных органов при применении ИИ в сфере правосудия, социального обеспечения и иных значимых сфер.

Зашита прав человека в цифровой среде как ключевой принцип предполагает создание механизмов защиты от дискриминации, от неправомерного сбора и использования персональных данных, от алгоритмического манипулирования и иных форм нарушения прав в цифровой среде. Цифровой суверенитет предусматривает право государства устанавливать собственные правила функционирования цифровой инфраструктуры на его территории,

защиту критической информационной инфраструктуры и недопустимость подчинения национальной цифровой среды иностранному политическому влиянию [Усольцев: 149]. Защита данных и конфиденциальности конкретизирует обязанность операторов обеспечивать безопасность персональных данных, минимизировать их сбор и использование только в целях, санкционированных субъектами данных [Алексеева: 238].

Отдельный и существенный раздел Цифрового кодекса должен быть посвящен правовому регулированию ИИ: он определит правовой статус ИИ-систем, установит механизмы ответственности за их решения и закрепит принципы этичного использования. Опыт экспериментального правового регулирования ИИ в Москве может стать важной основой для формирования федеральных норм.

Еще одним критически важным элементом должно стать закрепление правового режима смарт-контрактов. Кодекс должен дать чёткое определение смарт-контракта и установить юридически признанные правила заключения, исполнения и ответственности при нарушении условий смарт-контрактов.

На этапе разработки законопроекта № 419059-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и иные законодательные акты Российской Федерации в части развития цифровой экономики» было предложено определить смарт-контракт как «договор в электронной форме, исполнение прав и обязательств по которому осуществляется путём совершения в автоматическом порядке цифровых транзакций в распределённом реестре цифровых транзакций». Несмотря на обоснованность этого определения, оно было исключено из финальной версии закона, оставив правовой статус смарт-контрактов в состоянии неопределённости.

Международный опыт демонстрирует различные подходы к этому явлению. В отдельных штатах США (особенно в Вайоминге) смарт-контракты получили статус юридически признанных инструментов, и суды применяют стандартные контрактные доктрины к их рассмотрению [Отабоев: 939]. Закон Blockchain Technology Act штата Иллинойс содержит специальные положения о признании блокчейна и связанных с ним инструментов [Ефимова: 82]. Модельный закон Межпарламентской Ассамблеи СНГ предусматривает детальное регулирование, включая возможность автоматического разрешения споров через ИИ-системы, встроенные в смарт-контракты.

Отдельная глава Цифрового кодекса должна быть посвящена защите прав человека в цифровой среде [Морозова: 1394], включая:

- право на цифровую идентичность (право каждого лица контролировать использование своего имени, образа, голоса и других идентификационных характеристик в цифровой среде, включая право требовать удаления персональных данных) [Sullivan: 723];

- защиту от алгоритмической дискриминации (запрет на использование алгоритмов и ИИ-систем, которые приводят к дискриминации по признакам расы, национальности, пола, возраста, инвалидности или иным защищённым характеристикам) [Wang: 1320277.].

- защиту от дипфейков (установление ответственности за создание и распространение синтетического контента (дипфейков), используемого для клеветы, фальсификации или введения в заблуждение). Примером передового подхода является закон, принятый в Дании для борьбы с дипфейками. Этот закон гарантирует гражданам исключительные права на использование своего образа, голоса и уникальных черт лица в цифровом пространстве и предусматривает строгую ответственность за неправомерное создание и распространение синтетического контента, использующего личную идентификацию лица⁷.

Ключевым и, пожалуй, наиболее серьёзным вызовом при создании Цифрового кодекса является принципиальное расхождение между скоростью развития технологий и инертностью традиционного законодательного процесса. Цифровая среда меняется

стремительно – новые технологии появляются и распространяются в течение месяцев или даже недель. В то же время внесение изменений в кодификационный акт требует длительного парламентского процесса, согласований между различными органами власти и заинтересованными сторонами.

Второй значительный вызов состоит в том, что цифровые отношения носят ярко выраженный межотраслевой характер. Они пронизывают гражданское право (контракты, собственность, интеллектуальные права), административное право (государственное управление, лицензирование), уголовное право (киберпреступность), трудовое право (телефорум, использование ИИ в управлении трудом), налоговое право (определение налоговой базы цифровых платформ) и другие отрасли. Создание специализированного «Цифрового кодекса» порождает сложность в определении чётких границ его предмета регулирования. Кодекс не должен превращаться ни в источник пробелов (там, где его нормы не охватывают какой-то аспект цифровых отношений), ни в источник конфликтов норм (когда норма кодекса противоречит нормам других отраслей).

Третий вызов связан с глобальной, трансграничной природой цифровой среды. Разработка Цифрового кодекса требует внимательного учёта растущего массива международных стандартов, саморегулирования в сфере интернета (ICANN – Internet Corporation for Assigned Names and Numbers, IETF – Internet Engineering Task Force и иные организации) и обеспечения совместимости с зарубежным законодательством. Одновременно крайне важно сохранить национальный цифровой суверенитет и не допустить прямого переноса чуждых правовых моделей, разработанных для условий иных государств.

Четвёртый вызов вытекает из того, что реализация проекта Цифрового кодекса неминуемо породит комплексные коллизии с актуальным законодательством, которое развивалось спонтанно и содержит множество специальных норм, регулирующих отдельные аспекты цифровой среды.

Пятый, идеологический вызов вытекает из обоснованного скептицизма, существующего в научной среде относительно самой целесообразности создания Цифрового кодекса. Как отмечает известный специалист по цифровому праву М.А. Рожкова, существует аргументированное мнение «об отсутствии необходимости в создании Цифрового кодекса, поскольку не получится закрепить все нормы цифрового права в одном кодификационном акте» [Рожкова: 3]. Эта критика основана на наблюдении, что цифровые отношения характеризуются высокой динамичностью, множественностью форм и постоянным появлением новых явлений, которые невозможно полностью предусмотреть в едином кодексе.

Интеграция технологий ИИ в судебные системы стала глобальной тенденцией, демонстрирующей практическую необходимость создания адекватного правового регулирования [Володин: 86].

В Эстонии используются ИИ-алгоритмы для автоматизации рассмотрения мелких исков, включая споры по потребительским кредитам. Система анализирует информацию по делу, формирует проекты судебных решений и предоставляет их судье для утверждения. Эта практика показала возможность разгрузить судебную систему от рутинной работы при сохранении контроля судей над результатами.

В Китае функционирует система «умных судов» (smart courts), где ИИ используется практически при вынесении каждого вердикта. Система проверяет наличие ссылок на соответствующие законы и НПА, разрабатывает проекты юридических документов, выявляет ошибки и иные проблемы судебных постановлений. Такой подход позволил значительно повысить качество и консистентность судебных решений.

В Германии ИИ-системы используются для систематизации процессуальных

алгоритмов, анализа, создания и архивирования текстов судебных решений, а также для управления и распределения накопившихся дел по очередности рассмотрения [Черепанова: 4884]. Это позволило повысить эффективность работы судов и снизить сроки рассмотрения дел.

В России процесс цифровизации правосудия идёт более медленными темпами, но пребывает в фазе интенсивного развития. По данным статистики на 2024 год, объём подаваемых в электронном виде документов в арбитражные суды вырос в 20,5 раза по сравнению с предыдущими годами⁸. Это свидетельствует о резко возросшем проникновении цифровых инструментов в судебный процесс.

* * * *

Создание Цифрового кодекса РФ представляет собой амбициозный, многоаспектный проект, направленный на формирование системного и непротиворечивого правового регулирования цифровых отношений. Проведённый анализ ясно демонстрирует, что существующая высокая степень фрагментарности и рассредоточенности законодательства создаёт серьёзные препятствия не только для развития цифровой экономики, но и для адекватной защиты прав и интересов участников цифровых отношений.

Исследование выявило три системные проблемы, обосновывающие необходимость кодификации:

1) Терминологическая неопределённость, приводящая к разнотениям в правоприменении и судебной практике, что снижает предсказуемость юридических последствий для частных лиц и организаций.

2) Технологическое отставание законодательства, при котором такие явления, как генеративный ИИ, NFT, метавселенные и иные инновации остаются вне чёткого правового регулирования, создавая риски для инвесторов и пользователей.

3) Юрисдикционные конфликты в глобальной цифровой среде, где национальные права вступают в противоречие с деятельностью иностранных платформ и международных корпораций, требуя нового подхода к разрешению споров.

При этом перспективы создания кодекса связаны с формированием единого правового пространства, развитием экспериментального регулирования и цифровизацией правоприменительной практики.

Успех проекта Цифрового кодекса будет зависеть от способности законодателя создать гибкий и адаптивный правовой инструмент, способный эффективно регулировать динамично развивающиеся цифровые отношения при сохранении фундаментальных правовых принципов и конституционных гарантий. Реализация концепции Цифрового кодекса может стать важным стратегическим шагом в формировании современной правовой системы, адекватной вызовам цифровой эпохи, которая способна внести значительный вклад в устойчивое развитие российской цифровой экономики, повышение уровня правовой защиты граждан и организаций в цифровой среде и укрепление позиций России как современного государства, адекватно реагирующего на вызовы информационного века.

Примечания

¹ Цифровой кодекс: как будет выглядеть новая концепция регулирования ИКТ // ПАО Сбербанк: сайт. 2024, 23 мая. URL: <https://sber.pro/publication/tsifrovoi-kodeks-kak-budet-viglyadet-novaya-konseptsiya-regulirovaniya-ikt/> (дата обращения: 10.10.2025).

² Как LegalTech-технологии помогают юристам в работе // Лигал Академия: сайт. 2023, 3 августа. URL : <https://legalacademy.ru/sphere/post/kak-legaltech-tehnologii-pomogayut-yuristam-v-rabote> (дата обращения: 10.10.2025).

³ Афонин А. Google оспорил российский штраф на 2 ундециллиона рублей // Газета.Ру: инф. сайт. 2025, 23 января. URL: <https://www.gazeta.ru/tech/news/2025/01/23/24904952.shtml> (дата обращения:

10.10.2025).

⁴ Минцифры планирует представить проект Цифрового кодекса в середине 2025 года // Interfax: инф. сайт. 2024, 28 мая. URL: <https://www.interfax.ru/russia/962612> (дата обращения: 10.10.2025).

⁵ Цифра не дотянула до кодекса // Коммерсантъ: инф. сайт. 2023, 15 декабря. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6397720?utm_source=Securitylab.ru (дата обращения: 10.10.2025).

⁶ Кыргызская Республика. Законы. Цифровой кодекс Кыргызской Республики: Закон Кыргызской Республики от 31 июля 2025 года № 178 // Министерство Юстиции Кыргызской Республики: офиц. сайт. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/3-48/edition/35412/ru> (дата обращения: 10.10.2025).

⁷ Jacobs S. Landmark deepfake law aims to give Denmark's citizens rights over their image, voice, and likeness // TechSpot: website. 2025, June 28. URL: <https://www.techspot.com/news/108485-landmark-deepfake-law-aims-give-danish-citizens-legal.html> (date of access: 10.10.2025).

⁸ 3 из 4 документов подаются в арбитражные суды РФ онлайн через сервис «Мой арбитр» // Правовые новости: инф. сайт. 2024, 24 апреля. URL: <https://pravo.ru/news/252757/> (дата обращения: 10.10.2025).

Список литературы

Алексеева Ю.С. Принципы защиты цифрового суверенитета государства // Трансформация механизма государства в период становления и развития инновационного электронного государства: сб. статей. Минск: Белорусский государственный экономический университет, 2024. С. 237-240.

Апт Л.Ф. Основные черты понятийного аппарата информационного законодательства / Л.Ф. Апт, А.Г. Ветров // Правовая информатика. 2018. № 2. С. 65-73.

Володин Е.А. Особенности внедрения искусственного интеллекта в судебные процессы: автоматизация и цифровизация правоприменения // Юридическая наука. 2025. № 4. С. 85-89.

Волос А.А. Цифровые права: некоторые проблемы толкования правил статьи 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации // Банковское право. 2024. № 3. С. 16-23. DOI: 10.18572/1812-3945-2024-3-16-23

Даниленко И.М. Проблемы регулирования цифровых прав в Российской Федерации // Гуманитарный научный вестник. 2024. № 6. С. 82-87. DOI: 10.5281/zenodo.12686039

Джендубаева С.А. Искусственный интеллект и метавселенные: правовое регулирование и перспективы интеграции // Проблемы экономики и юридической практики. 2024. Т. 20, № 3. С. 100-108.

Ефимова Л.Г. Сравнительный анализ доктринальных концепций правового регулирования смарт-контрактов в России и зарубежных странах / Л.Г. Ефимова, И.Е. Михеева, Д.В. Чуб // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 79-105. DOI: 10.17323/2072-8166.2020.4.78.105

Жернова В.М. Правовой режим информационных систем: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2017. 213 с.

Имгрунт С.И. Правовое регулирование в условиях цифровизации: проблемы и перспективы // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 129-134. DOI: 10.22394/2074-7306-2022-1-2-129-134

Морозова С.С. Защита прав граждан современной России в цифровую эпоху: политico-правовой анализ / С.С. Морозова, Ю.Г. Смирнова // Креативная экономика. 2024. Т. 18, № 6. С. 1375-1394. DOI: 10.18334/ce.18.6.121082

Отабоев Н.О. Смарт контракты в электронном правительстве // Экономика и социум. 2023. № 6-1(109). С. 937-942.

Павлова Д.А. Цифровые права как объект частноправового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2025. 210 с.

Полежаев О.А. Личные неимущественные права автора в контексте NFT: проблемы юридической квалификации и новая парадигма // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2024. № 4(46). С. 196-201. DOI: 10.58741/23134852_2024_4_17

Рожкова М.А. Является ли цифровое право отраслью права и ожидать ли появления цифрового кодекса? // Хозяйство и право. 2020. № 4(519). С. 3-12.

Ситников М.С. Право и метавселенная: некоторые вопросы теории и практики // Цифровое право. 2023. Т. 4, № 3. С. 51-71. DOI: 10.38044/2686-9136-2023-4-3-2

Усольцев А.Е. Концептуальные основы и принципы Цифрового кодекса России // Молодой ученый. 2025. № 36(587). С. 149-152.

Харитонова Ю.С. Правовые средства обеспечения принципа прозрачности искусственного интеллекта // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Т. 1, № 2. С. 337-358. DOI: 10.21202/jdtl.2023.14

Черепанова А.С. Цифровизация судебных процессов: опыт различных стран // Научный аспект. 2024. Т. 36, № 5. С. 4882-4887.

Sullivan C. Digital identity – From emergent legal concept to new reality // Computer Law & Security Review. 2018. Vol. 34, № 4. P. 723-731.

Wang X. Algorithmic discrimination: examining its types and regulatory measures with emphasis on US legal practices / X. Wang, Y.C. Wu, X. Ji, H. Fu // Frontiers in Artificial Intelligence. 2024. Vol. 7. P. 1320277.

Law

**Alexander K.
KOZHEVNIKOV**

master's degree, Ural Institute of Management – branch of RANEPA under the President of the Russian Federation (Yekaterinburg, Russia),
Alex_kozh00@mail.ru

DIGITAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: LEGAL CHALLENGES AND PROSPECTS

Scientific adviser:

Artem V. Mazein

Reviewer:

Ekaterina Kovrigina

Paper submitted on: 10/10/2025;

Accepted on: 12/15/2025;

Published online on: 12/15/2025.

Abstract. The article examines current challenges related to the creation of the Digital Code of the Russian Federation as a comprehensive legislative framework for regulating digital relations. It issues arising from the modernization of legal regulation in the digital era and assesses the prospects for establishing a unified legal space in the field of information technology. The study employs comparative legal analysis, a systematic approach, legal modeling techniques, and a review of judicial practice and law enforcement experience. As a result, the paper identifies key areas for the advancement of digital legislation and proposes potential solutions to existing legal conflicts.

Keywords: digital code, digital law, digitization, information law, digital rights, artificial intelligence, blockchain, smart contracts, legal regulation

For citation: Kozhevnikov, A. K. Digital Code of the Russian Federation: Legal Challenges and Prospects. StudArctic Forum. 2025, 10 (4): 110–122.

References

Alekseeva Yu.S. Principles of protecting the digital sovereignty of the state. *Transformation of the state mechanism during the formation and development of an innovative electronic state: Collection of articles*. Minsk, Belarusian State Economic University, 2024, pp. 237-240. (In Russ.)

Apt L.F., Vetrov A.G. The main features of the conceptual framework of information technology laws. *Legal Informatics*, 2018, No. 2, pp. 65-73. (In Russ.)

Volodin E.A. Features of the introduction of artificial intelligence in lawsuits: automation and digitalization of law enforcement. *Legal Science*, 2025, No. 4, pp. 85-89. (In Russ.)

Volos A.A. Digital rights: certain problems of interpretation of provisions of Article 141.1 of the Civil Code of the Russian Federation. *Banking Law*, 2024, No. 3, pp. 16-23. DOI 10.18572/1812-3945-2024-3-16-23 (In Russ.)

Danilenko I.M. Problems of regulation of digital rights in the Russian Federation. *Humanitarian Scientific Bulletin*, 2024, No. 6, pp. 82-87. DOI 10.5281/zenodo.12686039 (In Russ.)

Dzhendubaeva S.A. Artificial intelligence and metaverses: Legal regulation and prospects for integration. *Economic Problems and Legal Practice*, 2024, Vol. 20, No. 3, pp. 100-108. (In Russ.)

Efimova L.G., Mikheeva I.E, et al. Comparative analysis of doctrinal concepts of legal regulating smart contracts in Russia and foreign states. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2020, No. 4, pp. 79-105. DOI 10.17323/2072-8166.2020.4.78.105 (In Russ.)

Zhernova V.M. *Legal regime of information systems*. Candidate's thesis (Law). Chelyabinsk, 2017, 213 p. (In Russ.)

Imgrunt S.I. Legal regulation in the context of digitalization: Problems and prospects. *North Caucasus Legal Vestnik*, 2022, No. 2, pp. 129-134. DOI 10.22394/2074-7306-2022-1-2-129-134 (In Russ.)

Morozova S.S., Smirnova Yu.G. Protecting citizens' rights in modern Russia in the digital age: political and legal analysis. *Creative Economy*, 2024, Vol. 18, No. 6, pp. 1375-1394. DOI 10.18334/ce.18.6.121082 (In Russ.)

Otaboev N.O. Smart contracts in electronic government. *Economics and Society*, 2023, No. 6-1(109), pp. 937-942. (In Russ.)

Pavlova D.A. *Digital rights as an object of private law regulation*. Candidate's thesis (Law). St. Petersburg, 2025, 210 p. (In Russ.)

Polezhaev O.A. Personal non-property rights of the author in the context of NFT: problems of legal qualification and a new paradigm. *Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam*, 2024, No. 4(46), pp. 196-201. DOI 10.58741/23134852_2024_4_17 (In Russ.)

Rozhkova M.A. Is digital law a branch of law, and should we expect the emergence of a digital code? *Economy and Law*, 2020, No. 4(519), pp. 3-12. (In Russ.)

Sitnikov M.S. Law and the Metaverse: Selected issues in theory and practice. *Digital Law Journal*, 2023, Vol. 4, No. 3, pp. 51-71. DOI 10.38044/2686-9136-2023-4-3-2 (In Russ.)

Usoltsev A.E. Conceptual foundations and principles of the Russian Digital Code. *Young Scientist*, 2025, No. 36(587), pp. 149-152. (In Russ.)

Kharitonova Yu.S. Legal means of providing the principle of transparency of the artificial intelligence. *Journal of Digital Technologies and Law*, 2023, Vol. 1, No. 2, pp. 337-358. DOI 10.21202/jdtl.2023.14 (In Russ.)

Cherepanova A.S. Digitization of court proceedings: Experience of different countries. *Nauchnyi aspekt*, 2024, Vol. 36, No. 5, pp. 4882-4887. (In Russ.)

Sullivan C. Digital identity – From emergent legal concept to new reality. *Computer Law & Security Review*, 2018, Vol. 34, No. 4, pp. 723-731.

Wang X., Wu Y.C., et al. Algorithmic discrimination: examining its types and regulatory measures with emphasis on US legal practices. *Frontiers in Artificial Intelligence*, 2024, Vol. 7, p. 1320277.

НЕЧАЕВ
Владимир Сергеевич

магистратура, Петрозаводский государственный
университет (Петрозаводск, Россия),
vlsnechaev@gmail.com

СОГЛАСИЕ НА ОБРАБОТКУ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ: АНАЛИЗ ИЗМЕНЕНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Научный руководитель:

Уханова Анна Павловна

Рецензент:

Голенок Светлана

Геннадиевна

Статья поступила: 14.11.2025;

Принята к публикации: 15.12.2025;

Размещена в сети: 15.12.2025.

Аннотация. В данной публикации отражен взгляд автора на некоторые изменения законодательства в области обработки персональных данных. В частности, проводится анализ последних новшеств, вступивших в силу в сентябре 2025 года, касательно «отдельности» согласия на обработку персональных данных от иных документов и информации. Рассматривается вопрос наличия в КоАП соответствующих санкций. Автор отмечает положительную тенденцию отечественного законодательства в сфере обработки персональных данных к своевременному обновлению в ответ на изменяющиеся обстоятельства и новые потребности в регулировании.

Ключевые слова: персональные данные, распространение персональных данных, согласие на обработку персональных данных, оператор персональных данных, субъект персональных данных, административная ответственность

Для цитирования: Нечаев В. Согласие на обработку персональных данных: анализ изменений законодательства // StudArctic Forum. 2025. Т. 10, № 4. С. 123–130.

Современный мир постоянно меняется, общественные отношения претерпевают изменения под влиянием цифровизации и непрерывного развития технологий. Указанные изменения находят своё отражение, в том числе в законодательстве. Одной из бесспорно важнейших областей изменяющихся правоотношений является регулирование в области обработки персональных данных. В частности, процесс получения согласия на обработку персональных данных постоянно адаптируется к новым реалиям. Целью данной статьи является анализ соответствия недавних изменений законодательства требованиям современных обстоятельств в контексте получения оператором персональных данных согласия на обработку персональных данных от субъекта, и выявление возможных правовых неопределенностей в указанной сфере. Достижение поставленной в статье цели обеспечивается путём использования метода научного анализа, сравнительно-правового и формально-юридического методов.

* * * * *

Одним из наиболее важных аспектов правоотношений, связанных с обработкой персональных данных, является вопрос получения операторами согласия на обработку персональных данных. Именно согласие является правовым основанием обработки персональных данных в случаях, когда такая обработка прямо не предусмотрена

требованиями законодательства. От правильности оформления согласия напрямую зависит дальнейшая правомерность обработки персональных данных. Указанное основание обработки персональных данных определено в пункте 1 части 1 статьи 6 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее – Федеральный закон № 152-ФЗ¹).

Требования к порядку оформления и содержанию согласия на обработку персональных данных установлены статьей 9 Федерального закона № 152-ФЗ. По общему правилу, закрепленному частью 1 статьи 9 Федерального закона № 152-ФЗ, согласие на обработку персональных данных может быть дано в любой позволяющей подтвердить факт его получения форме, если иное не установлено федеральным законом. Однако большинство операторов предпочитают оформлять согласие на обработку персональных данных в письменном виде (важно разграничивать с понятием «письменной формы», закрепленном в части 4 статьи 9 Федерального закона № 152-ФЗ), чтобы в дальнейшем иметь возможность при необходимости предоставить доказательство его получения. Как отметили в своей работе исследователи Е.В. Петрова и Д.А. Акопян: беспрогрышный для оператора вариант – письменное согласие субъекта [Петрова: 3].

Вместе с тем в отдельных случаях Федеральный закон № 152-ФЗ напрямую устанавливает требования о необходимости получения согласия в письменной форме, в частности в отношении специальных категорий персональных данных (пункт 1 части 2 статьи 10), биометрических персональных данных (часть 2 статьи 11), обработки персональных данных, разрешенных субъектом персональных данных для распространения (статья 10.1), а также при принятии решений на основании исключительно автоматизированной обработки их персональных данных (статья 16). При этом важно отметить, что в данных случаях к содержанию согласия предъявляются требования, установленные частью 4 статьи 9 Федерального закона № 152-ФЗ (определен закрытый перечень сведений, которые необходимо внести в текст согласия).

Действовавшая до недавнего времени редакция Федерального закона № 152-ФЗ позволяла операторам во многих случаях включать текст согласия на обработку персональных данных в содержание иных документов. С 1 сентября 2025 года вступили в силу положения статьи 5 Федерального закона от 24 июня 2025 года № 156-ФЗ «О создании многофункционального сервиса обмена информацией и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»², дополнившие часть 1 статьи 9 Федерального закона № 152-ФЗ требованием о том, что согласие на обработку персональных данных должно быть оформлено отдельно от иных информации и (или) документов, которые подтверждает и (или) подписывает субъект персональных данных. Таким образом, в новой редакции Федерального закона № 152-ФЗ подчёркнута некоторая «обоснованность» согласия на обработку персональных данных от других документов и информации, вне зависимости от формы выражения согласия.

Как было отмечено представителями Роскомнадзора в ходе выступлений на мероприятии «День открытых дверей по персональным данным» 27 августа 2025 года, если планируется получение согласия на обработку персональных данных путем подписания комплекса документов одной электронной цифровой подписью, то в этом случае новые требования к оформлению согласия не будут соблюдены. Аналогичным образом не соответствует новым требованиям законодательства случаи, когда текст согласия на обработку персональных данных включен в тексты других документов, например, договор или пользовательское соглашение.

Интересным остается вопрос об ответственности оператора персональных данных за нарушение вышеуказанных требований, поскольку часть 2 статьи 13.11 Кодекса Российской

Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)³ устанавливает административную ответственность лишь за обработку персональных данных без согласия в письменной форме в случаях, когда такое согласие должно быть получено в соответствии с законодательством, либо за обработку персональных данных с нарушением установленных законодательством требований к составу сведений, включаемых в такое согласие. Таким образом, в настоящее время с точки зрения КоАП РФ затруднительно квалифицировать нарушение оператором требований об отдельном оформлении «общего» согласия на обработку персональных данных (не требующего его получения в письменной форме).

Также в свете вышеуказанных изменений законодательства необходимо обратить внимание на обработку персональных данных, осуществляющуюся в связи с договорными правоотношениями. Исходя из общих условий обработки персональных данных, установленных частью 1 статьи 6 Федерального закона № 152-ФЗ, обработка персональных данных, необходимая для исполнения и заключения договора, стороной которого либо выгодоприобретателем или поручителем по которому является субъект персональных данных, не требует получения согласия на обработку персональных данных. Тем не менее зачастую операторы зарцаются дополнительным согласием на обработку персональных данных в отсутствие такой необходимости, что является избыточным, при условии, что персональные данные обрабатываются исключительно в целях и объеме, предусмотренных договором, и не передаются третьим лицам. Вместе с тем случаи обработки персональных данных, в целях, отличных от целей исполнения (заключения) договора, а также в превышающем его объеме (например, в маркетинговых целях или в целях передачи партнерам оператора), требуют получения советующего согласия. Данную мысль подтверждает исследователь Д.В. Пятков, указывая, что «фраза «обработка персональных данных необходима для исполнения договора», как содержащая условие, при котором согласие получать не нужно, не обладает той степенью определенности, которая могла бы гарантировать оператору персональных данных полную безопасность в том, что касается ответственности за нарушение законодательства о персональных данных» [Пятков: 5]. Ранее указанное требование могло быть реализовано путем включения согласия на обработку персональных данных в текст договора, однако в настоящее время в силу вступивших в силу изменений части 1 статьи 9 Федерального закона № 152-ФЗ, согласие на обработку персональных данных необходимо оформлять отдельно (например, приложением к договору). Данный подход фактически увеличивает количество документов о согласии, что некоторым образом противоречит относительно недавней позиции представителя Роскомнадзора, согласно которой следовало бы, напротив, уменьшать количество согласий ввиду фактического игнорирования его важности субъектами персональных данных («в большинстве случаев пользователи неосознанно дают согласия на обработку персональных данных – вряд ли можно за секунду ознакомиться с многостраничным документом и понять, куда эти данные отправятся»⁴).

Вышеописанные изменения достаточно существенны и вступили в силу с 1 сентября 2025 года. Однако, на взгляд автора, стоит упомянуть о не менее существенных законодательных трансформациях в вопросах, касающихся согласия на обработку персональных данных, которые произошли несколько ранее.

Вступивший в силу с 1 сентября 2022 года Федеральный закон от 14.07.2022 № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных», отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившей силу части четырнадцатой статьи 30 Федерального закона «О банках и банковской деятельности»⁵ внес ряд обширных изменений в Федеральный закон № 152-ФЗ. В том числе были внесены изменения в часть 1 статьи 9 Федерального закона № 152-ФЗ, которыми требования о

конкретности, информированности и сознательности согласия на обработку персональных данных также дополнены требованием о его предметности и однозначности. Указанные изменения предполагают формулирование предельно конкретных и понятных целей обработки персональных данных, а также указание в согласии исчерпывающего объема персональных данных, на обработку которых дается согласие.

В контексте согласия на обработку персональных данных важно обратить внимание на вопросы, связанные с распространением персональных данных. Ранее достаточно было взять одно согласие на обработку персональных данных и, для возможности их распространения, можно было включить в перечень действий с персональными данными, на совершение которых даётся согласие, такое действие, как распространение [Гнедков: 2]. Поскольку распространение персональных данных является действием, направленным на раскрытие персональных данных неопределенному кругу лиц (пункт 5 статьи 3 Федерального закона № 152-ФЗ), то оно способно повлечь существенные правовые последствия для субъекта персональных данных, такие как утрата контроля над использованием и дальнейшими действиями в отношении персональных данных, повышенные риски их неправомерного использования. Учитывая изложенное, с 1 марта 2021 года Федеральный закон № 152-ФЗ дополнен статьей 10.1, регламентирующей особенности обработки персональных данных, разрешенных субъектом персональных данных для распространения (Федеральный закон от 30 декабря 2020 года № 519-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных»⁶). Внесенными изменениями предусмотрено, что согласие на обработку персональных данных, разрешенных субъектом персональных данных для распространения, является исключительным правовым основанием для распространения персональных данных. Новые правила Закона о персональных данных исключают для операторов персональных данных и третьих лиц возможность распространять полученные данные без согласия их владельца, и устанавливают четкие правила получения согласия на распространение и обработку общедоступных личных сведений [Черепанова: 4]. Таким образом, законодатель счел необходимым установить особый, более строгий режим регулирования для распространения персональных данных, отличающийся от других действий (операций), совершаемых с персональными данными (например, сбор, запись, хранение и иные действия).

Так, например, в силу части 1 статьи 10.1 Федерального закона № 152-ФЗ согласие на обработку персональных данных, разрешенных субъектом персональных данных для распространения, оформляется отдельно от иных согласий субъекта персональных данных на обработку его персональных данных. Тем самым законодатель обосновал и усилил важность получения согласия именно на распространение. Кроме того, требования к содержанию согласия на обработку персональных данных, разрешенных субъектом персональных данных для распространения, установлены приказом Роскомнадзора от 24 февраля 2021 года № 18 и существенно отличаются от требований, установленных к содержанию согласия в письменной форме (часть 4 статьи 9 Федерального закона № 152-ФЗ). Однако открытым остается вопросах о мерах административной ответственности операторов в случае несоблюдения требований к оформлению вышеуказанного согласия.

Особое внимание заслуживают установленные частью 6 статьи 10.1 Федерального закона № 152-ФЗ способы предоставления согласия на обработку персональных данных, разрешенных субъектом персональных данных для распространения. Так, в отличие от «общего» согласия, которое может быть дано субъектом персональных данных в любой позволяющей подтвердить факт его получения форме (часть 1 статьи 9 Федерального закона № 152-ФЗ), согласие на обработку персональных данных, разрешенных субъектом персональных данных для распространения, может быть предоставлено оператору

непосредственно либо путем использования информационной системы Роскомнадзора (часть 6 статьи 10.1 Федерального закона № 152-ФЗ).

Следует отметить, что положения части 8 статьи 10.1 Федерального закона № 152-ФЗ исключают возможность расценивать молчание или бездействие субъекта персональных данных в качестве согласия на обработку персональных данных, разрешенных субъектом персональных данных для распространения. Представляется целесообразным распространение данного подхода на все правоотношения, связанные с предоставлением согласия на обработку персональных данных в случаях, требующих получения такого согласия.

Применительно к вышеуказанным изменениям законодательства заслуживает внимания нестандартный подход к интерпретации согласия на обработку данных исследователя Лося Л.В. Обобщая международные практики правоприменения, он выделяет три модели регламентации доступа к персональным данным: модель «информированного согласия» (наиболее близкую к российскому законодательству), модель «opt-out» (дословно означающая «не принимать участия», «уклоняться», «отказаться», «отказ от подписок») и модель «opt-in» (означает «принимать участие», «участвовать», «высказаться в пользу чего-либо», «согласие на подписки», «выбор путем присоединения», «неавтоматическое согласие»). При этом Л.В. Лось отмечает, что анализ последних тенденций развития российского законодательства о персональных данных и сопоставление их с основными положениями вышеуказанных моделей позволяет сделать вывод об их возможном сочетании. Так, в силу положений статьи 9 Федерального закона № 152-ФЗ субъект персональных данных принимает решение о предоставлении его персональных данных и дает согласие на их обработку свободно, своей волей. Согласие на обработку и другие манипуляции с персональными данными должно быть конкретным, информированным и сознательным. Можно прийти к выводу, что применяется модель «информированного согласия». Однако, исходя из недавних изменений в законодательстве о персональных данных, можно говорить об использовании подхода «opt-in» – «презумпции несогласия» по отношению к персональным данным, разрешенным субъектом персональных данных для распространения в порядке введенной в недавнем времени ст. 10.1 вышеуказанного закона [Лось: 2].

* * * * *

В настоящее время согласие на обработку персональных данных остается важным механизмом, обеспечивающим правомерность обработки персональных данных. Совершенствуя положения законодательства, определяющие основание и порядок получения согласия на обработку персональных данных, законодатель подчеркивает важность этого волеизъявления для субъекта персональных данных. В частности, в сентябре 2025 года были внесены изменения, требующие отдельного оформления согласия на обработку персональных данных от иных информации и (или) документов, которые подтверждает и (или) подписывает субъект персональных данных. Более ранние изменения также подчеркивают значимость требований о предметности и однозначности согласия на обработку персональных данных, а также особые условия правового регулирования при получении согласия на распространение персональных данных.

Таким образом, оценивая происходившие в законодательстве изменения в контексте требований к согласию на обработку персональных данных за относительно небольшой промежуток времени, прослеживается непрерывный процесс его совершенствования. Более детальное рассмотрение каждой из новелл позволяет выявить последовательную взаимосвязь. Так, например, требования к предметности и однозначности согласия на обработку персональных данных, вероятно, послужили предпосылкой для введения

положений о его отдельности. Возможно в дальнейшем положения, запрещающие рассматривать молчание или бездействие субъекта как согласие на обработку персональных данных, могут быть расширены на все случаи получения согласия, а не только на обработку данных, разрешенных для распространения.

В целом, по мнению автора, отечественное законодательство демонстрирует положительную тенденцию к своевременному обновлению в ответ на изменяющиеся обстоятельства и новые потребности в регулировании. Вместе с тем несмотря на непрерывное совершенствование законодательства, регулирующего вопросы получения согласия на обработку персональных данных, нередко выявляются пробелы, требующие доработки. В частности, это касается вопросов административной ответственности за нарушения новых требований к оформлению и получению согласия на обработку персональных данных. Кроме того, на фоне активного внедрения в повседневную деятельность технологий искусственного интеллекта, представляется целесообразным также рассмотрение вопроса о включении в конструкцию согласия на обработку персональных данных положений, предусматривающих использование таковых в обозначенных целях обработки.

Примечания

¹ Российская Федерация. Законы. О персональных данных: Федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ: принят Государственной Думой 8 июля 2006 г.: одобрен Советом Федерации 14 июля 2006 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3451.

² Российская Федерация. Законы. О создании многофункционального сервиса обмена информацией и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 24 июня 2025 г. № 156-ФЗ: принят Государственной Думой 10 июня 2025 г.: одобрен Советом Федерации 18 июня 2025 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 26 (часть I). Ст. 3486.

³ Российская Федерация. Законы. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ: принят Государственной Думой 20 декабря 2001 г.: одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (часть I). Ст. 1.

⁴ Гуреева Ю. Роскомнадзор: Большинство согласий на обработку данных дается неосознанно // Российская газета: инф. сайт. 2024, 26 июня. URL: <https://rg.ru/2024/06/26/zamglavy-roskomnadzora-milosh-vagner-bolshinstvo-soglasij-na-obrabotku-dannyh-polzovateli-daiut-neosoznanno.html> (дата обращения: 31.10.2025)

⁵ Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных»: Федер. закон от 14 июля 2022 г. № 266-ФЗ: принят Государственной Думой 6 июля 2022 г.: одобрен Советом Федерации 8 июля 2022 г. // Российская газета. 2022, 20 июля. № 156-157.

⁶ Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных»: Федер. закон от 30 декабря 2020 г. № 519-ФЗ: принят Государственной Думой 23 декабря 2020 г.: одобрен Советом Федерации 25 декабря 2020 г. // Российская газета. 2021, 11 января. № 1.

Список литературы

Гнедков А.В. Особенности распространения персональных данных в последней редакции законодательства о персональных данных / А.В. Гнедков, А.В. Нищик // Научно-методическое обеспечение оценки качества образования. 2022. № 1(15). С. 49-52.

Лось Л.В. Презумпция согласия на сбор, обработку и передачу персональных данных: система

opt-in или система opt-out // Юридическая деятельность в условиях цифровизации: Сб. статей междунар. научно-практ. конференции. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2021. С. 348-354.

Петрова Е.В. Обновленные правила работы с персональными данными в деятельности госслужащих / Е.В. Петрова, Д.А. Акопян // Гуманитарный научный журнал. 2023. № 4-2. С. 53-56.

Пятков Д.В. Способы получения согласия субъекта персональных данных на их обработку в процессе организации образовательных онлайн-курсов / Д.В. Пятков, А.Р. Сулейменова // Юридическая наука и практика. 2023. Т. 19, № 3. С. 57-68. DOI 10.25205/2542-0410-2023-19-3-57-68

Черепанова Ю.Е. Административная ответственность за распространение персональных данных без согласия их владельца // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения): сб. статей междунар. научно-практ. конференции (Санкт-Петербург, 25 марта 2022 г.). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 511-515.

Vladimir S. NECHAEV

master's degree, Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia),
vlsnechaev@gmail.com

PERSONAL DATA CONSENT: ANALYZING LEGISLATIVE CHANGES

Scientific adviser:

Anna P. Ukhanova

Reviewer:

Svetlana Golenok

Paper submitted on: 11/14/2025;

Accepted on: 12/15/2025;

Published online on: 12/15/2025.

Abstract. This publication offers the author's perspective on recent legislative changes concerning the processing of personal data. Specifically, it analyzes the latest amendments, which came into effect in September 2025, relating to the independence of consent for data processing from other documents and information. The article also examines whether appropriate sanctions are established within the Administrative Offenses Code. The author highlights a positive trend in domestic legislation related to personal data processing, noting timely updates in response to evolving circumstances and emerging regulatory requirements.

Keywords: personal data, distribution of personal data, personal data consent, personal data controller, personal data subject, administrative responsibility

For citation: Nechaev, V. S. Personal Data Consent: Analyzing Legislative Changes. *StudArctic Forum*. 2025, 10 (4): 123–130.

References

Gnedkov A.V., Nishchik A.V. Peculiarities of personal data distribution in the latest edition of legislation on personal data. *Scientific and Methodological Provision to Assess the Education Quality*, 2022, No. 1(15), pp. 49-52. (In Russ.)

Los L.V. The presumption of consent for collecting, processing, and transferring personal data: The opt-in system or the opt-out system. *Legal activities in the context of digitalization: Proceedings of the international scientific and practical conference*. Simferopol, IT ARIAL, 2021, pp. 348-354. (In Russ.)

Petrova E.V., Akopyan D.A. Updated rules for working with personal data in the activities of civil employees. *Gumanitarniy nauchnyi zhurnal*, 2023, No. 4-2, pp. 53-56. URL: <https://hsjournal.ru/arhiv-nomerov/n4-2023/> (Accessed: 10.12.2025) (In Russ.)

Pyatkov D.V., Suleimenova A.R. Ways to obtain the consent of the subject of personal data for their processing in the process of organizing educational online courses. *Juridical Science and Practice*, 2023, Vol. 19, No. 3, pp. 57-68. DOI 10.25205/2542-0410-2023-19-3-57-68 (In Russ.)

Cherepanova Yu.E. Administrative responsibility for the dissemination of personal data without the consent of their owner. *Current issues of administrative and administrative procedural law (the Sorokin Readings): Proceedings of the international scientific and practical conference (St. Petersburg, March 25, 2022)*. St. Petersburg, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2022, pp. 511-515. (In Russ.)

НОСКОВА
Ольга Владимировна

магистратура, Сибирский федеральный университет
(Красноярск, Россия),
Olganoskova.architect@yandex.ru

КРЕПОСТЬ ПОР-БАЖЫН В ТЫВЕ КАК ПОТЕНЦИАЛ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЭТНОТУРИСТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

Научный руководитель:

Блянкинштейн Ольга

Николаевна

Рецензент:

Васильева Анна Валерьевна

Статья поступила: 22.10.2025;

Принята к публикации: 15.12.2025;

Размещена в сети: 15.12.2025.

Аннотация. Республика Тыва обладает огромным туристским потенциалом, включая уникальные природные ландшафты и богатое культурное наследие. Яркий пример — уйгурская крепость Пор-Бажын, которая выделяется необычными архитектурными решениями и своим расположением. Вокруг нее сложилось множество легенд, привлекающих туристов. Идеальным форматом для этой территории является этнотуристический комплекс, направленный на сохранение культурных и исторических особенностей региона, а также на создание комфортных условий для отдыха гостей.

Ключевые слова: крепость Пор-Бажын, уйгурская крепость, Тыва, этнокультурный туризм, этнотуристический комплекс

Для цитирования: Носкова О. В. Крепость Пор-Бажын в Тыве как потенциал для развития этнотуристического комплекса // StudArctic Forum. 2025. Т. 10, № 4. С. 131–137.

В последние годы наблюдается рост спроса во всем мире на аутентичные путешествия, связанные с погружением в традиции и историю народов. Россия — многонациональная страна с широким этнокультурным многообразием, охватывающая огромные территории от Восточной Европы до Северной Азии. Однако развитию данного вида туризма мешает отсутствие комфортных условий для проживания, питания и досуга, которые могут предложить лишь 30 % российских регионов [Панжиева: 480]. Одним из субъектов Российской Федерации, обладающим уникальными природными ареалами и богатым культурным наследием, но плохо развитой туристической инфраструктурой, является Республика Тыва, которая известна также как Тува. Находится она в самом сердце Азии, в её географическом центре. Со всех сторон Тыва окружена горами и предгорьями горных систем Алтая и Саян. Благодаря этому уникальному расположению ландшафты, животный и растительный мир региона невероятно разнообразны. Здесь можно отыскать участки всех природных зон, за исключением лишь тропиков и саванн [Базанова: 88]. В разные исторические периоды территория современной Тывы была частью различных государственных образований. Она входила в состав империи Хунну, Древнетюркского, Уйгурского, Древнекыргызского каганатов, Монгольской империи Чингизидов и маньчжурской империи Цин. Во времена Уйгурского каганата на территории Тывы было построено большое количество фортификационных сооружений, значительное влияние на которые оказала архитектура народов Азии и Китайской империи [Хвичия: 47]. Одним из наиболее интересных и хорошо изученных мест, связанных с уйгурскими укреплениями, является памятник федерального значения — крепость Пор-Бажын, что в переводе с

тувинского означает «глиняный дом» [Вайнштейн, 1964:103]. Таким образом, изучение эффективного использования крепости Пор-Бажын в качестве туристического центра актуально в современных условиях развития туризма и поддержки региональных культурных проектов. Это соответствует не только интересам самого региона, но и задачам диверсификации и повышения привлекательности российского туризма в целом. Поэтому целью данного исследования является оценка потенциала сохранившейся крепости Пор-Бажын для создания рядом с ней этнотуристического комплекса.

Для этого были поставлены следующие задачи:

- 1) проанализировать историко-культурный и археологический потенциал крепости Пор-Бажын;
- 2) выявить и охарактеризовать современные туристические ресурсы Республики Тыва, сопутствующие объекту.

В данном исследовании применяется комплексный методологический подход, включающий историко-архивный анализ, картографический метод и технику синтеза и анализа. Историко-архивный метод позволяет детально изучить потенциал крепости Пор-Бажын в контексте развития туризма, рассматривая её историческое наследие и культурные аспекты. Картографический метод, в свою очередь, предоставляет возможность охарактеризовать географическое положение объекта, оценить его транспортную доступность и разработать логистические маршруты, способствующие оптимизации туристических потоков. Техника анализа и синтеза используется для систематизации собранной информации и проведения комплексной оценки территории, что позволяет сформировать целостное представление о потенциале Пор-Бажын как туристического объекта.

* * * * *

Крепость Пор-Бажын, расположенная на острове посреди озера Тере-Холь, представляет собой уникальный археологический памятник, который выделяется на фоне других крепостей своей относительной удаленностью и изолированностью от других уйгурских сооружений (рис. 1).

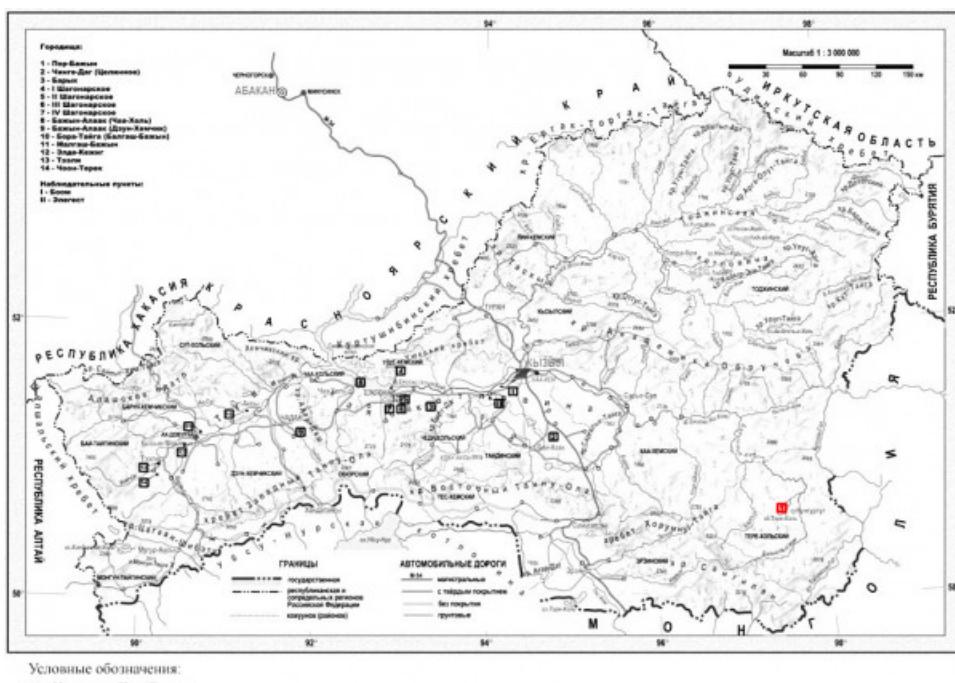

Рис. 1. Карта расположения уйгурских крепостей в Тыве [Тулуш, 2011: 41]

Первое упоминание о крепости на истоке Енисея встречается в трудах С.У. Ремезова (XVII–XVIII века). А первое обследование объекта в 1891 году было проведено этнографом и археологом Д.А. Клеменцом [Вайнштейн, 1964: 103]. Из-за удаленности и труднодоступности изучение древней крепости ученые (историки, этнографы и археологи) смогли осуществить лишь в середине XX века [Вайнштейн, 1964: 105]. И только в 2008 году были проведены широкомасштабные комплексные исследования, включающие не только историко-археологические изыскания, но естественнонаучные дисциплины (геофизика, геология, криология и пр.), российскими и международными учеными [Аржанцева и др., 2011: 400].

В отличие от других уйгурских сооружений, Пор-Бажын единственное городище, где имеется дворцовый комплекс. На территории остальных крепостей были выявлены лишь остатки каркасных зданий, крытых тяжелыми черепичными крышами, а также длинные помещения казарменного типа и землянки. Развалины крепости Пор-Бажын занимают практически всю площадь острова и представляют собой правильный прямоугольник, ориентированный по сторонам света, с размерами 211 на 158 метров [Тулуш, 2019: 28]. Высота крепостных стен, даже в полуразрушенном виде, доходит до 10 метров (рис. 2).

Рис. 2. Развалины крепости Пор-Бажын и остатки черепицы. Фото автора

На восточной стороне сохранились ворота с превратными башнями, на башни ведут остатки въездных пандусов (рис. 3).

Рис. 3. Крепость Пор-Бажын: а – фотография современного вида. Автор Андрей Панин ¹; б – 3D реконструкция. Автор Арно Шуберт ²

Внутри крепостных стен располагается настоящий лабиринт зданий и сооружений. Крепость уникальна по своему строению. Вдоль западной, южной и северной стен находятся 26 отсеков, которые разделены глинобитными стенами высотой до полутора метров. В каждом отсеке расположено помещение размером 7 на 8 метров, построенное из кирпича-сырца. Вероятно, здесь жили дворцовая прислуга, ремесленники и охрана крепости. В центре крепости были обнаружены два дворцовых здания, одно из которых, возможно,

представляло собой храм. Оба здания располагались на возвышенности, образованной утрамбованной землёй и глиной. Они были соединены между собой 6-метровым крытым переходом. Первое здание имело размеры 23 на 23 метра, а второе – 15 на 15. Кровлю поддерживали деревянные колонны. Предполагается, что в большом помещении было 36 колонн, а в маленьком – всего 8. Крыши были покрыты цилиндрической черепицей, а толщина стен во дворцах составляла более метра.

Назначение данной крепости установить ученым до сих пор не удалось, однако было выдвинуто несколько гипотез о ее использовании. Наибольшее распространение получили следующие четыре:

1. Крепость или пограничный форпост – версия основана на мощных стенах и удаленном, стратегическом расположении на острове. Однако эта гипотеза сталкивается с рядом противоречий. Неясно, от кого именно должна была защищать крепость, учитывая её удалённость от основных торговых и военных маршрутов того времени. Кроме того, кратковременный период её использования заставляет многих исследователей сомневаться в её оборонной функции.

2. Дворец кагана или летняя резиденция – эта версия подтверждается монументальными дворцовыми зданиями, богатым декором и сложной архитектурой, требующей значительных ресурсов и находящимися рядом термальные источники Аржаан Бояй и Аржаан Тырыс.

3. Манихейский храм – данная версия кажется подходящей, так как строительство крепости произошло в конце правления уйгурского кагана Идигяня, которое завершилось в результате дворцового переворота на основе смены религии. На эту версию также указывают найденные в ходе раскопок фрагменты культовых скульптур, китайская узорчатая черепица, фрагменты глиняной посуды и, главное, остатки фресок. К сожалению, сохранить фрески не удалось из-за их плохой сохранности и сурового климата. Ориентация зданий по сторонам света также может указывать на культовое назначение.

4. Поминальное сооружение или усыпальница – гипотеза возникла из-за отсутствия явных следов длительного проживания и скучного культурного слоя. Предполагается, что комплекс мог быть возведен в память о важном событии или правителе, выполняя мемориальную функцию.

Так как учёным до сих пор не удалось установить точное назначение крепости, вокруг неё сложилось множество легенд и сказаний. Например, говорят, что ночью на острове появляются рыцари, которые защищают крепость. Или что под крепостью находится вход в волшебную страну Шамбала. Кроме того, существуют множественные легенды о загадочном возникновении озера Тере-Холь и крепости на нём.

Посещение крепости Пор-Бажын в Республике Тыва – увлекательное приключение, требующее тщательной подготовки. При этом, несмотря на труднодоступное расположение, популярность этого загадочного места неуклонно растёт, что подтверждают и статистические данные. На этой территории возможен рекреационный туризм, направленный на восстановление психического и физического здоровья на фоне уникальной, девственной природы. Недалеко от крепости находятся оздоровительные минеральные источники. Для любителей культурного туризма большой интерес вызовет не только посещение самой крепости, но и полное погружение в уникальную аутентичную среду тувинского региона. Эта земля, хранящая дух кочевых империй, предлагает путешественнику уникальный культурный код, не имеющий аналогов в мире. Фестиваль народных традиций «Пор-Бажын – зов предков», проводившийся в 2015 и 2017 годах, собирал большое количество путешественников. Его программа, включающая конные скачки, национальную борьбу «хуреш» и другие соревнования, позволяет глубже погрузиться в местную культуру. Для

знакомства с регионом туроператоры, предлагают также различные маршруты активного отдыха. Например, пятидневный тур с переездом по таёжным и горным дорогам, включающий посещение не только самой крепости, но и целебного сероводородного источника – аржаана Бояй. Также популярны водные маршруты, такие как сплавы по реке Балыктыг-Хем, которая после слияния с Сарыг-Эр образует захватывающие пороги «Мильзейский каскад» и каньон «Щеки».

Таинственность, окутывающая крепость Пор-Бажын, и растущий турпоток (рис. 4) обуславливают необходимость сохранения этого исторического памятника, поэтому для сохранения исторического памятника место для проектирования этнотуристического комплекса наиболее целесообразно выбрать на берегу Тере-Хольского озера. Таким образом, место расположения комплекса будет всего в километре от крепости Пор-Бажын, в 10,9 км от села Кунгуртук в Тере-Хольском кожууне и в 430 км от города Кызыл. Данная территория также подходит по геолого-географическим условиям. Рельеф местности ровный, отсутствует большое количество деревьев и кустарников. Климатические условия, конечно, не самые благоприятные. Климат в этом районе резко континентальный, с низкими температурами и продолжительным зимним периодом [Куулар: 64]. Поэтому функционировать в полную силу комплекс может только в теплый период года.

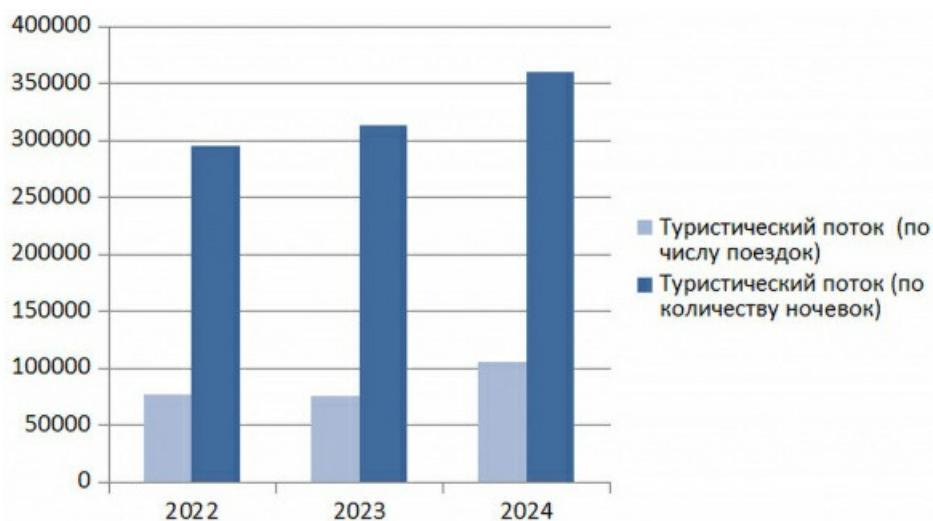

Рис. 4. График туристического потока в Республике Тыва³

Существует много подходов к проектированию туристических комплексов рядом с историческими зданиями и памятниками архитектуры, одними из которых являются возможности реконструкции или вписывания. Данные варианты проектирования могут основываться как на контрастном, так и на нюансном сочетании старого и нового. Однако в случае с крепостью Пор-Бажын способы, требующие непосредственного нахождения на территории крепости, не могут быть использованы из-за её уникального расположения. Тем не менее, это не исключает возможности использования современных технологий с возможностью проектирования, которые могут помочь воссоздать различные легенды, связанные с крепостью, особенно в ночное время.

Комплекс логично разделить на несколько функциональных зон:

1. Визит-центр / Музейный павильон:

- Архитектура: современное здание с панорамным остеклением, обращенным к озеру и крепости. Внутри — просторное, затемненное пространство для мультимедиа.
- Наполнение:
- Интерактивные макеты, рассказывающие об истории крепости, гипотезах ее строительства и назначения.

- Артефакты (копии), найденные при раскопках.
- 3D-реконструкция того, как Пор-Бажын мог выглядеть в период расцвета.
- Экраны с рассказами ученых и местных жителей.

2. Жилая зона (этно-отель):

- Архитектура: небольшие отдельные домики («юрточного» типа, но стационарные) или сгруппированные модули.
- Наполнение: аутентичный, но комфортный интерьер с современными удобствами. Использование войлочных ковров, деревянной мебели, традиционных орнаментов в текстиле.

3. Общественная зона:

- Ресторан/кафе: с террасой, выходящей на озеро. Кухня должна предлагать как местные тувинские блюда, так и адаптированную еду для туристов.
- Амфитеатр под открытым небом: место для культурных мероприятий и фестивалей, выступлений местных фольклорных коллективов.

Учитывая труднодоступность комплекса, целесообразно предусмотреть вертолетную площадку, которая будет выполнять не только транспортную функцию, но и служить основой для проведения воздушных экскурсий. Это позволит туристам получить уникальный опыт и глубже погрузиться в историческое и культурное наследие региона.

Таким образом, комплексный подход к проектированию туристического пространства, учитывающий архитектурные, культурные и функциональные аспекты, способствует созданию гармоничного и привлекательного туристического объекта, который будет способствовать сохранению и популяризации культурного наследия региона.

* * * * *

В ходе исследования была тщательно изучена крепость Пор-Бажын, которая является не просто археологическим памятником федерального значения и рассматривается ЮНЕСКО в качестве объекта всемирного наследия. Это фортификационное сооружение – ключ к развитию не только этнокультурного, но и множества других направлений туризма в Республике Тыва. Создание рядом с крепостью современного и гармонично вписанного в среду туристического комплекса будет отвечать глобальным трендам и компенсирует текущие инфраструктурные слабости региона, раскрыв его уникальный потенциал. Такой проект будет способствовать дальнейшему развитию территории, и станет притягательным местом для изучения традиций и особенностей проживавших и проживающих народов, а также посодействует изучению и сохранению этого уникального объекта.

Примечания

¹ Раскопки в крепости Пор-Бажын, июль 2007 года / фото А.В. Паниной // Русское географическое общество: офиц. сайт. Москва, 2007. URL: <https://www.rgo.ru/tu/file/4-fig2-raskopki-v-kreposti-por-bazhyn-iyul-2007-goda-foto-av-paninajpg> (дата обращения: 07.11.2024).

² Пор-Бажын: чем обернулась смена религии // Институт классического Востока и античности НИУ ВШЭ: офиц. сайт. Москва, 2022. URL: <https://iochs.hse.ru/news/440404712.html> (дата обращения: 07.11.2024).

³ Статистика туризма: сводные таблицы // Федеральная служба государственной статистики: офиц. сайт. Москва, 2024. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm> (дата обращения: 07.11.2024).

Список литературы

Аржанцева И.А. Комплексные исследования на памятнике Пор-Бажын (Республика Тыва) / И.А. Аржанцева, С.Б. Болелов, В.А. Завьялов, С.А. Рузанова // Археологические открытия. 2011. Т. 2008. С. 400-402.

Базанова О. Страна голубых рек // Наука в России. 2013. № 4(196). С. 66-71.

Вайнштейн С.И. Древний Пор-Бажин // Советская этнография. 1964. № 6. С. 103-114.

Куулар Х.Б. Потепление климата в Республике Тыва по данным наземных наблюдений // Природные ресурсы, среда и общество. 2021. Т. 9. № 1. С. 62-67. DOI: 10.24412/2658-4441-2021-1-62-67

Панжисеева Н.Н. Проблемы развития регионального туризма // Экономика и социум. 2024. № 7(122). С. 479-482.

Тулуш Д.К. Пор-Бажын – образец древнекитайской архитектуры в Саяно-Алтайском регионе // Наследие и современность. 2019. Т. 2. № 1. С. 27-39.

Тулуш Д.К. Средневековые городища-крепости Тувы // Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. № 2(46). С. 39-44.

Хвичия Д.А. Анализ геометрических пропорций и параметров уйгурских городов на территории Тувы в начале VIII – середине IX вв. // Вестник Тувинского государственного университета. Серия: Технические и физико-математические науки. 2011. № 3(10). С. 45-47.

Tourism and Service

Olga V. NOSKOVA

master's degree, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia),
Olganoskova.architect@yandex.ru

ASSESSING THE POTENTIAL OF THE POR-BAZHYN FORTRESS IN TYVA FOR CREATING AN ETHNOTOURISM COMPLEX

Scientific adviser:

Olga N. Blyankinstein

Reviewer:

Anna Vasileva

Paper submitted on: 10/22/2025;

Accepted on: 12/15/2025;

Published online on: 12/15/2025.

Abstract. The Republic of Tyva possesses significant tourism potential, thanks to its distinctive natural landscapes and rich cultural heritage. A notable example is the Uighur fortress of Por-Bazhyn, renowned for its unique architectural design and strategic location. Numerous legends surrounding the site further enhance its appeal to visitors. An optimal approach for developing this area is to establish an ethnotourism complex that emphasizes the preservation of the region's cultural and historical identity while providing comfortable amenities for guests to relax and enjoy their stay.

Keywords: Por-Bazhyn Fortress, Uygur fortress, Tyva, ethnocultural tourism, ethnotourism complex

For citation: Noskova, O. V. Assessing the Potential of the Por-Bazhyn Fortress in Tyva for Creating an Ethnotourism Complex. StudArctic Forum. 2025, 10 (4): 131–137.

References

- Arzhantseva I.A., Bolelov S.V., et al. Complex research at the site of the Por-Bazhyn monument (the Republic of Tyva). *Archaeological Discoveries*, 2011, Vol. 2008, pp. 400-402. (In Russ.)
- Bazanova O. The land of blue rivers. *Nauka v Rossii*, 2013, No. 4(196), pp. 66-71. (In Russ.)
- Weinstein S.I. Ancient Por-Bazhyn. *Sovetskaya etnografiya*, 1964, No. 6, pp. 103-114. (In Russ.)
- Kuular Kh.B. Climate warming in Tyva Republic based on observations data. *Natural Resources, Environment and Society*, 2021, Vol. 9, No. 1, pp. 62-67. DOI: 10.24412/2658-4441-2021-1-62-67 (In Russ.)
- Panzhieva N.N. Problems of development of regional tourism. *Economy and Society*, 2024, No. 7(122), pp. 479-482. (In Russ.)
- Tulush D.K. Por-Bajyn – an example of ancient Chinese architecture in the Sayan-Altay region. *Heritage and Modern Times*, 2019, Vol. 2, No. 1, pp. 27-39. (In Russ.)
- Tulush D.K. The medieval sites-fortresses of ancient settlements of Tuva. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2011, No. 2(46), pp. 39-44. (In Russ.)
- Hvichia D.A. The analysis of geometrical proportions and parameters of Uigur cities in territory of Tuva in the beginning VIII – the middle of IX centuries. *Vestnik of Tuvan State University. Series: Technical Sciences, Physical and Mathematical Sciences*, 2011, No. 3(10), pp. 45-47. (In Russ.)

ПАНКОВА
Александра Андреевна

бакалавриат, Смоленский государственный
университет (Смоленск, Россия),
sovapankova@yandex.ru

ПРОМЕТЕЕВСКИЕ ПОДТЕКСТЫ В ЛИРИКЕ В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА

Научный руководитель:

Каяниди Леонид Геннадьевич

Рецензент:

Лебедев Александр

Александрович

Статья поступила: 26.09.2025;

Принята к публикации: 15.12.2025;

Размещена в сети: 15.12.2025.

Аннотация. В статье рассматриваются аллюзии на миф о Промете в лирике В. К. Кюхельбекера, возникающие в стихотворениях «К Промефею», «Они моих страданий не поймут...», «До смерти мне грозила смерти тьма...». Цель нашего исследования – рассмотреть рецепцию мифа о Промете в творчестве поэта-романтика. В статье используются сравнительно-сопоставительный, образно-парадигматический, мотивно-тематический и подтекстуальный методы. В лирике Кюхельбекера Прометей предстает как страдающий титан, культурный герой и демиург; для Кюхельбекера характерно возникновение образной парадигмы «поэт → Прометей».

Ключевые слова: В. К. Кюхельбекер, Гёте, Прометей, мифопоэтика, русский романтизм, подтекст, античные мотивы, образная парадигма

Для цитирования: Панкова А. А. Прометеевские подтексты в лирике В. К. Кюхельбекера // StudArctic Forum. 2025. Т. 10, № 4. С. 138–148.

В.К. Кюхельбекер (1797–1846), один из русских поэтов-романтиков, член Северного тайного общества, участник восстания на Сенатской площади [Королева: 10], неоднократно обращался к мифу о Промете. Так, образ античного титана возникает в двух его пьесах («Ижорский» (1826–1841) и «Иван, купецкий сын» (1832–1842)) и трёх лирических стихотворениях («К Промефею» (1820), «Они моих страданий не поймут...» (1839), «До смерти мне грозила смерти тьма...» (1845)). В качестве материала исследования мы привлекли лирические тексты Кюхельбекера с прометеевскими аллюзиями и сопоставили их с античными и новоевропейскими (русскими, немецкими и английскими) произведениями, касающимися прометеевского мифа и соотносимыми с творчеством Кюхельбекера.

Прометеевские подтексты у Кюхельбекера до сих пор оставались вне поля исследовательского внимания. Н.А. Котляревский лишь вскользь говорит о Промете в контексте жизненных трудностей поэта: «Кюхельбекер сравнивал себя с Прометеем, заклеванным воробьями...» [Котляревский: 268]. У К.И. Казьменко [Казьменко, 1951] не содержится даже упоминания о Промете у поэта-романтика. А.Ф. Лосев фрагментарно анализирует два стихотворения Кюхельбекера («К Промефею» и «Они моих страданий не поймут...»), говоря об отсутствии революционного пафоса в рассматриваемых произведениях: «У Кюхельбекера, писавшего в атмосфере назревающего декабризма, Прометей покамест еще прародитель поэзии и вдохновитель человечества на лучшие мечты и подвиги» [Лосев: 277]. Отсутствие исследований о рецепции прометеевского мифа одним из главных представителей русского «высокого» романтизма делает нашу тему безусловно актуальной. Новизной нашей статьи является изучение трансформации мифологического

сюжета о Промете и его образа в лирике Кюхельбекера. В ходе анализа были использованы следующие методы исследования: сравнительно-сопоставительный (мы сопоставили переосмысленный в стихотворениях Кюхельбекера миф о Промете с древнегреческими сюжетами), образно-парадигматический (одним из ключевых аспектов исследования является анализ образных парадигм, характерных для творчества романика), мотивно-тематический (был проведён анализ мифологических мотивов и тем, отражённых в стихотворениях Кюхельбекера), подтекстуальный (мы изучили античные и новоевропейские подтексты лирики поэта).

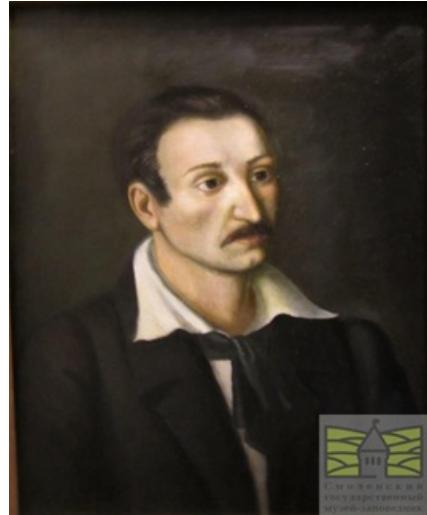

Рис. 1. Назаренко Т.Г. Портрет Вильгельма Карловича Кюхельбекера в 1823 году ¹

Наше исследование имеет известную научно-практическую ценность: его результаты могут быть использованы в практике школьного и вузовского обучения на занятиях, посвящённых античной мифологии, раннему русскому романтизму, биографии и творчеству Пушкина. Целью нашей статьи является рассмотрение рецепции мифа о Промете в лирике Кюхельбекера. Для выполнения данной цели необходимо решить следующие задачи исследования:

- 1) рассмотреть переосмысление мифа о Промете в стихотворении «К Промефею»,
- 2) изучить функцию прометеевского мифа в стихотворении «Они моих страданий не поймут...»,
- 3) определить прометеевский субстрат образно-парадигматической структуры стихотворения «До смерти мне грозила смерти тьма...»,
- 4) выявить особенности рецепции мифа о Промете в произведениях поэта.

* * * * *

Известно, что стихотворение «К Промефею» возникло под влиянием впечатлений от встречи Кюхельбекера с Гёте. Её описание содержится в письме русского поэта от 10 ноября 1820 г.: «Вчера вечером приехали мы в Веймар, в Веймар, где некогда жили великие: Гёте, Шиллер, Гердер, Виланд; один Гёте пережил друзей своих. Я видел бессмертного; я принес ему поклон от Клингера. Гёте росту среднего, его черные глаза живы, пламенны, исполнены вдохновения. Я его себе представлял исполином даже по наружности, но ошибся. Он в разговоре своем медлен: голос тих и приятен; долго я не мог вообразить, что предо мною гигант Гёте; говоря с ним об его творениях, я однажды даже просто его назвал в третьем лице по имени. Гёте знает нашего Толстого из работ его и любит в нем великого художника. Казалось, ему было приятно, что Жуковский познакомил русских с некоторыми его мелкими стихотворениями. О нашем разговоре не много могу сказать вам, друзья мои: я был у него недолго; надеюсь, что он завтра несколько будет доступнее, а я смелее» ². «Восторженное

стихотворение, воспевающее великого поэта, как Прометея», которое Кюхельбекер на прощание с Гёте посвятил немецкому драматургу [Мордовченко: 388], было создано в декабре того же года, что и письмо. Встреча с Гёте оказала большое влияние на творчество Кюхельбекера: согласно Тынянову, «его гекзаметрические элегии 20-х годов носят следы влияния Гете...» [Тынянов: 23]. Гёте у Кюхельбекера подобен Прометею: «Меж певцов земли Тускона создатель / Лёгких, могущих духов, в коих бессмертная жизнь! / Ты им поведал все струны сердец, поведал вселенну»³.

Тускон – родоначальник германских племён в немецкой мифологии [Королева: 618], на земле которых творит Прометей – божественный художник. Стихотворение Кюхельбекера основано на образной парадигме «Гёте → Прометей». Образ титана-демиурга переосмысливается романтиком. Для древнегреческой мифологии характерен синтез мужского и женского начал в создании человеческого рода: Прометей вылепливает из глины статуи людей, а Афина наделяет скульптуры душой. Так, согласно Лукиану Самосатскому, «Прометей выдумал людей <...> и вылепил их <...> частично сотрудничала также Афина, вдохнувшая жизнь в глину и вложившая душу в лепные изображения»⁴. У Фульгенция богиня мудрости помогает титану подняться на небо, где он добудет огонь из солнечной колесницы, которым оживит людей [Протопопова: 50]. В стихотворении же Кюхельбекера Прометей – «самостоятельный» демиург «духов», под которыми можно понимать либо созданий творческого гения Гёте («...они из твоей вечноцветущей души / Роем взвились...»⁵), либо писателей, испытавших влияние поэта. У русского романика Прометей – творец художественного мира («лёгких, могущих духов»). Гёте отождествляется с античным титаном: произведения немецкого писателя «оживляют» вдохновением других авторов, как божественный огонь – глиняные статуи людей. В образе Гёте сочетаются функции Прометея-демиурга и Прометея-культурного героя. Титан как культурный герой изображается в трагедии Эсхила «Прометей прикованный»: «всё от меня [Прометея] – искусство, знанье, мудрость!»⁶. В стихотворении Кюхельбекера титан наделяет людей знаниями о мире («поведал вселенну») и душах других людей («поведал все струны сердец»). В новоевропейской литературе две функции титана тоже сочетаются: в драматическом отрывке Гёте «Прометей» мифологический герой создаёт человечество и обучает его ремёслам и труду⁷.

Рис. 2. Аксаков И.А. Прометей делает статую по приказанию Афины ⁸

Кроме того, в стихотворении Кюхельбекера Гёте-Прометей предстаёт создателем мира

художников, которые идут за его творческим гением: «Сильный, божественный – ты, / Твой Пирифой, твой Шиллер, и Гердер – мудрец-песнопевец, – / Чарами сладостных лир сердце моё вы зажгли!»⁹.

В стихотворении возникают следующие образные парадигмы: «Гёте → Прометей», «Шиллер → Пирифой», «Гердер → Орфей». Гердер, немецкий философ и поэт, отождествляется с Орфеем, мифическим стихотворцем и легендарным основоположником религиозно-философского течения – орфизма. Ещё одно сходство состоит в близости Орфея и Гердера к фольклору: в образе мифологического певца «персонифицировался самый процесс устного народного творчества» [Борухович: 137], немецкий поэт способствовал развитию фольклористики: «<...> Гердер ищет непосредственного выражения "природы" и подлинного "чувства" в остатках первобытной культуры и в творчестве патриархальных народных масс, не тронутых разлагающим влиянием современной цивилизации. Этим он положил начало включению фольклорного и этнографического материала в историю литературы» [Жирмунский: 8].

Шиллер подобен Пирифою. Чтобы понять это отождествление, мы должны учесть, что сам Гёте подобен Тесею (парадигма «Гёте → Тесей»). Пирифоя и Тесея связывает мифологический сюжет о похищении Елены Троянской¹⁰. Подобно Тесею, выводящему Елену из подземного мира, в своей трагедии «Фауст» Гёте изображает Елену как символ античности: «Прекрасна идея изобразить в идеальной свадьбе Елены и Фауста сочетание античного искусства с новейшей поэзией...» [Каро: 31]); «...Елену он, бедняк, / Здесь ищет; он добыть Елену хочет!»¹¹. Гёте-Тесей и Шиллер-Пирифой являются основоположниками веймарского классицизма. Это литературное течение зиждилось на подражании античности, символом которой являлась фаустовская Елена Троянская, выведенная из царства мёртвых. Таким образом, творениями Гёте-Прометея являются немецкие авторы (Шиллер, Гердер), испытавшие влияние драматурга.

Лирический герой Кюхельбекера находится среди духов немецких философов и писателей, которые, подобно Прометею-Гёте, наделены творческой мощью. Они «чарами сладостных лир» зажгли сердце лирического субъекта, вызвав в нём тягу к поэтическому творчеству, а Гёте-Прометей наделил лирического героя талантом писателя: «Песнелюбивое племя славян услышит с любовью / Арфу, которую ты в светло-святые часы / Подал юноше мне, – я буду тобою бессмертен»¹².

Лирический субъект просит у Гёте-Прометея принять «всё его лучшее в дар – / Не удивленье одно, но любовь и звуки простые / Робких ещё, но тобой смело настроенных струн!»¹³. Гёте-Прометей в finale стихотворения снова предстаёт в ипостаси культурного героя, который одарил лирического субъекта поэтическим талантом, «прапорителем поэзии и вдохновителем человечества на лучшие мечты и подвиги» [Лосев: 277].

В основе еще одного «прометеевского» стихотворения Кюхельбекера «Они моих страданий не поймут...» лежит образная парадигма «Кюхельбекер → Прометей-страдальец»: «Не говорите мне: "Ты Промефей!" / Тот был к скале заоблачной прикован, / Его терзал не глупый воробей, / А мощный коршун»¹⁴.

Лирическому герою-поэту не хватает свободы и покоя: «...Есть силы, нет мне воли. / Хоть миг покоя дайте! – нет и нет!». Его посещает вдохновение: «Вот вспыхнуло: я вспрянул, я поэт; / Божественный объемлет душу пламень, / Толпятся образы, чудесный свет / В глазах моих...»¹⁵. Для интерпретации «огненной» метафоры «божественный объемлет душу пламень» важен контекст прометеевского мифа. В его свете «пламя» может быть понято как огонь Прометея, принесённый в дар человечеству титаном – культурным героем. Прометей дал человечеству возможность свободно распоряжаться похищенным огнем, чтобы люди

научились наукам и искусствам¹⁶.

Кюхельбекер «рисует тяжелейшую обстановку своей жизни в ссылке, где он окружен мелкими людьми и их ничтожными интересами...» [Лосев: 277]: «...и всё напрасно: нет! Пропало всё!»¹⁷, «Но я увяз в ничтожных, мелких муках, / Но я в заботах грязных утонул!»¹⁸ Лирический герой «готов даже немедленно умереть, чтобы избавиться от окружающего его ужаса» [Лосев: 277], препятствующего творческим порывам поэта: «Добро бы с неба камень / Мне череп раздоил, или перун / Меня сожёг: последний трепет струн / Разорванных вздохнул бы в дивных звуках / И умер бы, как грома дальний гул; / Но я увяз в ничтожных, мелких муках, / Но я в заботах грязных утонул!»¹⁹. «Убийственные объятия огромного несчастья» отнимают жизнь, но не душу («Ты выжмешь жизнь, не выдавишь души»), гибнущую в замкнутом круге несущественных неприятностей, в котором оказался лирический герой: «Но погибать от кумушек, от сватий, / От лепета соседей и друзей!..»²⁰. При этом поэт одновременно как отождествляет себя со страдающим Прометеем, так и противопоставляет себя титану: «Не говорите мне: "Ты Промефей!" / Тот был к скале заоблачной прикован, / Его терзал не глупый воробей, / А мощный коршун»²¹.

Мифологического героя за похищение огня приковывает Гефест к скале, куда ежедневно будет прилетать орёл и терзать Прометея²². В античной литературе орёл редко меняется на коршуна, например, у Лукиана Самосатского: «Тебе шестнадцать коршунов должны не только терзать печень, но и глаза выклёвывать за то, что ты создал нам таких животных, как люди, похитил мой огонь, сотворил женщин!»²³, а также у Петрония: «Этот коршун, впивающийся в печень, / Раздирающий грудь нам и утробу, – / Не красивая выдумка поэтов, / А душевный недуг: разврат и зависть»²⁴. Двоение образа орнитологического мучителя Прометея связано с двумя его наказаниями: одно было в Аиде после низвержения скалы в подземный мир в конце «Прометея прикованного», другое – на земле, после возвращения Прометея в мир живых вследствие заместительной жертвы кентавра Хирона, раненного отравленной ядом Лернейской гидры стрелой Геракла. «Коршун – это мифологическая метаморфоза орла, которая совершается тогда, когда действие перемещается в Аид, мир смерти и тьмы. Орёл и коршун – это две ипостаси единого орнитологического образа, различающиеся на основе пространственных и экзистенциальных категорий "верх, небо, свет, жизнь / низ, земля, тьма, смерть"» [Каяниди, 2021: 259]²⁵. Лирическому герою Кюхельбекера не дают покоя повседневные заботы, подобные ничтожному «глупому воробью» (парадигма «бытовая рутина → воробей») и противопоставленные великим страданиям Прометея, которые символизирует коршун (парадигма «страдания → коршун»).

Здесь уместно вернуться к уже процитированному отрывку: «Добро бы с неба камень / Мне череп раздоил, или перун / Меня сожёг...»²⁶. Этот отрывок следует интерпретировать в свете прометеевского мифа. В finale «Прометея прикованного» Эсхила Зевс, разгневанный отказом титана открыть свой секрет, ударяет молнией о скалу и низвергает Прометея в Аид: «Сказать того, что знаю, не заставит / Меня мой враг ни хитростью, ни злобой, / Пока цепей не снимет. Пусть же Зевс / Испепелит меня огнями молний, / Обвеет снегом белокрылых вьюг, / Разрушит мир подземными громами...», «Исполняется слово Зевеса: земля / Подо мною трепещет. / Загудело раскатами эхо громов, / Пламя молний сверкает...». Кроме того, ламентация Кюхельбекера сродни жалобам Прометея на бесконечный характер его мучений, связанный с его бессмертием: «Посмотрите: я здесь, / На позор пригвожденный, / Сторожить буду вечно / Острье этих скал»²⁷.

Рис. 3. Вениг П.К. Прикованный Прометей [28](#)

Еще одно лирическое признание поэта находится в русле прометеевского мифа: «Был я очарован / Когда-то обольстительной мечтой; Я думал: кончится борьба с судьбой, / И с нею все земные испытанья; / Не будет сломан, устоит борец, / Умрёт, но не лишится воздаянья / И вырвет напоследок свой венец / Из рук суровых, – бедный я слепец!»²⁹. «Борьба с судьбой» соотносится с противостоянием Зевса и Прометея, который был низвержен в мир смерти, но не преклонился перед Зевсом, устоял в борьбе и не был сломлен и в конечном итоге получил от Зевса («из рук суровых») «свой венец». Прометей после освобождения вынужден носить венок, чтобы вечно помнить о страшном наказании, люди в его честь тоже носят это украшение: «Геракл принес из страны гипербореевдикую маслину, из которой по обычанию сплетали венок, служивший наградой победителю на Олимпийских играх (Pind. Olymp. III, 16-60). Так как Зевс поклялся никогда не освобождать Прометея от его оков, Геракл заменил стальные оковы Прометея символическими оковами — венком из оливы. Поэтому греки объясняли обычай ношения венков и гирлянд, а также колец из металла как знак памяти о благодетеле человечества, Прометею, носившем оковы среди скал Кавказа» [Борухович: 53].

Кюхельбекер соотносит себя с Прометеем, и вновь это сопоставление носит негативный характер. «Судьба берет меня из стен моей темницы, / Толкает в мир»³⁰. По всей видимости, имеется в виду освобождение мятежного декабриста из Свеаборгской крепости и отправка его на поселение в Сибирь [Королева: 641]. Кюхельбекер надеялся, что наказание за участие в восстании декабристов станет главным его испытанием и после него последует примирение с судьбой. Однако это оказалось не так. Трагическое признание «бедный я слепец» наполнено двойным смыслом, в котором биографический подтекст соотносится с прометеевским мифом, и вновь в негативном ключе, «от противного». Кюхельбекер называет себя слепцом, потому что он обманулся в своих надеждах и потому что в ссылке постепенно лишился зрения. При чём же здесь Прометей? Тут нужно вспомнить, что имя мятежного титана обозначает «промыслитель». Он был наделен даром предвидения. Кюхельбекер же лишен даже физического зрения: «А мой-то мир исчез, как блеск зарницы, / И быть нулем отныне мой удел!»³¹.

Третьим произведением Кюхельбекера, в котором возникают аллюзии на прометеевский миф, является стихотворение «До смерти мне грозила смерти тьма...». В нем Кюхельбекер увековечивает память об ушедших великих русских поэтах. Начинается оно, словно в пандан стихотворению «Они моих страданий не поймут...», с мотива слепоты: «Я устремлю свои слепые очи / В глухую бездну нерассветной ночи». «Смерти тьма», которая

угрожает поэту до наступления смерти, как раз и есть эта слепота. Однако она же позволяет обрести духовное зрение: «Зато очами духа узрю я / Вас, веющие таинственные тени, / Вас, рано улетевшие друзья, / И слух склоню я к гулу дивных пений, / И голос каждого я различу, / И каждого узнаю по лицу»³².

Одним из таких «рано улетевших друзей» был А.С. Пушкин. Кюхельбекер называет его «новым Прометеем»: «И вот другой: волшебно-сладкогласный / Сердцец властитель, мощный чародей, / Он вдунул, будто новый Промефей, / Живую душу в наш язык прекрасный... / Увы! погиб повременно певец: / Его злодейский не щадил свинец!»³³. Что Кюхельбекер имеет в виду не названного напрямую Пушкина, говорит мотив безвременной смерти от пули, характеристики «волшебно-сладкогласный», «мощный чародей». Формируется образная парадигма «Пушкин → Прометей-демиург». Пушкин, будучи создателем русского литературного языка, сравнивается с Прометеем-демиургом, а язык отождествляется с глиняными статуями создателя людей. Мотив одухотворения Прометеем своих созданий присутствует как у античных авторов, так и у Гёте. Согласно античным источникам, Прометей оживляет людей либо самостоятельно небесным огнём³⁴, либо при содействии других богов: «Вулкан по приказу Юпитера сделал из глины изображение женщины, а Минерва дала ей душу»³⁵ [Гигин: 194] (Вулкан/Гефест в античной мифологии тождественен Прометею [Каяниди, 2023: 170-179]). В незавершённой драме Гёте «Прометей» статуи людей Прометей оживляет совместно с Афиной: «Минерва, дочь твоя, / С мятежным заодно, / Открыв ему источник жизни, / Одушевила все его созданья...»³⁶.

* * * * *

В стихотворении «К Промефею» объединены две ипостаси античного титана: демиург и культурный герой. Кюхельбекер переосмысляет миф о сотворении людей Прометеем: в древнегреческих и древнеримских источниках, а также в новоевропейской литературе титан создаёт статуи людей, а Афина/Минерва оживляет их. В произведении Кюхельбекера обе функции выполняются Прометеем без участия женского начала. Прометей отождествляется с Гёте, учителем и вдохновителем великих немецких поэтов.

Стихотворение «Они моих страданий не поймут...» отражает трагическую судьбу самого Кюхельбекера. Лишённый зрения поэт, находящийся в ссылке, тяготящийся ограниченным обществом, хочет быть похожим на Прометея. В произведении Кюхельбекера происходит мифологическое переосмысление его собственной биографии. Он соотносит фрагменты и детали мифа о мятежном титане с событиями из своей жизни. Кюхельбекер хотел бы быть Прометеем. Он подобен мифологическому герою, но не является им, вследствие чего возникает отрицательное сопоставление Кюхельбекера с Прометеем.

В стихотворении «До смерти мне грозила смерти тьма...» возникает образная парадигма «Пушкин → Прометей-демиург». Пушкин отождествляется с Прометеем. Титан создаёт скульптуры людей, поэт – русский литературный язык и вдыхает в него жизнь, подобно Прометею. Кюхельбекер снова переосмысляет миф о создании человеческого рода: титан в очередной раз представлен самостоятельным демиургом в отличие от героя античных текстов, создающего людей совместно с богиней мудрости.

В лирике Кюхельбекера Прометей предстает во всех своих традиционных ипостасях – и как страдающий титан, и как культурный герой, и как демиург. Для рецепции прометеевского мифа русским поэтом-романтиком характерно включение античного титана в состав образных парадигм, которые строятся по модели «поэт → Прометей». Осмысление Прометея не как демиурга, а как художника восходит к Гёте и свидетельствует о влиянии немецкого поэта на рецепцию мифологического образа Кюхельбекером.

Примечания

- ¹ Государственный каталог музеиного фонда Российской Федерации: сайт. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=9065676> (дата обращения: 30.09.2025)
- ² Кюхельбекер В.К. Избранные произведения: В 2 т. Т. 1. Москва; Ленинград: Советский писатель, 1967. С. 618.
- ³ Там же. С. 136
- ⁴ Лукиан Самосатский. Сочинения: В 2 т. Т. 2. Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. С. 18.
- ⁵ Кюхельбекер В.К. Избранные произведения. С. 137.
- ⁶ Эсхил. Скованный Прометей // Полное собрание сочинений Д.С. Мережковского: В 24 т. Т. 20. Москва: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1914. С. 30.
- ⁷ Гёте И.В. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 5. Москва: Художественная литература, 1977. С. 81.
- ⁸ Государственный каталог музеиного фонда Российской Федерации: сайт. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=49303623> (дата обращения: 30.09.2025)
- ⁹ Кюхельбекер В.К. Избранные произведения. С. 137.
- ¹⁰ Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В 2 т. Т. 1. Москва: Наука, 1994. С. 19.
- ¹¹ Гёте И.В. Фауст. Москва: АСТ, 2023. С. 304.
- ¹² Кюхельбекер В.К. Избранные произведения. С. 137.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. С. 297.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Эсхил. Скованный Прометей. С. 16, 30.
- ¹⁷ Кюхельбекер В.К. Избранные произведения. С. 297.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Эсхил. Скованный Прометей. С. 11, 50.
- ²³ Лукиан Самосатский. Сочинения: В 2 т. Т. 1. Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. С. 92.
- ²⁴ Петроний Арбитр. Сатирикон. Фрагменты // Римская сатира. Москва: Художественная литература, 1989. С. 237.
- ²⁵ Примечательно, что большая часть русских писателей-романтиков отдаёт предпочтение не традиционному орлу, а коршуну: «Иль жив доселе коршун Прометея, / Не разрешен с Зевесом старый спор...» (А.А. Григорьев, «Старинные, мучительные сны!..» 1846 г. Цит. по: Григорьев А.А. Стихотворения. Поэмы. Драмы. Санкт-Петербург: Академический проект, 2001. С. 96); «Увы! и я, как Прометей, / К скале прикована своей, – / Мне коршун-горе сердце гложет... (Малоизвестный русский поэт-романтик Ю.В. Жадовская, «Увы! и я, как Прометей...», 1857 г. Цит. по: Жадовская Ю.В. Увы! И я, как Прометей // Поэты 1840–1850-х годов. Ленинград: Советский писатель, 1972. С. 286); «Видали ль вы, как хищные и злые, / К оставленному трупу в тихий дол / Слетаются наследники земные, / Могильный ворон, коршун и орёл? / Так есть мгновенья, краткие мгновенья, / Когда, столпясь, все адские мученья / Слетаются на сердце – и грызут! / Века печали стоят тех минут. / Лишь дунет вихрь – и сломится лилея; / Таков с душой кто слабою рожден, / Не вынесет минут подобных он: / Но мощный ум, крепясь и каменея, / Их превращает в пытку Прометея! / Не сгладит время их глубокий след: / Все в мире есть – забвенья только нет!» (М.Ю. Лермонтов, «Измаил-Бей». Цит. по: Лермонтов М.Ю. Сочинения: В 2 т. Т. 1. Москва: Правда, 1988. С. 358-359). Рискнем предположить, что на русских поэтов первой половины XIX века оказывали влияние не только античные источники, но и великий Дж.Г. Байрон, который говорит в своем «Прометее»: «Скала и коршун... Гнёт оков...» (Цит. по: Байрон Дж.Г. Прометей // Избранная лирика. Москва: Радуга, 1988. С. 251).
- ²⁶ Кюхельбекер В.К. Избранные произведения. С. 297.
- ²⁷ Эсхил. Скованный Прометей. С. 49, 52, 17.
- ²⁸ Государственный каталог музеиного фонда Российской Федерации: сайт. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=22481649> (дата обращения: 30.09.2025)

- ²⁹ Кюхельбекер В.К. Избранные произведения. С. 297.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же. С. 313.
- ³³ Там же. С. 314.
- ³⁴ Первый Ватиканский мифограф. Античная история. Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. С. 203.
- ³⁵ Гигин. Мифы. Санкт-Петербург: Алетейя, 2017. С. 194.
- ³⁶ Гёте И.В. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 5. Москва: Художественная литература, 1977. С. 79.

Список литературы

- Борухович В.Г.* Примечания [к «Мифологической библиотеке»] // Аполлодор. Мифологическая библиотека. Ленинград: Наука, 1972. С. 124-185.
- Жирмунский В.М.* Жизнь и творчество Гердера // Гердер И.Г. Избранные сочинения. Москва; Ленинград: Государственное издательство художественной литературы, 1959. 458 с.
- Казьменко К.И.* Образ Прометея в художественной литературе: специальность 10.00.00. Филологические науки: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва, 1951. 14 с.
- Каро Е.* Философские теории второй части «Фауста» // Гёте И.В. Собрание сочинений Гёте в переводах русских писателей: В 10 т. Т. 2. Санкт-Петербург: зги 1878. С. 9-53.
- Каяниди Л.Г.* Орнитологическая символика (орел / коршу н) в трагедии Вячеслава Иванова «Прометей» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 71. С. 245-269. DOI: 10.17223/19986645/71/15
- Каяниди Л.Г.* Трагедия Вячеслава Иванова «Прометей» и античная мифология Гефеста // Приношение: Азе Алибековне Тахо-Годи от благодарных учеников и коллег к 100-летию со дня рождения: Fuga temporum. Санкт-Петербург: Алетейя, 2023. С. 170-179.
- Королева Н.В.* В.К. Кюхельбекер // Кюхельбекер В.К. Избранные произведения: В 2 т. Т. 1. Москва; Ленинград: Советский писатель, 1967. С. 5-61.
- Королева Н.В.* Примечания [К избранным произведениям Кюхельбекера] // Кюхельбекер В.К. Избранные произведения: В 2 т. Т. 1. Москва; Ленинград: Советский писатель, 1967. С. 603-660.
- Котляревский Н.А.* Вильгельм Карлович фон-Кюхельбекер // Библиотека великих писателей. Петроград: Брокгауз-Ефрон, 1915. С. 266-279.
- Лосев А.Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. Москва: Искусство, 1976. 367 с.
- Мордовченко Н.И.* Русская критика первой четверти XIX века. Москва; Ленинград: АН СССР, 1959. 430 с.
- Протопопова А.В.* Сюжет о с сотворении людей в мифе о Прометео у Фульгенция / А.В. Протопопова, И.А. Протопопов // Studia Litterarum. 2019. Т. 4, № 4. С. 44-57.
- Тынянов Ю.Н.* В.К. Кюхельбекер // Кюхельбекер В.К. Лирика и поэмы: В 2 т. Т. 1. Ленинград: Советский писатель, 1939. С. 5-80.

Alexandra A. PANKOVA

bachelor's degree, Smolensk State University (Smolensk, Russia),
sovapankova@yandex.ru

THE PROMETHEAN SUBTEXTS IN WILHELM KUCHELBECKER'S LYRIC POETRY

Scientific adviser:

Leonid G. Kaianidi

Reviewer:

Aleksandr A. Lebedev

Paper submitted on: 09/26/2025;

Accepted on: 12/15/2025;

Published online on: 12/15/2025.

Abstract. The article examines allusions to the myth of Prometheus in Wilhelm Kuchelbecker's lyric poetry, specifically in the poems "To Prometheus", "They Will Not Understand My Suffering...", and "Before Death, I was Threatened by Death's Darkness...". The aim of the study is to analyze how the myth of Prometheus is received and interpreted within the works of this Romantic poet. The research employs comparative analysis, figurative-paradigmatic, motivic-thematic, and subtextual methods. In Kuchelbecker's poetry, Prometheus is depicted as a suffering titan, a cultural hero, and a demiurge. The study also reveals a figurative paradigm "poet → Prometheus" as a unique feature of Kuchelbecker's lyric poems.

Keywords: Wilhelm Kuchelbecker, Goethe, Prometheus, mythopoetics, Russian Romanticism, subtext, ancient motifs, figurative paradigm

For citation: Pankova, A. A. The Promethean Subtexts in Wilhelm Kuchelbecker's Lyric Poetry. StudArctic Forum. 2025, 10 (4): 138–148.

References

- Borukhovich V.G. Notes [to the Mythological Library]. In *Apollodorus. The mythological library*. Leningrad, Nauka, 1972, pp. 124-185. (In Russ.)
- Zhirmunsky V.M. The life and work of Johann Herder. In Herder J.G. *Selected works*. Moscow, Leningrad State Publishing House of Fiction, 1959, 458 p. (In Russ.)
- Kazmenko K.I. *The image of Prometheus in fiction*. Candidate's thesis (Philology). Moscow, 1951, 14 p. (In Russ.)
- Karo E. Philosophical theories of the second part of Faust. In Goethe J.W. *Collected works translated by Russian writers*: In 10 vols. Vol. 2. St. Petersburg, published by N.V. Gerbel, 1878, pp. 9-53. (In Russ.)
- Kaianidi L.G. Ornithological symbolism (eagle/vulture) in Vyacheslav Ivanov's tragedy "Prometheus". *Tomsk State University Journal of Philology*, 2021, No. 71, pp. 245-269. DOI: 10.17223/19986645/71/15 (In Russ.)
- Kaianidi L.G. Vyacheslav Ivanov's tragedy "Prometheus" and the ancient mythology of Hephaestus. *Offering: To Aza Alibekovna Takho-Godi from grateful students and colleagues celebrating her 100th anniversary: Fuga temporum*. St. Petersburg, Aletheia, 2023, pp. 170-179. (In Russ.)
- Koroleva N.V. Wilhelm Kuchelbecker. In Kuchelbecker W.K. *Selected works*: In 2 vols. Vol. 1. Moscow, Leningrad, Sovetsky pisatel, 1967, pp. 603-660. (In Russ.)
- Koroleva N.V. Notes [to Wilhelm Kuchelbecker's selected works]. In Kuchelbecker W.K. *Selected works*: In 2 vols. Vol. 1. Moscow, Leningrad, Sovetsky pisatel, 1967, pp. 5-61. (In Russ.)
- Kotlyarevsky N.A. Wilhelm Karlovich von Kuchelbecker. In Vengerov S.A., ed. *Library of great writers*. Petrograd, Brockhaus and Efron, 1915, pp. 266-279. (In Russ.)
- Losev A.F. *The problem of symbol and realistic art*. Moscow, Iskusstvo, 1976, 367 p. (In Russ.)
- Mordovchenko N.I. *Russian criticism of the first quarter of the 19th century*. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR, 1959, 430 p. (In Russ.)
- Protopopova A.V., Protopopov I.A. Creation myth and the Prometheus myth in Fulgentius. *Studia Litterarum*, 2019, Vol. 4, No. 4, pp. 44-57. (In Russ.)

Tynyanov Yu.N. Wilhelm Kuchelbecker. In Kuchelbecker W.K. *Lyric poetry and other poems*: In 2 vols. Vol. 1. Leningrad, Sovetsky pisatel, 1939, pp. 5-80. (In Russ.)

Content № 4, Vol. 10, 2025

<i>Safonova A. Y.</i>	A decade of Struggle: Rector M. I. Shumilov and Construction of New Buildings of Petrozavodsk State University	5 - 11
<i>Golubentseva A. O.</i>	The Fate of the Notarial Profession in the Olonets Province, 1917–1918	12 - 20
<i>Popov D. A.</i>	Echoes of the 1921–1922 Karelian Adventure in Southern Karelia	21 - 32
<i>Burovsky A. A.</i>	Military Intelligence Tactics of the Red Army and the Wehrmacht during the Siege of Leningrad, Winter 1941–1942	33 - 41
<i>Vlasova A. A.</i>	Verb Tense Choice Errors in French-Language Student Writing: A Corpus Study	42 - 47
<i>Dementyeva E. V.</i>	Cultivating Mathematical Thinking in Kindergarten: A Comparative Analysis of German and Russian Approaches	48 - 55
<i>Kazmina E. D.</i>	Principles and Techniques for Generating Problem-Based Scenarios for Russian Language Classes	56 - 64
<i>Kalinina P. N.</i>	The Challenge of Defining Task-Based Learning (TBL)	65 - 72
<i>Kutepova I. Y.</i>	Age dynamics of Educational Motives of Primary School Children with Intellectual Disabilities	73 - 85
<i>Efremova E. A.</i>	The Formation of Administrative Justice in Russia: Stages and Features	86 - 94
<i>Zakirov V. D., Kozhevnikov A. K.</i>	Legal Regulation of Electronic Payments and Their Impact on VAT Administration Processes in the Context of Economy Digitalization	95 - 102
<i>Ilyichov S. A.</i>	The Presumption of Joint Parenting in Family Law: Legal Framework and Implementation	103 - 109
<i>Kozhevnikov A. K.</i>	Digital Code of the Russian Federation: Legal Challenges and Prospects	110 - 122
<i>Nechaev V. S.</i>	Personal Data Consent: Analyzing Legislative Changes	123 - 130
<i>Noskova O. V.</i>	Assessing the Potential of the Por-Bazhyn Fortress in Tyva for Creating an Ethnotourism Complex	131 - 137
<i>Pankova A. A.</i>	The Promethean Subtexts in Wilhelm Kuchelbecker's Lyric Poetry	138 - 148